

МАША ТРАУБ

Бабушка, которая
хотела стать деревом

Annotation

«Бабушка, которая хотела стать деревом» – книга о людях, таких же, как мы с вами. Маша Трауб виртуозно соединяет трагическое и комическое, с легкостью и юмором говорит о самых серьезных вещах и заставляет читателя то смеяться до слез, то грустить.

Эта книга – сборник новелл о семье. О том, что каждому обязательно нужны близкие – те, с кем не надо притворяться, кто станет прощать нам неудачи и терпеливо слушать, когда мы захотим поделиться мечтами, пусть и такими странными, как стать после смерти деревом.

В этих рассказах любые совпадения с реальностью неслучайны. Хотя, казалось бы, как бабушка может стать деревом? Какая мистическая сила может вынудить трезвомыслящего человека потеряться в незнакомом городе и изменить представления о своей судьбе? Как можно запланировать собственную смерть, провалить собственные похороны и снова начать радоваться жизни? Но это все – наша с вами самая обычная жизнь в ее калейдоскопическом разнообразии и ошеломляющем неправдоподобии, но неправдоподобии лишь кажущемся.

-
- [Маша Трауб](#)
 -
 - [Одна живая девочка](#)
 - [Жизнь в аренду.](#)
 - [Репетиция](#)
 - [Своя дорога](#)
 - [Бабушка, которая решила стать деревом](#)
 - [Работа души](#)
-

Маша Трауб

Бабушка, которая хотела стать деревом

© Трауб М., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Одна живая девочка

Моей дочери два года. Маленькая девочка с косичками. Она стояла в прихожей и смотрела на меня очень внимательно, строго, не улыбаясь. Указательный и средний пальчики на правой руке переплела. И поджала пальчики на ногах, как птичка на веточке, – это у нее такая привычка. Я вдруг вспомнила. Хотя что значит – вспомнила? Я и не забывала ту ночь. И вряд ли когда-нибудь забуду.

Необязательно находиться на краю гибели, чтобы вся жизнь промелькнула перед глазами. Для этого достаточно носить ребенка.

Мы с мужем очень хотели эту девочку. Она была нам очень нужна. Я все делала для того, чтобы она родилась здоровой. Страхи беременной женщины – это что-то чудовищное. Они идут изнутри, из утробы, и с ними ничего нельзя поделать. Потому что невозможно заглянуть внутрь живота и посмотреть в глазки – больные? Невозможно потрогать лобик и ручку – горячие? Меня мучили два страха – гипоксия и резус-конфликт. Так было с сыном, которого я сохраняла всеми возможными и невозможными способами: мальчику не хватало воздуха, он задыхался, а мой организм не хотел его принимать, считал чужим. Я и мозгами, и душой отказывалась понимать, как такое вообще может быть. И почему это случилось именно со мной? Сына я выносила, вылежала, выпросила у всех богов, в которых готова была в тот момент поверить.

С девочкой – а я уже знала, что это девочка, – все складывалось хорошо: ни гипоксии, ни резус-конфликта благодаря появившейся за минувшие годы вакцине. Ей было хорошо, она росла и развивалась. Сосала пальчик, била ногой мне в ребра, выставляла пятку, которая просвечивала сквозь живот. Или это была не пятка, а голова или попа?

Я поехала на очередное обследование – плановое УЗИ. Врач водила по животу, размазывая холодный гель, и хмурилась.

– Что там? – замерла я.

– Все хорошо, – ответила она таким тоном, каким врачи говорят «хорошо», когда очень-очень плохо. Она ушла и вернулась с коллегой. Коллега смотрел в монитор и хмурился. Я запомнила, что у него на

пальце был перстень. Большой золотой перстень, который мне совсем не понравился. Даже раздражал.

– Да? – спросила его врач, которая вела мою беременность.

– Угу. – Доктор без тени сомнения ткнул пальцем в экран.

– Что там? – повторила я.

Доктор с перстнем вышел – мол, объясняйся со своей беременной сама. Я в тот момент почему-то сосредоточилась на деталях, совершенно неважных и ненужных. Моя врач младше меня на несколько лет, у нее рыжие волосы, она красивая молодая женщина и так посмотрела на своего коллегу, что у них наверняка мог бы случиться роман. Или уже случился. Почему-то тогда я думала не о себе, не о том, что они увидели на мониторе, а о том, как она снимает халат, надевает джинсы и идет в кафе с этим доктором – смеется его шуткам, улыбается собственным мыслям и строит планы на будущее. И почему-то тогда мне совсем не хотелось, чтобы она шла с ним в кафе и строила планы – он слишком категоричный, жесткий, властный. И еще этот дурацкий перстень. Этот мужчина ей совершенно не подходит. Она добрая, нежная, не растерявшая эмпатию. А еще умная.

– Завтра утром приезжайте еще раз. К восьми утра. Здесь будет врач, которая на этом специализируется. У нее глаза хорошие. Она видит то, чего никто не видит, – услышала я голос своего врача.

– Что там? Мне нужно знать, – настаивала я.

– Давайте завтра еще раз посмотрим... – Она не хотела мне говорить.

Я молчала и не вставала с кушетки. Из скудных медицинских терминов, которые я бы никогда не смогла повторить, поняла, что у моей девочки что-то с головой. С мозгом. И возможно, она не родится. А если и родится, то больной. Умственно отсталой.

– Пожалуйста, только не залезайте в интернет. Не надо ничего читать. Приедете домой, погуляйте и ложитесь спать. Утром все будет понятно. Не опаздывайте, – сказала врач, и я еще раз убедилась, что эмпатия все же свойственна умным людям. Дураки на это не способны.

До дома я ехала с включенной аварийкой в крайнем правом ряду. Боялась, что вообще не доеду.

Мужу я сказала, что завтра нужно съездить к другому врачу, убедиться, что все хорошо. Я знаю, когда он волнуется за меня,

начинает потирать ребра под сердцем. И в этот момент я понимаю, насколько сильно он меня любит. Иногда я прошу его сказать мне «хоть что-нибудь». Он не понимает, что говорить, когда вон там, под ребрами, начинает ныть. И сердце колотится как молот. И вдохнуть тяжело. Зачем нужны слова? Я знаю, что он отдаст руку, ногу, почку, всего себя, лишь бы были здоровы я и дети – сын, который никак не мог осознать, что в животе у его мамы сидит еще один человек, и эта маленькая девочка уже все умела: и улыбаться, и хмуриться, и чувствовать.

Я не стала включать компьютер. Как велела врач, погуляла и рано легла, будто от четкого соблюдения рекомендаций могло что-то измениться. Уснуть не получалось. У меня оставалась ночь, чтобы принять решение. Вариантов было два – если диагноз подтвердится, беременность нужно прерывать. Если нет – пить витамины, читать журналы про материнство и кормить белочек в парке. Имелся еще один вариант – не верить врачам, аппаратуре и надеяться на чудо. Почему-то мне казалось важным принять решение именно в тот вечер, в ту ночь. И быть готовой ко всему. Проблема была в том, что я не верю в чудеса. В достижения науки, в квалификацию врача верю, а в чудеса... Не знаю. Мне всегда хочется найти рациональное объяснение.

Сначала я мысленно разговаривала с мамой, советовалась. Почему-то в трудные моменты мы друг другу не звоним, а предпочитаем общаться мысленно. Мама до сих пор разговаривает с бабушкой, спрашивает совета. Бабушки давно нет в живых, а мама каждый вечер говорит ей: «Добрый вечер, мама. Как ты? Как твое здоровье?» И дальше рассказывает о делах – что посадила ромашки, что внук приедет на каникулы, что нужно дом покрасить.

«Мама, что мне делать?» – спросила я, глядя в потолок. «Не знаю, Манечка, не знаю, – ответила мама. – Ты уже большая, умная, ты все правильно решишь». – «Ты тоже через это прошла!» – «Что ты, совсем другое время было».

Мама ходила беременная, ждала меня. И вдруг днем на работе сорвалась с места, никого не предупредив, и поехала в Институт акушерства и гинекологии, который находился в двух автобусных остановках от ее работы.

– Мне нужно, – заявила она в регистратуре.

– Женщина, у нас с улицы не принимают! – воскликнула медсестра.

– Меня примете, – оборвала ее мама.

У нее есть уникальные способности, мне они не передались. Мама чувствует и умеет убеждать людей. Она всегда добивается того, что ей нужно в конкретный момент. Может, это разновидность гипноза, может, ей попадаются внушаемые люди, может, это от нее исходят такие импульсы, что проще согласиться.

Мама вдруг почувствовала, что я не шевелюсь. Прислушалась, подумала и поехала в этот институт. Она знала одно – только там есть специальный прибор, который приставляют к животу, и он транслирует удары сердца. Передает звук. В трубку, которой ее прослушивала врач, мама не верила, а этому почти мифическому аппарату – верила. Ей казалось, что она непременно должна услышать, как бьется мое сердце. Своими ушами, а не ушами доктора.

Ее действительно приняли, и она услышала, как бьется мое сердце.

– Все равно что-то не так, – не успокаивалась она.

Профессор, которая подключала к ее животу аппарат, оказавшийся обычной черной коробочкой, уверяла, что «все так». Но мама не верила. Наверное, ей коробочка не понравилась. Я ведь тому доктору с перстнем тоже не поверила. Исключительно из-за перстня.

Через два дня мама ехала из библиотеки в автобусе, с книжками, перевязанными бечевкой, – она писала диссертацию. Автобус шел мимо роддома.

– Остановите, остановите! – закричала она водителю.

– Не положено, – ответил тот.

– Мне положено, – проговорила мама твердо и посмотрела ему в глаза. Он нажал на тормоз, так что все стоящие люди чуть не попадали. Только мама стояла как вкопанная. Она вышла и направилась в роддом.

– Сейчас я буду рожать. За книжками моими присмотрите. Они библиотечные, – велела она медсестре.

Та посмотрела на нее как на сумасшедшую и возмущенно затараторила:

– Женщина, вы вообще из какого района? Где ваша карта? Какой срок?

– Я вообще к вам, идите за врачом. – Мама зыркнула на медсестру так, что она побежала туда, куда ее послали.

Я родилась через полтора часа. Восьмимесячная. Недоношенная. Доктор смотрел на маму с интересом, а медсестра прижимала к груди стопочку ее книжек.

– Если возьмет грудь – выживет, – сказал маме врач. – А пока в кювез.

В этот момент я открыла глаза и посмотрела на маму, а она на меня.

– Грудь возьмет. Выживет, – пообещала то ли мне, то ли врачу мама.

И опять оказалась права.

Пока я была в кювезе, мама сцеживалась. Молока оказалось много, грудь наливалась и болела. У маминой соседки по палате не было молока, и ее ребенок, мальчик, плакал, а женщина, тоже заливаясь слезами, терзала свою пустую грудь. Мама встала, подошла к ней, забрала ребенка, он жадно присосался к огромной груди и зачмокал. Его мать продолжала плакать. Мама кормила ее сына все положенные часы кормления. Все дни, что они провели в роддоме. Медсестра приносила сверточек и сразу отдавала его маме. Она заранее мыла грудь над раковиной, вытирала полотенцем и прикладывала чужого ребенка. Малыш разъел соски, и после кормления мама мазала грудь зеленкой – тогдашним средством «от всего». После кормления отдавала ребенка его матери, и та качала спящего сытого сына, капая на пеленку слезами.

При этом мама со своей соседкой по палате почти не разговаривали. Даже совсем не разговаривали. Мама всегда так себя ведет, когда думает или очень волнуется – замолкает, немеет. Женщина приняла это молчание и не лезла с разговорами. Со стороны это, конечно, смотрелось странно – молчаливое кормление, передача ребенка, слезы у одной и плотно сжатые губы у другой. Но им было наплевать на всех остальных мамочек, которые болтали, обсуждали мужей и свекровей, перебирали имена для новорожденных. Мама и ее соседка по палате понимали друг друга без слов и вели молчаливый диалог. Соседку выписывали раньше. Мама нацедила для нее две бутылочки «в дорогу», и еще несколько пакетиков лежали

замороженные в холодильнике в коридоре. Должно было хватить, пока не купят смесь.

Муж соседки привез на выписку конфеты, коньяк и цветы для медсестер и врачей.

– Скажи – что? – спросила женщина у мамы, потому что уже поняла, что деньги, духи и все остальное она не возьмет.

– Билет в СВ, – ответила мама. Билеты тогда можно было только «достать», а об СВ – только мечтать.

– Куда? – уточнила женщина.

Мама назвала место, которое было отмечено не на каждой карте.

– Будет, – пообещала женщина.

Мама кивнула и передала ей сына, которого покормила в последний раз.

Через неделю она проснулась, посмотрела в больничное окно, потом на тумбочку, где лежал билет, и решила, что нам пора. Она пошла к врачу и сказала, что забирает дочь и едет домой. Врач отвлекся от бесконечной писанины и снял очки.

– Ну знаете... – развел он руками. – Таких рожениц в моей практике еще не было. Вы хоть понимаете, что рискуете здоровьем своего ребенка? Что у нас температурный режим, что она на капельнице? Не пущу.

– П стите. Под расписку обязаны. – Мама была непреклонна. Врач с ней не спорил. Тоже, кстати, удивительный факт. Впрочем, они друг друга поняли еще в тот момент, когда она меня рожала. Маме понравились очки доктора, перевязанные в том месте, где дужка, веревочкой.

– Почему вы новые очки себе не купите? – спросила она между схватками.

– Не хочу. Мне эти нравятся, – ответил врач.

Мама всегда вспоминала, что у того доктора были очень красивые морщины, круги под глазами, которые ему удивительно шли, и теплые руки.

– Он тебя так держал, когда ты родилась, будто сокровище, – рассказывала она мне. – Было видно, что ты ему нравишься. Он тебя рассматривал, как картину.

– Девочка красавица, как мама. И характер такой же, – объявил он, кладя меня ей на живот. – Очень своевольная девочка.

– Доктор, а у вас есть дети? – спросила мама.

– И дети, и внуки. Только я им не нужен. Они уже взрослые. А вот этим, – он одним пальцем погладил меня по голове, – нужен.

Мама написала расписку: «Получила одну живую девочку. Дата, подпись» – именно в такой чудовищной формулировке – и поехала домой. Из дома она позвонила своей маме, моей бабушке, которая жила далеко, в северокавказском селе, и сказала, что придет. Не одна, с внучкой. Бабушка, которая собиралась к маме на роды через месяц, упала в обморок рядом с телефоном.

В селе все новости разлетаются быстро. К тому моменту, когда мама вышла из вагона – поезд стоял две минуты, – все было готово к ее приезду. Меня положили в узенькую деревянную люльку с прорезью, куда вставлялась баночка для мочи. Люлька была выложена овечьими шкурками для тепла.

Дома у бабушки, помимо люльки, лежали выстиранные и выглаженные пеленки. На столе горой – погремушки, рукавички, чепчики, одеяла. Отдельной стопочкой сложены ползунки и распашонки. Все принесли соседи.

Рождение ребенка... То, что может сделать маленький человек, не может сделать никто. Когда мама зашла в дом, там сидела бабушкина двоюродная сестра – тетя Варя. Они с бабушкой не разговаривали десять лет, хотя жили в пяти минутах ходьбы друг от друга. Это была давняя обида, о причине которой никто не помнил. В памяти остались какие-то дурные, глупые обвинения, слова, сказанные в запале. На самом деле они любили друг друга, только не знали, как помириться. Каждая боялась, что сестра не примет, не простит.

Все двое суток, пока мама ехала в поезде, тетя Варя мыла, стирала, гладила. Она пришла к бабушке, кивнула ей, повязала фартук и начала готовить дом. Она же принесла огромную, набитую пухом подушку для меня. Подушку сшила заранее: перебирала пух, сушила, встряхивала, строчила наволочку. Хотела подарить бабушке сначала на день рождения, потом на Новый год, но все не решалась. Она так и пришла – с подушкой в обнимку.

На этой подушке я засыпала мгновенно, после чего меня перекладывали в люльку.

Тетя Варя приносила отвары и собранные в пакетик ромашку и череду – чтобы купать, чтобы не было опрелостей, чтобы животик не болел, чтобы сон был спокойным. Только тетя Варя умела иглой так дырять соски, чтобы ребенок наедался и не захлебывался. Только она, бездетная, умела туго пеленать, превращая пеленочный кокон в аккуратную гусеничку – в селе считали, если девочку правильно пеленать, ножки будут ровненькие. Тетя Варя знала немыслимое количество колыбельных. И она же принесла здоровенный рулон марли – сумасшедшая, немыслимая роскошь, – чтобы накрывать коляску от комаров, процеживать отвары, подкладывать под пеленку. Подгузников, как и прокладок, тампонов, бандажей для беременных, компрессионных чулок, тогда не существовало. Сейчас я удивляюсь специальным курткам-трансформерам для беременных с подстежкой для растущего живота, отдельным конвертам для ребенка, который находится у груди – и маме, и ребенку тепло и спокойно. Муфтам на колясках я особенно завидую – везешь коляску, и руки остаются в тепле.

Тогда же тетя Варя отрезала кусок марли и стирала его в десяти водах, пока ткань не становилась мягкой, как шелк, если такое вообще возможно представить.

Приходила бабушкина старая подруга – известная на всю округу гадалка Варжетхан. Она бросала бобы и читала заговоры. Она же повязала мне на руку красную шерстяную ниточку – от сглаза. И она же положила под подушку ножницы – чтобы отгонять злых духов. Ни бабушка, ни мама, ни тетя Варя не верили в эти заговоры и приметы, но молчали, не вмешивались. Даже когда Варжетхан велела маме сидеть над кроватью и повторять фразы – банальные, простые, даже примитивные: чтобы дочка росла здоровой, чтобы была счастливой, чтобы хорошо росла и спала, чтобы зубки не мучили, – мама слушалась. Сидела и повторяла. И прибавляла: «Я тебя люблю, очень люблю». Варжетхан – старая усатая гадалка с больными ногами – знала про материнское биополе, силу материнской мысли. И это заклинание, что удивительно, работало.

Маму эти три женщины укладывали спать, напоив успокоительным отваром. Кормили творогом и заваривали чай с травами, чтобы молоко не убывало. Но главное – они оградили ее от всех забот. И это главная помощь молодой маме – хотя бы на время

позволить ей не думать о быте, готовке, уборке. Дать возможность думать только о себе и ребенке.

Через полгода я ела пюре из абрикосов, которые бабушка срывала с дерева, а тетя Варя терла на самой мелкой терке, ела кашу на молоке от соседской козы и пила колодезную воду, которую грели на солнце.

Мама вернулась со мной в Москву, когда я уже всю бегала. Она приехала в роддом и попросила вызвать врача. Еще издали заметила, что тот очень постарел за этот год. Шел тяжело. Морщин стало больше, но они ему по-прежнему очень шли. Очки были новые, и доктор все время поправлял их пальцем, будто хотел смахнуть, как соринку, попавшую в глаз.

Мама поздоровалась, но он на нее даже не посмотрел. Присел на корточки и смотрел только на меня.

– А я тебя знаю, – сказал он мне.

Я насупилась и спряталась за мамину ногу.

– Иди ко мне, девочка, – позвал доктор.

И я пошла к нему. Он поднял меня на руки – мама видела, что ему тяжело – и пощекотал.

– Девочка... – ласково пропел доктор, – ты красавица. Спасибо вам. Спасибо, что приехали, – обратился он наконец к маме. – Я о вас не забывал. И знаете что? Вы меня не подвели. Я знал, сразу понял, что вы очень необычная женщина.

– Вы болеете? – спросила вдруг мама.

– Да, немного. – Доктор улыбнулся. – Деточка, я старый человек, у меня должно быть много болячек.

– Не волнуйтесь, вы не умрете, проживете еще много лет. Работать не будете, но жить будете, – сказала мама, взяла меня за руку и ушла, не прощаясь.

Доктор стоял и смотрел ей вслед. Он улыбался и даже забыл про свои новые очки.

– За тот год, твой первый год, я прожила целую жизнь, – рассказывала мама. – В ней было все – и горе, от которого останавливается сердце, и счастье, от которого сердце опять перестает биться. Ребенок – это твоя жизнь. Ты – моя жизнь.

...Врач с уникальными глазами оказалась пожилой. Я опять лежала на кушетке и рассматривала ее седину – белые до рези в глазах

полосы на черных волосах. У нее было красивое имя – Гелена, Гелена Ивановна. Я запомнила не потому, что от нее зависели моя жизнь и судьба моего ребенка, а потому, что удивилась: надо же – Гелена Ивановна. Наверное, в детстве ее звали Геля, а в школе и институте всегда путали, называя Еленой.

– Все хорошо, – удивленно обратилась она не ко мне, а к моему врачу, которая стояла рядом. – Ничего такого не вижу.

– Я знаю, – отозвалась я.

В эту ночь, точнее в те два часа, на которые мне удалось задремать, я увидела во сне девочку, которая стояла и внимательно на меня смотрела. Она переплела пальчики на руке и поджала губки. Во сне я знала, что это моя дочь, она обязательно родится и будет именно такой – с кудрявыми волосиками, пухлыми губками и карими глазками. А еще тогда я услышала мамин голос: «Варжетхан говорила, что у меня будет двое внуков».

– У вас есть дети? – спросила я вдруг у Гелены Ивановны.

– И дети, и внуки, – улыбнулась она.

– Это хорошо, – сказала я.

– И у тебя будут и дети, и внуки.

– Обещаете? – рассмеялась я.

– Обещаю, – ответила ласково врач.

И я ей поверила. Сразу. Наверное, потому, что мне понравилась ее седина. Мне захотелось стареть так же – чтобы была такая же красивая белая проседь, такие же невероятно красивые морщины и непременно работать, пока есть силы. Дарить счастье, которое совершенно невозможно измерить ни по какой шкале, вычислить математически. Знать, что у твоего ребенка все хорошо, – это счастье абсолютное. Мгновение, за которое можно отдать целую жизнь.

В роддоме перед выпиской я под диктовку медсестры писала расписку: «Получила одну живую девочку. Дата. Подпись». Писала и вспоминала маму, теперь дважды бабушку. А моя девочка, как будто в подтверждение того, что она живая, орала на весь роддом.

Жизнь в аренду

Как же я хотела домой. Последние дни были совсем невыносимы, до слез. Казалось бы, ну что плохого? Вокруг красота, виды, все удобства. Живи и радуйся. Но вдруг организм дает понять, что подушка – не твоя и на ней лежало бог знает сколько голов. Кондиционер установлен так, что дует прямо в шею, отчего та болит уже неделю. Продуло. Выключишь кондиционер – вообще не уснешь. Жарко, влажно, душно.

О, нашла на что жаловаться! Кондиционер ее не устраивает. Ну поставь вентилятор. Поставила. Гудит, тарахтит. Не сон, а кошмары из детства. В моем детстве, когда слова «кондиционер» никто не слышал, гудели вентиляторы. Маленькие, бессмысленные, на массивной подставке, отчаянно ревущие, как машина с барахлящим глушителем. Или чудо из чудес – вентилятор на потолке, часть люстры – огромной, массивной. Лопастей большие, как и плафоны. У кого какие фобии, а я всегда боялась, что эта люстра однажды упадет мне на голову, потому что ее не выдержит потолок. Люстра с вентилятором подразумевала высокие потолки, с лепниной, что-то фундаментальное, а не хлипкие конструкции панельной пятиэтажки. Чтобы включить вентилятор, надо дернуть за шнур. Дергать аккуратно, нежно, столько раз уже обрывали! Шнур, в отличие от люстры, так себе – шнурок с пластмассовой пимпочкой на конце. Совсем непрезентабельный. Будто фантазия дизайнеров закончилась на плафонах в виде цветов ужасающих размеров, а шнурок приделали абы как. Если шнур рвался в середине, его аккуратно связывали и дергали непременно над узлом. Нижняя часть становилась декоративной, как и пимпочка, не пойми зачем нужная. Находились хозяйки-умелицы, которые шнур не связывали, а сшивали, чтобы было незаметно. Но все равно на всякий случай дергали выше шва. Иногда, точнее очень часто, эти люстры вышибали пробки. Но пробки поменять проще, чем люстру, доставшуюся за огромные деньги и благодаря знакомству с директором магазина.

Потолочный вентилятор тоже гудит. Лопастей крутятся вяло, нехотя, будто делая одолжение. На этой же люстре висит липкая лента

от мух, которую давно стоило бы сменить. Заснуть опять не получается – лежишь и смотришь на медленно вращающиеся лопасти и трупы насекомых, густо прилепленных к ленте. И ведь можно встать, сорвать ленту, выключить вентилятор, дернув сильно, чтобы непременно сорвать шнур, открыть окно, но сил нет, да и желания тоже. От жары чувствуешь вялость, одурь, которую даже холодный душ смывает лишь на короткое время. Жара отупляет, ничего не хочется, становишься безвольным. Любое действие, движение требует усилий и договоренностей с самим собой. Проще не начинать – внутренний голос молчит, как и здравый смысл и инстинкт выживания. Встать не хочется, снимать мокрую ночнушку тоже – ведь в недрах шкафа придется искать чистую, свежую. Какой смысл, если все равно надевать на мокрое от пота тело? Опять же, завтра стирать две ночнушки, а не одну. И не в стиральной машине, а на руках хозяйственным мылом. Надо, кстати, купить новое. Лучше доспать уже в этой, мокрой. Приготовить поесть? От одной мысли становится нехорошо – стоять у плиты в такую жару. Лучше не есть, да и не хочется. Попить воды? Опять нет сил. Надо дойти до кухни. Несколько шагов, которые кажутся невыносимыми. Заставить себя, пойти взять стакан, поставить на тумбочку... Нет, лучше дождаться утренней прохлады.

Уже утром, в пять часов, выскочить из ночной одури в прилипшей к телу ночнушке, уже почти высохшей, с пересохшим ртом побежать на кухню, чтобы наконец напиться. Потом долго лежать без сна и провалиться в дремоту ближе к семи утра. А в восемь в окно начинает бить солнце. От него не скроешься ни за какими занавесками, так что приходится вставать, вяло тащиться на кухню, пить вчерашний кефир или жарить яйцо. Побыстрее, не дожидаясь, когда прожарится, потому что сил нет никаких. И так каждый день. Вечером, вместе с вечерней прохладой, наступает эйфория – хочется жить, есть, пить, гулять. Но не хватает ума поставить стакан воды на тумбочку, занавесить окна, набросив на карниз одеяло, выключить вентилятор, открыть форточки во всей квартире, протереть полы мокрой тряпкой, дав им высохнуть. Наконец, намочить простыни и развесить мокрыми в спальне – чтобы появилось хоть подобие влажности. И очередная ночь становится кошмаром с приступами удушья, часами бессонницы.

Считается, что дети, устав от жары, дневной беготни, засыпают как убитые. Я в детстве спала урывками, по несколько часов. Приткнувшись днем на диване на кухне, где вдруг ветер начал сдвигать занавеску. Или засыпала ближе к утру, когда на некоторое время тягучая духота сменялась прохладой. Или вечером на раскладушке, стоявшей на улице, под деревом, что всегда плохо для меня кончалось – я просыпалась от жуткого зуда по всему телу, покусанная комарами. Фумигаторы, кремы от зуда? Никаких фумигаторов тогда не было. Послюнявь палец и помажь место укуса – великий рецепт моего детства. А еще в памяти осталась присказка, мол, комары любят кусать детей, потому что у них кровь сладкая и чистая. Взрослых кому хочется кусать? К счастью, про вампиров тогда дети не знали, но комары вполне заменяли этих персонажей в кошмарных снах.

До сих пор, хотя мне уже под пятьдесят, я сплю под одеялом или простыней даже в самую жару. Никогда не знаешь, когда станет вдруг невыносимо холодно под утро или не будет спасу от зудящих над ухом насекомых.

Съемные углы, дома, квартиры. Их было слишком много в моей жизни. Современная молодежь относится к съемным квартирам по-другому. Забронировать на ночь, две, потом переехать – они не видят в этом проблемы. Как, впрочем, и хозяева сдающего жилья. В моих детстве и юности было по-другому. Хозяева отбирали жильцов, словно будущих родственников, потому что сдавали комнату или пристройку, сарай, но сами продолжали жить в том же доме. Кухня, туалет, ванная – общие. Приходилось соответствовать. Мама скрывала, что курит. Я говорила, что люблю вышивать или вязать.

Впрочем, лично мне врать не приходилось. Я действительно проводила вечера за шитьем, чтением или вязанием. В отличие от моей мамы, которая даже съемную комнату умудрялась превратить в притон, где курили, пили, играли в преферанс. Расходились ближе к утру, встречали рассвет шампанским или портвейном – в зависимости от того, что чудом оставалось невыпитым. Хозяева жилья, не вынеся силы маминой харизмы, сокрушавшей все домашние устои, включались в этот процесс почти сразу же. И им это нравилось. Меня, отлепив от книжки, отправляли на дискотеку со старшими детьми хозяев, которые и не рассчитывали на подобное счастье. Я помню, как

Лиана, взрослая, все еще незамужняя в свои – какой ужас – девятнадцать лет, дочь хозяев квартиры, умывалась под уличным рукомойником, стирая с ресниц тушь, прежде чем появиться перед родителями.

– Никто не заметит. – Я стояла рядом и караулила, чтобы взрослые не стали свидетелями Лианиного позора.

К концу нашего отпуска она спокойно красила ресницы и наконец нашла жениха, о чем и мечтать не смела, находясь под строгим родительским контролем. До того как моя мама появилась в жизни ее семьи.

Тетя Нина, Лианина мама, хозяйка квартиры, пристрастилась к преферансу, к ужасу ее супруга, дядя Артура, который, кажется, так до конца и не смог понять правила игры. Семейный конфликт на почве игромании почти довел их до развода. Не то чтобы дядя Артур переживал, что их дом превратился черт знает во что. Он, скорее, не мог вынести поражения – всегда проигрывал. Тетя Нина же оказалась на редкость талантливой преферансисткой. Да и считала она лучше супруга. Мы с мамой успели уехать до того, как сюжет с разводом вошел в решающую стадию. Но скоропалительную помолвку Лианы отметить успели.

Так, впрочем, было всегда. Где бы ни появлялась моя мама, обязательно случались неожиданные свадьбы, разводы и адюльтеры. Впрочем, как и незапланированные похороны. Люди жили себе спокойно много лет, а тут вдруг такое... Эмоции, бьющие через край. Одних они приводили к личному счастью, других доводили до смерти в буквальном смысле слова.

Однажды мы поселились в доме чудесной пожилой супружеской пары. Тетя Лина и дядя Эльбрус. Почему я запомнила имена? Их дочь тоже называли Линой, в честь матери, что считалось странным. Никто так не делал. В честь свекрови или бабушки – да, называли. Но, как рассказала тетя Лина, дядя Эльбрус так ее любил, так переживал, что она потеряла троих детей – двоих на ранних сроках беременности, третьего почти сразу после рождения, – что дышать боялся на дочь, которой удалось выжить. И был благодарен жене за долгожданного ребенка.

Дочка Лина выросла, вышла замуж и уехала из родного города. Так, как должно быть. Но дядя Эльбрус после отъезда дочери потерял смысл жизни. Тетя Лина радовалась, что дочь нашла свое счастье, семью, новый дом. Мечтала о внуках, хотя вслух об этом желании никогда не говорила, боялась. Вдруг ее болезнь, которую так и не установили врачи, передалась дочери? Вдруг и она будет терять детей? А дядя Эльбрус ни о чем и ни о ком не мечтал. Лежал в своей комнате и просил его не беспокоить. Тетя Лина заходила к мужу трижды в день – поставить завтрак, обед, ужин. Убрать несъеденную еду, перестелить постель, быстро убрать в комнате. Они не разговаривали, потому что дядя Эльбрус не хотел. Тетя Лина не делилась новостями от соседней, потому что супруг не желал слышать новости. Никакие. Ни хорошие, ни плохие. Что он делал в своем заточении? Тетя Лина не знала. Не читал – книг на тумбочке она не видела. Не рисовал, хотя в молодости увлекался живописью. Ничего не делал. Лежал, сидел. Так и нормальный человек с ума сойдет, если ничего делать не будет.

И вдруг появилась моя мама. Тетя Лина решила сдать Линину комнатку, чтобы хоть как-то заработать – ведь дядя Эльбрус, инженер на заводе, перестал ходить на работу, и его уволили. Его это совершенно не волновало, как и то, из чего жена приготовит ужин. Тетя Лина звонила дочери и спрашивала, когда та сможет приехать. Но дочь отвечала, что не знает. Она теперь зависела от новой семьи и, судя по голосу, была в ней счастлива. Тете Лине надо было выбирать – счастье дочери или настроение мужа. Если бы она потребовала, настояла, Лина бы приехала. Но мать сделала так, как и должна была поступить. Она встала на сторону ребенка – если дочери хорошо, значит, и ей, матери, будет хорошо.

Когда мы с мамой приехали, тетя Лина предупредила, что в комнату к ее супругу заходить нельзя. Но мама немедленно вошла. Обыграла дядю Эльбруса в шахматы, потом в карты. Играли на дурака, ради смеха. Потом дядя Эльбрус обыграл ее в шахматы, хотя все знали – и я, и тетя Лина, – что мама поддалась. Вечером они играли в преферанс. На следующий день – опять в шахматы и снова в преферанс. Дядя Эльбрус впервые за долгое время встал, побрился, сходил в парикмахерскую.

– Это ведь хороший знак, да? – волновалась радостно тетя Лина. – Если он хочет новой стрижки и побриться, это ведь хорошо?

– Не знаю, иногда стригутся и бреются, предвидя кончину, – честно ответила мама.

– Ольга, что ты такое говоришь? Ты сейчас мне мужа возродила! Зачем ему смерть пророчишь? – обиделась тетя Лина.

Еще неделю дядя Эльбрус играл в карты, регулярно брился и с аппетитом ел. Тетя Лина не могла нарадоваться.

– Это ремиссия, – заметила мама, – у него точно рак. Его надо в больницу, на обследование.

– Ольга, я тебя сейчас же выселю, если ты не перестанешь такое говорить! – кричала тетя Лина. – Какой рак? Элик просто переживает, что Лина уехала. Вот и все! Я тоже переживаю, значит, у меня тоже рак? Смотри, какой он стал сейчас хороший! Тарелку супа съел!

– Лина, он болен, и давно, – твердила мама. – Надо провести обследование, вдруг еще не поздно?

Тот день я помню как сейчас. Тетя Лина, добрая, нежная, заботливая, выбрасывала наши с мамой вещи во двор: мои сарафаны, сандалии, мамины туфли, ночнушки. Следом летели чемоданы. Тетя Лина кричала: «Убирайтесь!»

Я не была удивлена. Однажды такое уже видела. Женщина, очередная тетя – не помню, как ее звали, – тоже выкидывала наши вещи. Мама, судя по крикам, успела завести роман с ее мужем. Правда, эта прекрасная женщина выкидывала вещи только моей мамы, а меня собиралась удочерить. Чтобы я не находилась под влиянием такой ужасной женщины, которая не мать, а... распутная особа. И ладно бы была продажной, так нет, что еще хуже. Прикидывается порядочной. На самом деле никакого романа не было. Мама просто отличалась от большинства женщин – с ней было интересно разговаривать, шутить, пить вино, играть. Она умела быть на равных с мужчинами, что как минимум интриговало.

В детстве меня все время кто-то хотел удочерить – мамины поклонники и недолговременные мужья, посторонние сердобольные женщины, которые за мной присматривали, пока мама ездила в командировки, их мужья, готовые считать меня родной дочерью. Когда очередной мамин поклонник, желающий стать законным супругом, в качестве решающего аргумента предлагал удочерение, даже мне становилось смешно. На маму это не действовало. А я могла бы посоветовать желающим встать в очередь.

Однажды за меня просили всем семейством, включая детей. Мы жили летом в сдававшемся в аренду сарайчике, и я подружилась с Оксанкой, Женькой и Вадиком – детьми хозяев. Лето шло к концу, мама уехала в очередную срочную командировку, забыв, что мне пора в школу. Тетя Рая договорилась с местной школой, что они меня возьмут вместе с Оксанкой. На время, конечно. Неофициально. Чтобы я не болталась без дела. Мама вспомнила обо мне в ноябре, свалившись как снег на голову. И вот тогда тетя Рая, дядя Володя, Оксанка, Женька и Вадик выстроились в шеренгу и сказали, что меня не отдадут. Мне было приятно, не скрою. Да и уезжать я, откровенно говоря, не хотела. Учитывая, что опять надо было ехать не пойми куда. Тетя Рая меня любила, я это чувствовала и старалась помогать чем могла. С Оксанкой мы уже считали себя сестрами. Женька с Вадиком тоже были отличными ребятами.

– Вы что, совсем уже? – удивилась мама. Потом она произнесла фразу, не предназначенную для детских ушей. Но мягкая и компромиссная тетя Рая сказала, что так лучше для меня – хожу в школу, пою в хоре.

– Зачем выдергивать ребенка? Куда едете? Пока не понятно? А где Маша будет учиться? Тоже пока не понятно?

– Да что она забыла в этой школе? Догонит, – отмахнулась мама.

– Школа – это не только образование, но и социализация, – мягко ответила тетя Рая. – Нельзя Машу сейчас от подружек отлучать. Ей хорошо здесь. Она только-только перестала по ночам вздрагивать.

Про мои ночные судороги мама, конечно же, ничего не знала. Но ни за что бы в этом не призналась. Кажется, в тот момент у нее действительно не было на меня определенных планов, точнее на себя и свою жизнь. Так что, пожив неделю, она уехала, пообещав вернуться через пару недель, когда все наладится на работе. Налаживалось не так быстро, так что я прожила счастливый год в семье тети Раи и дяди Володи. Тетя Рая учила меня готовить, но так, ненавязчиво. Вроде как она Оксанку учила и меня заодно. Но я знала, чувствовала – тетя Рая обо мне беспокоится, хочет передать навыки выживания, чтобы я хотя бы с голоду не умерла, сумев приготовить суп, сделать пюре и налепить котлеты. Дядя Володя точно так же учил заколачивать гвозди, справляться с вылетевшими пробками и даже дрелью. Опять же

ненавязчиво. Вроде как учил Женьку с Вадиком, ну и меня заодно. Он же, когда мы прощались, подарил мне отвертку и шуруповерт.

Сейчас я могу похвастаться наличием отличной дрели – подарила себе на день рождения, – а еще гвоздями всех видов, включая декоративные. На Восьмое марта купила отличный молоток небольшого размера с удобной ручкой. Еще у меня есть топор и пила, как когда-то и советовал дядя Володя. Мол, всегда держи в доме пилу и топор – не знаешь, когда пригодятся, а пригодятся точно. Топор понадобился, когда на рынке мне продали половину туши барана – продавец умолял забрать, иначе пропадет. Заказчик в последний момент отказался, а баранина на рынке в период православного поста была не в ходу. Половину тушки я разделявала в коридоре. Почему не попросила продавца разрубить? Забыла от счастья. Ухватила за бесценку, кое-как упихала в багажник, боясь: вдруг продавец передумает. Консьержка помогла дотащить тушу до квартиры и там, в коридоре, я махала топором. Муж, вернувшись с работы и увидев это зрелище, кажется, еще полгода разговаривал со мной ласково и нежно. А пила пригодилась, когда сосед-генерал искал инструмент по всем квартирам. Нашлась у меня – консьержка знала, то есть видела. Так вот генерал – не знаю, отчего ему так срочно понадобилась пила – строго сказал: «По любым вопросам ко мне». Любые вопросы не появились, но по дому слух о женщине с пилой разнесся. Все соседи уважительно здоровались. Я чувствовала себя почти звездой.

Так вот, во второй раз мама появилась, как всегда, без предупреждения и объявила, что мы уезжаем. Прямо сейчас. Тетя Рая заламывала руки, я плакала. Оксанка была в ужасе – мы вместе готовились к итоговым контрольным, собираясь друг у друга списывать. Но мама сказала, что ехать надо сегодня – билеты уже купила. Куда? Сначала в Москву, а потом... вероятно, на Север, где ей предложили хорошую работу и зарплату, на которую в столице она не могла рассчитывать. Тетя Рая тогда сделала невозможное – сбегала в школу и вернулась с аттестатом за пятый класс. Что уж она сказала директору школы, не знаю, но благодаря этой бумажке я могла спокойно учиться в следующем классе, а не как всегда – сдавать, пересдавать, учиться в седьмом классе вместо четвертого, потому что мама просто забыла, где я учусь.

– Пожалуйста, держи документ при себе, не отдавай маме, она его потеряет, – шептала мне тетя Рая. – И все документы храни. Это важно.

До сих пор у меня все документы сложены в специальную папку. Я все всегда заранее оформляю, вовремя регистрирую. Однажды этот навык очень пригодился. Мы жили в северном городке в деревянной бытовке. Вот-вот должны были переехать в новый, еще строящийся дом, но строительство в тех широтах было подчинено не только срокам, но и погодным условиям, совершенно непригодным для укладки бетона и прочих работ. В каждой бытовке стоял огромный масляный обогреватель – единственный источник тепла. На нем сушили мокрые носки и варежки. В каждой бытовке жили несколько семей. И у соседей вдруг что-то произошло с обогревателем и электропроводкой. Обогреватель загорелся. Я сначала почувствовала запах дыма, а выскочив в коридор, увидела пламя. Через десять минут мы стояли на улице – никто не пострадал. Только у соседей сгорели все документы и небольшая сумма сбережений. Я же стояла, прижав к груди папку и деньги, которые копила на всякий случай, как учила тетя Рая. Мол, с каждой суммы, которую заработала или получила от мужа (разумеется, будущего), отложи хоть немного. Хоть пять рублей. Через год эти деньги могут пригодиться.

Было, конечно, обидно, что мама меня даже не похвалила. Между прочим, я спасла и ее документы. Кажется, она даже завидовала соседке, которая сокрушалась, что ей придется восстанавливать паспорт. Мама бы с радостью поменялась с ней, восстановив паспорт на другое имя, дату и год рождения. Кто будет проверять данные на Севере? Там и паспортного стола не имелось, а запроса с Большой земли можно было ждать долго. А пока жить по справке, где какой хочешь год рождения назови. И место рождения. Считаю, придумал себе новую биографию.

Сейчас я понимаю, что каждый человек иногда хочет сочинить себе новую жизнь – другое детство или юность, выдать желаемое за действительное. Выдумать других родителей и поверить в их существование. Или таланты, которыми отличался в детстве. Возможно, придумать другую работу. Любовников, мужей. Каждый придумает то, во что хочет верить. А иногда принизить собственные достижения, чтобы стать незаметнее, слиться с большинством. И на

это бывают причины. Например, моя учительница музыки в музыкальной школе в том северном городке. Она была выпускницей питерской консерватории, композитором. А преподавала сольфеджио в богом забытом поселке, который только отстраивался. Что ее заставило туда приехать? Или преподавательница хора – знаменитое сопрано. Трезвой я ее не помнила. Но наш хор был лучшим. Она была требовательной, строгой, жесткой. И очень любящей свое дело. Именно этому она меня научила – любить дело, которым занимаешься. Не важно где. Не важно в какой аудитории или зале. Если работаешь, любую, самую ужасную акустику можно преодолеть, заставить подчиниться голосу.

Что меня тогда удивляло? Тетя Рая, обожавшая детей – своих, чужих, – готовая ради них горы свернуть. Дядя Володя, все время что-то чинивший, подкручивавший, пока не добьется идеального результата. Учителя, приехавшие на край света из-за собственных проблем, но не предавшие любимое дело. Они учили, работали, требовали, не делали скидок на погоду – петь в минус тридцать так себе удовольствие. Но моя мама не была такой – преданной делу. Она приехала зарабатывать, о чем честно всем сообщала: мол, заработаю и уеду. Мне не нужны ваши проблемы, ваши надежды на будущее. Я не с вами. А моя жизнь в разных местах, где я неизменно находилась на положении приживалки, научила всякий раз адаптироваться к местным традициям и устоям. Мимикрировать, сливаться, принимать. С точки зрения психологии у меня огромная травма. С точки зрения жизни я выросла с уважением к чужому семейному укладу. И с огромным чувством благодарности ко всем людям, которые могли меня приютить, накормить, защитить и решить хотя бы часть проблем, которые не хотела или не могла решать моя мама.

Сейчас я не так часто ее вижу – она приезжает в гости, привозит внучке гору подарков. В последний раз неожиданно начала вспоминать мое детство:

– Ты помнишь Петьку Завьялова? Ну как? Он же учил тебя есть вилкой котлету! – восклицает мама. – А помнишь Нинку Севостьянову? Она приезжала с тобой гулять, когда ты родилась. Теперь поет в церковном хоре.

Я не могла объяснить ей, что эти люди не остались в моей памяти. А остались те, которые давали мне жилье, еду, следили за учебой.

Тетю Раю и дядю Володю, например, прекрасно помню. Я не вспомню интерьер нашей московской квартиры, но помню обои в съемных комнатах. И где стояла ваза, которой так дорожила хозяйка. Мам, ты ее разбила, хозяйка плакала. Вот это я помню. Видимо, та ваза была ей дорога. Ты кинула на стол деньги – возместить ущерб, отчего стало только хуже. Хозяйка нас выгнала. Ты возмущалась – из-за какой-то вазы. Но я сейчас понимаю ту хозяйку. Мне теперь тоже важны вазы, вазочки, тарелки и миски. Я бы тоже выгнала кого угодно, если бы разбила часть моей памяти.

Выбрасывание вещей... В то время это считалось вроде как нормальным. Жены выбрасывали чемоданы с вещами мужей, любовницы раскидывали с балкона предметы одежды любовников. Когда однажды я не убрала свою одежду, мама выбросила мои вещи с балкона гостиницы. Я бежала вниз по лестнице, потом собирала юбки, платья, босоножки. На меня смотрели все постояльцы, я сгорала не от стыда, а от унижения и несправедливости. Мамины платья и белье были разбросаны по всей комнате, мне же подобное не позволялось. Я всегда старалась развесить белье на веревке для сушки ровно, чтобы ни одной складочки не оставалось. Отмывала не только комнату, но и коридоры.

Я не могла понять, за что на нас разозлилась тетя Лина. Я ведь так старалась. Играла с дядей Эльбрусом, но не в шахматы, а в шашки. Он только мне разрешал убрать в его комнате, зная, что я положу подушки на диване на прежнее место, а его блокнот на стол туда, где он и лежал.

Так вот, дядя Эльбрус, как он сам признавался, провел лучший месяц своей жизни, когда мы жили в комнатке их с тетей Линой дочери. Тетя Лина без конца что-то готовила, радуясь, что ее муж снова испытывает желания – есть, спать, просыпаться рано утром. Дядя Эльбрус с мамой выходили гулять по утрам. Поначалу он шел медленно, ковыляя, едва переставляя ноги. Останавливался передохнуть. А уже через десять дней мог подняться по крутой лестнице. Тогда не было гаджетов, которые считали бы пройденные шаги, но имелись свои приметы, ориентиры. До кафе Робика на трассе – два километра пешком, до магазина Илоны – две лестницы вверх. Потом длинный проход и еще одна лестница. До Казика – лучшего друга Эльбруса, – считай, как хочешь. Пешком – двадцать минут, если

дворами, по прямой дороге, – тридцать. На машине – пять минут. Казик кричал, что заедет за Эльбрусом и довезет, но тот хотел идти пешком. В молодости двадцать минут ничто. Добежал и даже не запыхался. В старости или в болезни – преодоление. Двадцать минут кажутся мгновением и одновременно вечностью. Моя мама выхаживала с дядей Эльбрусом эти мгновения и вечность. Отбрасывала его костыль, требовала идти быстрее. Он ругался, обижался, отказывался. Но мама заставляла его двигаться. А потом дядя Эльбрус умер. Врачи сказали, неизбежно, терминальная стадия рака. Тетя Лина винила во всем маму, которая заставила ее мужа двигаться, получать удовольствие от жизни. Тетя Лина, сначала радовавшаяся, что муж начал ходить, вдруг решила, что, если бы он лежал, не умер бы. Тогда она выбросила наши чемоданы и выставила нас за дверь. Мама сказала, надо понять тетю Лину и не обижаться на нее. Я так и не смогла этому научиться – понимать и прощать. Я, ребенок, не была виновата в смерти дяди Эльбруса, как и моя мама, которая желала ему только добра. Хотела как лучше. А получилось как всегда. Тете Лине требовалось найти виновного в смерти супруга, и мы с мамой оказались подходящим вариантом.

Я никогда не любила съемное жилье. Комнатушки, которые мы снимали, требовалось отмывать почище и получше своей комнаты в собственной квартире. Нельзя было шуметь, кричать, ходить, играть в мяч и скакать на скакалке. Да, когда скачешь на скакалке на асфальте, она свистит. Если бьешь мячом об асфальт, гудит во всем дворе.

Сколько было этих съемных квартир...

– Почему мы не можем жить дома? – спрашивала я маму.

– Дома надоело, – отвечала мама, кидая в чемодан первое, что вытащила из шкафа. Не глядя.

Мне нет. Никогда не надоело жить в собственном доме. Спать на собственной кровати, на собственном постельном белье, подушке. Есть из своих тарелок, пить из своих чашек. Мне всегда хотелось домой. Из любого места, самого прекрасного. Да и собираюсь я так, что готова ко всему, – сказывается травма детства. Турка и кофе всегда со мной. Лекарства на первое время от всех возможных болезней. Когда дети были маленькими, я возила с собой овсянку, гречку. Одежда на все случаи – от зноя до внезапного похолодания. Запасная

зубная щетка. Зачем? Мама мою всегда забывала и не бежала покупать новую. Если вы когда-то регулярно чистили зубы пальцем, с намазанной на него зубной пастой, тоже будете возить с собой несколько зубных щеток. Еще у меня с собой всегда походный складной фен, даже если предстоит жить не в самом плохом отеле...

Опять же это все из детства. Дали горячую воду на несколько часов. Надо успеть помыться, постирать белье, чтобы не греть воду в кастрюлях. Наслаждение – лежать в горячей, а не чуть теплой ванне. Или стоять под душем, из которого льется не тонкая холодная струйка, а есть полноценный напор воды, даже горячей. Голову никто не сушил – мыли в ночь, чтобы к утру волосы высохли. Если заплести косу, получатся локоны. Если несколько косичек – кудряшки. А тут вдруг на новом месте, куда мы переехали, горячая вода есть всегда. И даже утром. Я от восторга помыла голову, как и мама. Она стояла над включенной газовой плитой – старый аналог фена – и сушила, рискуя остаться вообще лысой. Но у нее была короткая стрижка, а у меня длинные волосы. Тогда все женщины сушили голову над газовой плитой, а не только моя сумасшедшая мать. Некоторые, правда, обладали чудом техники – феном. От него вышибало все пробки в доме, он гудел и стремился засосать в решетку вентилятора все волосы. Другой цели не преследовал. Сушиться им можно было долго и почти бессмысленно. Весил он – как гантель. Рука отвалится, пока хотя бы челку просушишь. Так что быстрее и проще оказывалось сушить волосы над газовой плитой.

Вместо лака для волос использовали пиво. То есть сначала мыли голову, смачивали волосы пивом и после этого накручивали бигуди, например. Пивная накрутка держалась несколько дней. Ей были не страшны ни ветер, ни дождь. Впрочем, как и расческа. Разодрать локоны без предварительного мытья не представлялось возможным. Когда я выходила замуж, пожилая женщина-парикмахер предложила сделать укладку на пиво. Мол, отлично получится. Я бежала из той парикмахерской, словно пытаюсь скрыться от прошлого. В результате в загс пошла так, как ходила в обычной жизни, а не с торжественным пивным начесом.

– Мам, что делать? – спросила я тогда в детстве, выйдя из ванной с мокрой головой.

– Пока дойдешь до школы, высохнешь, – отмахнулась она.

Ну да, опять забыла, что мы переехали. С юга на север в буквальном смысле слова. Из, кажется, Геленджика, где отдыхали, на Крайний Север, под Нижневартовск.

– Мам, холодно вообще-то, – напомнила я.

– Ну замотай голову полотенцем, – ответила она.

Да, в Геленджике и других южных городках всем наплевать, во что ты одет. Если вообще одет. Мужчины ходили по городу в семейных трусах, женщины носили платья, игнорируя бюстгальтеры.

– Жарко под сиськами, – говорила тетя Нина, та самая хозяйка, – все прееет, не могу.

Переодевались на пляже под полотенцами – один держит, другой снимает. Или обмотался и стягиваешь мокрые трусы, сверкая голым задом. К наготу на юге относятся по-другому, спокойно. Она не возбуждает, не провоцирует. Просто есть как данность, иначе умрешь от жары. Можно снять купальник, обернуться полотенцем и пойти с пляжа домой. Вообще всем наплевать. И действительно, никто никогда не сушил волосы, не укладывал. Как никто не гладил постельное белье, полотенца, футболки – умрешь от жара утюга. Да и зачем? Само разгладится. Особенно ценились платья из синтетики – снял, сполоснул в холодной воде, и оно через секунду высохло прямо на теле. Про натуральные материалы никто не слышал. Какой там лен или стопроцентный хлопок? Зачем? Опять же, никто не носил слитные купальники – жарко, неудобно снимать. А если трусы от старого купальника уже просвечивают на попе от износа, а верх еще ничего, держится, тогда можно носить трусы от одного купальника, а лифчик от другого. Не подходят по цвету? Ну и ладно. Кого волнует? Тетя Нина, я это точно помню, вообще не стеснялась своей фигуры – живота, выпиравшего как барабан. Она носила его с гордостью и им же раздвигала любую очередь. За животом следовала грудь. Ни один лифчик не был способен ее удержать – ляжка с крючками, которая у всех женщин располагалась под лопатками, у тети Нины находилась на уровне плеч, «на загривке», как говорила сама тетя Нина. Так что грудь комфортно лежала на животе. Лямки она спускала с плеч, чтобы «не резали», так что лифчик в принципе становился бесполезной деталью туалета.

Появиться на улице с полотенцем на голове в том южном городке считалось нормой. Точнее не полотенцем, а, скорее, тряпкой или

косынкой, обмотанной вокруг головы. Тетя Нина, например, так «делала бигуди». Не сидеть же дома с «бигудями», дела себя сами не переделают. Так что тетя Нина обматывала вокруг лба старое кухонное полотенце и шла в магазин. Как и ее соседки. Некоторые приходили с полотенцами, обмотанными вокруг шеи. Это если на голове была краска. Вариантов было два – басма или хна. То, что на голове черт-те что, не важно. Не вечер же. Прически делались именно к вечеру. Как и макияж. С утра выйти с накрашенными ресницами или губами – ну курам на смех. Все равно через пять минут все сотрется от пота, а тушь и помаду жалко. Вечером уже можно хоть час походить красоткой – при ресницах, при губах, как положено. А утром плевать, как выглядишь. И действительно, тетя Нина буквально преображалась по вечерам, становясь моложе и красивее.

– Это все свет, – смеялась мама, которая к вечеру тоже менялась. Я ее такой красивой никогда не видела. – Здесь очень удачные закаты.

Тогда я поняла, что дело не в возрасте, не в макияже и прическе, а в закатах, то есть освещении, которое бывает правильным или неправильным. Много раз в этом убеждалась. Есть города, которые к вечеру становятся безжалостными к женской красоте, высвечивая синяки под глазами, морщины. Любой тональный крем выглядит как маска, а помада превращает улыбку в оскал. А есть места, где даже пот блестит как положено, будто хайлайтер. И румянец вдруг выглядит юным. И ты уже не потная, уставшая тетка за сорок, а взволнованная женщина слегка за тридцать. Но этот же свет, столь комплиментарный вечером, с утра оказывается беспощадным, высвечивая прыщи, раздражение на коже, не сделанную вовремя эпиляцию, отросшие седые корни волос. В этих южных городках по утрам не хочется смотреть на себя в зеркало. У тети Нины, например, в ванной всегда висела только одна тусклая лампочка, да и та мерцала. Дядя Артур каждый день порывался ее заменить, но тетя Нина запрещала. А в коридоре горели две из пяти.

– Нина, я опять порезался! – жаловался дядя Артур после бритья.

– Брейся на улице! – отвечала тетя Нина. – Или ты хочешь, чтобы у меня с утра настроение испортилось?

– Мам, там холодно, правда плюс три градуса, – сказала я тогда, на новом месте, показывая на прикрепленный к окну градусник и

собственную мокрую голову. Кажется, чувство самосохранения подсказало, что, если хочешь выжить, не стоит слушаться собственную мать и выходить на улицу в полотенце на голове.

– Ну надень еще шапку, – ответила мама, наливая пиво, смешанное с сахаром, в пульверизатор. Этот состав она хранила в тайне. Пиво с сахаром действовало так, что волосы стояли на голове каменным постаментом. Хоть головой об стену бейся, прическа точно защитит от сотрясения мозга.

– Можно я не пойду в школу? – спросила я.

– Да пожалуйста, – ответила мама, пытаясь расчесать прядь, которую уже зацементировала пивом с сахаром.

– Напишешь мне записку? – попросила я.

– Конечно.

Мамины записки моим классным руководителям были настоящими шедеврами. Поскольку переезжали мы очень часто, школы у меня менялись как калейдоскоп, мама не считала нужным запоминать имя-отчество очередной классной. Поэтому оставляла многоточие. Кому... – вставьте, как вас там зовут. Уважаемая... дальше следовало многоточие. Моя дочь не будет присутствовать сегодня на уроках... и так далее. Учителя, видя такую записку, впадали в легкий ступор. Мне приходилось рассказывать, сколько школ я поменяла, откуда и куда мы переезжали и почему у матери вдруг случилась амнезия. Учителя меня жалели, считая бедной сироткой. Иногда даже подкармливали. Спасибо им за это. Мама всегда очень удивлялась, что я хочу есть вечером. Она никогда не хотела есть по вечерам.

– Ой, ну хочешь, отолью тебе кофе, – говорила она мне. Спасибо, хоть коньяк не предлагала, который заменял ей ужин. Мама садилась работать. Это означало, что поесть мне точно не судьба. Да и поспать тоже – в квартире начинал звонить телефон, мама разговаривала с клиентами, дела которых вела как адвокат. Многие приходили на прием в нашу квартиру.

Тетя Нина из той нашей, еще южной, жизни, очень полюбила мою маму. Они вместе не ужинали. Тетя Нина пыталась похудеть. Худела на особой диете – арбузе с хлебом. Арбуза поменьше, потому что замучаешься в туалет бегать, а хлеба побольше. Тетя Нина верила, что на этой диете станет прекрасной тонкой нимфой, которой была в молодости.

– Нина, ужин есть? – спрашивал дядя Артур.

– Арбуз, – отвечала тетя Нина.

Дядя Артур шел делать себе омлет. Заодно и меня подкармливал. Омлет он делал невероятно вкусный – с помидорами, зеленью. Для меня до сих пор омлет – это не завтрак, а ужин. И готовлю я его так, как делал дядя Артур. Вилкой взболтать яйца без всякого молока, при этом ругаясь тихо на жизнь, которая ему досталась с такой женой, порезать спелый помидор, зелень, чеснок, а потом все остервенело мешать на сковороде. В итоге выходило непонятное месиво, которое пахло на весь дом и было до одури вкусным.

Короче говоря, если вам хоть раз приходилось выходить из дома в двух полотенцах, намотанных на голову, а сверху в меховой шапке, вы тоже всю оставшуюся жизнь будете возить в чемодане походный фен. А также еду – яблоко, карамельки, печенье, хоть что-то, что позволит вам не умереть с голоду. Такой сухой паек, НЗ, неприкосновенный запас, который, спасибо судьбе, если не пригодится. Маме в голову не приходило взять с собой в поездку хотя бы шоколадку для меня. Зато приходило в голову своровать яблоки в чужом саду по приезду. На завтрак, так сказать. Не то чтобы мы бедствовали и у нас не было денег. Просто так веселее, думала моя мама. Я так вовсе не считала. И объясняла хозяевам, которые ловили нас на воровстве, что не ела приблизительно со вчерашнего утра. Мама просто пыталась меня накормить ворованными яблоками. Больше нечем. После этого сердобольные люди кормили меня завтраком, еще не зная, что уже завтра их жизнь изменится – появление мамы в доме никого до добра не доводило. Если она не могла устроить притон, начинала помогать делить имущество. А всем всегда есть что делить с родственниками – старые дачи, клочки квартиры, пусть несколько метров. Люди становятся удивительно алчными, когда вдруг появляется возможность урвать копейку. Мама предоставляла свои адвокатские услуги в обмен на бесплатное проживание. Но свою работу делала честно. Если видела обман, несправедливость, билась до конца. Благодарные клиенты ее обожали, носили на руках. Меня за мамины услуги кормили, спасибо большое. То, что вчерашние родственники переставали разговаривать, ругались навечно, уже не имело значения. То, что мама рушила жизни бывших мужей, новых жен, новых детей, деля имущество в пользу бывших, тоже считалось успехом. Да, все

было по закону. Бывшая жена, от имени которой выступала моя мама, была счастлива, что отомстила не только новой жене, но и ее детям, оставив их ни с чем. По закону она была права, претендуя на часть квартиры, дачи, участка. Но когда бывший муж наложил на себя руки и все дети – и бывшие, и новые – остались без отца, какие чувства она испытывала? Такую цену готова была заплатить за сделку? Мама считала, что договариваться бесполезно. Нужно действовать решительно и резко. Женское самолюбие, обида, пережитое предательство – схема ложилась на плодородную почву. Ее клиентки просили уничтожить, оставить бывшего без порток. Маме как адвокату это давалось легко. То, что происходило после решения суда, ее уже не волновало. Она выполнила заказ клиента, отработала. Мы уезжали в новую жизнь.

Меня же всегда интересовало именно продолжение. Что случилось с этими семьями? Как они живут дальше?

Однажды мама доказала, что женщина, любовница, имеет право на алименты. Тогда не существовало анализов ДНК. Не знаю, как маме удалось выиграть дело, но она его выиграла. Это был не вопрос денег, выживания – та клиентка занимала высокий пост и вполне могла обеспечить и себя, и ребенка. На гонорар, который она заплатила, мы уехали в отпуск на море. Она говорила, что хочет добиться правды, ведь любовник очень хотел ребенка, собирался развестись, узаконить новые отношения, но в последний момент передумал. Мне кажется, это была месть. Суд с помощью моей мамы признал правоту любовницы, мужчине назначили ежемесячную выплату алиментов. Законная жена с ним развелась. Двое детей-подростков отказались общаться с отцом, не простив предательства и того, что мать плакала каждый вечер, поседев от горя. Новорожденную дочь мужчина сам не захотел видеть, не простив ее матери суд и вынужденный развод. Мужчина погиб, влетев в стоявшую на обочине фуру. Был пьян. Бывшая жена, похоронив его, поскольку больше некому, оказалась в психиатрической клинике. Сыновья-подростки остались на попечении старенькой бабушки, то есть сами по себе. И как сложилась их судьба, я не знаю.

Оно того стоило? Не знаю, как мама со всем этим жила. Я бы не смогла. Я ее спрашивала много раз – как после такого можно дышать?

Мама отвечала, что она всегда на стороне клиента. Кто первый ее нанял, того она и будет защищать. Адвокатская этика.

Именно поэтому я всегда мечтала стать врачом. Лечить всех. Не находиться ни на чьей стороне. Или учить детей русскому языку. Или готовить и всех кормить. Я бы никогда не смогла сделать выбор, не думая, как люди будут жить дальше после того, как я приму за них решение, поставлю точку в давних спорах или последую маминому совету – «проще сжечь, чем спасти». Я всегда за спасение, а не за сжигание. Мосты, даже самые старые и обветшалые, лучше зияющей пропасти.

Арендные квартиры. С кем туда приезжает хозяин, если вообще наведывается? С любовницей? Или пускает пожить бывшую жену с сыном? Или дочь от первого брака с мужем? Кому сдает? Есть ли какие-то требования? Например, нельзя с собаками или курить на балконе? Или можно только с кошками? Или только четыре жильца, а не пять, хотя пятый может спать на диване на кухне? Мне интересно, что творилось в голове у хозяина, когда он делал открытую зону ванной и туалета, видимо, следуя новомодному на тот момент дизайну. Большая спальня, большая зона ванной, но туалет разделен узкой перегородкой, не предусматривающей дверь. Лежащий на кровати видит сидящего на унитазах. Пусть и близкого человека. Но некая зона приватности должна же быть. Или нет?

В домах, где мы с мамой жили в моем детстве, туалеты и ванны были разными. От деревянных во дворе, до коммунальных, где у каждого жильца свой рулон туалетной бумаги, свой ершик и освежитель воздуха. Возьмешь чужой – скандал обеспечен. Помню тетю Таню, которая всех соседей по коммуналке подозревала в том, что они брали ее освежитель воздуха. Она открывала дверь туалета и кричала:

– Вот! Опять моим пахнет! Понюхайте!

Соседи тяжело вздыхали. Тетя Таня покупала самый дешевый и самый ужасный освежитель из всех возможных. Им можно было травить тараканов, но не освежать воздух в замкнутом пространстве. Себе дороже.

Жить на птичьих правах, когда вынужден принимать установленные правила, не просто тяжело – невыносимо. Тебя

пускают на время пожить в квартиру в качестве благодарности за услугу, дружбу, связи – не важно. Но ты находишься в гостях, ты никто, временный жилец. С тобой не нужно считаться. Вот это самое невыносимое для меня. С детства, когда я отмывала чужие квартиры, выметала чужие дворы так, как это не делали хозяева. И все равно оставалась виноватой. Порвалась бельевая веревка? Засорился уличный туалет? Всегда остаются виноватыми временные жильцы. В детстве, когда мои сверстницы вели дневники, анкеты, описывая мальчиков, любимые музыкальные группы, переписывая тексты песен, я вела дневник перегоревших лампочек, сломанных кранов, неработающих духовок. Всегда, до точной даты и времени могла сказать, где, в какой квартире что перегорело, что не работало. Когда вызывали сантехника, а когда электрика. Мама мной восхищалась – ей не составляло труда доказать, что в поломках и лишние счета виноваты не мы. Я же всегда страдала от того, что нужно доказывать собственную честность и ответственность, которые не предполагались. Не конкретно у нас с мамой, а в принципе у всех людей.

– Почему они нам не верят? – спрашивала я маму, когда хозяйка квартиры обвинила нас в какой-то протечке.

– И правильно делают, – пожалала плечами мама. – Людям в принципе нельзя верить. Никаким.

– Даже близким? – удивилась я.

– Особенно близким, – кивнула мама.

– То есть ты и мне не веришь?

– Верю, потому что ты всегда подтверждаешь свои слова. Вот этими записками и отчетами. Молодец.

Меня это тогда потрясло до глубины души. То есть, если бы я не выкладывала перед мамой отчеты, записи, она бы и мне не верила? Получалось, что так.

Наверное, поэтому я всегда верила людям. Их словам. Верила, что не все врут, не все способны украсть. Многие, безусловно, но не все человечество.

Считается, что дети часто обманывают, чтобы избежать наказания за проступок, отомстить или просто разозлить. Меня в детстве часто обвиняли во лжи лишь потому, что я была ребенком, подростком. Мол, да наверняка все придумала. Но я никогда не обманывала, пусть и в ущерб себе. Такой же выросла моя дочь. Она не умеет врать, даже

привирать. Органически. Я действовала в знак протеста, говоря только правду, чтобы доказать собственной матери, что ее теория о глобальной лжи не всегда верна. А дочь Сима делала так, потому что ложь противоречила ее натуре. Все об этом знали. И учителя, и дети. Принимали как данность. Если что-то случилось, надо было спросить у Симы – что именно произошло. Она могла повторить все в точности, такая у нее особенность. Она не дает оценку – кто прав, кто виноват. Просто пересказывает события. Это тоже удивительная черта характера – не выгораживать тех, кому симпатизируешь, не делать виноватыми тех, кто тебе не близок. На нее никто не обижался. Знали, что она не умеет по-другому.

У всех свои моральные травмы. Свои триггеры – эмоциональные, материальные. Мой супруг, например, во все поездки берет зонт. Пусть дождя не то что не предвещается – его в принципе никогда не случалось в то время в том регионе. Все хочу спросить, какая у него была моральная травма в детстве, что он не расстается с зонтом? Я же вожу с собой продукты, кофе и турку. Отовсюду забираю еду – яблоко из самолета, конфеты из гостиницы. Я спокойно переношу голод – наоборот, стараюсь не есть и не пить в поездках. Но вдруг рядом окажется ребенок, который захочет есть, а нечего? Я была таким ребенком. Или вдруг кому-то станет плохо, упадет сахар, ребенку сделается нехорошо до обморока? На этот случай в моей сумке всегда лежит кусковой сахар и шоколадка. В подростковом возрасте я часто падала в обмороки. И много раз меня откачивали совершенно посторонние женщины. Теперь я сама такая женщина.

По арендным квартирам всегда многое можно сказать и о хозяевах, и о жильцах. Люди забывают вещи – это неизбежно – или оставляют за ненадобностью. Если заглянуть на дальнюю полку в кладовке или в гардеробной, куда обычно складывают забытые вещи, можно составить портрет жильцов. А если открыть верхние полки на кухне, то и образ жизни хозяев становится понятным.

В последней отпускной съемной квартире мы оставили зонтик для пляжа. Он сломался в первый же день – муж так его открыл, что одна секция сложилась и больше не открывалась. Я как могла починила, но зонтик все равно косил на один бок. Он выглядел немного несчастным по сравнению с остальными на пляже. Но служил нам верно – не улетал, как уж мог создавал тень, больше не ломался. В

нашей семье всегда так – мы держимся из последних сил. Дочь требует, чтобы я зашивала или штопала ее носки, муж не может расстаться с драными шортами. Я все время что-то подшиваю, пришиваю, чиню, латаю. Вещи в нашем доме живут очень долго. Старые папины джинсы дочь перешивает в валики-подушки от сквозняков в виде улиток или в черепашку. Из старых носков шьет зайцев. Футболку с невыводимым пятном перекрашивает в стиле тай-дай, с размытыми узорами. И не то чтобы я не могла купить ей новую.

Муж надел рубашку поло, которой столько же лет, сколько мне.

– Ты видел дырку? – уточнила я.

– Я знал, что ты заметишь, – огорчился муж, понимая, что с вещью, которая, кажется, специально сделала на себе дырку, чтобы уже наконец уйти на покой, все же придется расстаться.

В арендованных квартирах я всегда оставляю соль, специи, моющие средства для следующих жильцов, точнее хозяек. Иногда риелторы специально показывают ящик, в котором ничего нельзя брать. Что там хранится? Однажды я увидела упаковки с чаем для похудения и целую коллекцию разных средств от набора веса. При этом модные современные весы, стоявшие в ванной, были сломаны. Я тоже всегда хочу похудеть, но, как однажды сказала мама моей близкой подруги, «худеть надо дома, а на отдыхе – наслаждаться едой». Хозяйка той квартиры явно не была знакома с мамой моей подруги, которая бы сказала: «Если мужчине не нравится твоя грудь, попа, лицо, то пусть сделает себе пластику и любитесь! Ты-то тут при чем?» Она же говорила: «Молодость всегда привлекательна, пока не открывает рот».

Мне пришлось купить себе очки для чтения – по возрасту. По вечерам тяжело уже читать мелкий шрифт. Вдаль в этих очках смотреть нельзя. Заказала себе еще цепочку для очков, чтобы они болтались на шее и я их не искала, что происходит все чаще. Домашние хохочут и просят сдвинуть очки на нос и что-нибудь сказать. Мне не до смеха. Я говорю как учительница по труду в очередной моей школе – ее звали Мальвина Михайловна. Она, кстати, очень гордилась своим именем. Все ученики ее звали Маля, что совершенно ей не нравилось. Мальвина Михайловна сдвигала очки на нос и говорила всегда гнусавым голосом. До переезда в богом забытый северный поселок она работала в органах опеки. И не избавилась от

привычки ходить с проверкой по домам проблемных учеников. К нам она заходила регулярно, хотя я вроде как проблемной не считалась, но была слишком странной, как она говорила, по сравнению со «средней температурой по больнице». То есть отличалась от остальных детей. Я ей твердила, что в моем случае – это нормально. Рассказывала про бесконечные переезды и смену школ. Но Маля все равно «взяла меня на карандаш» – она любила фразеологизмы и расхожие выражения. Мальвина Михайловна, забыв, что она простая учительница, а не представитель органов, решительно шла на кухню и открывала холодильник, чтобы проверить, чем кормят ребенка. Кормили всех одинаково плохо, и в холодильниках у всех была одна и та же картина – ничего. Какие-то консервы, болтавшиеся на задней полке. Овощи и фрукты, положенные детям, стояли как квартира в бытовке. Конечно, никто их не покупал. Да и завозили раз в год или по большим праздникам.

– Вот! – восклицала Мальвина Михайловна, указывая на пустые полки.

– Малечка, хочешь бульончик?

Мама называла ее Малечкой. Бульон был сварен «сложный» – из синей по цвету и совершенно нежующейся курицы, клубня картошки, старой моркови, огрызка чеснока и луковицы, с которой приходилось снять три слоя, чтобы она перестала пахнуть гнилью. Но мама знала трюк, привезенный с юга: если посыпать сваренную курицу солью, закрыть сверху еще одной тарелкой, то самая жесткая и перемороженная сто раз тушка магическим образом размягчится, буквально распадется на волокна и станет невероятно вкусной. Выловленные из бульона картошка с морковкой, присыпанные солью, превратятся в гарнир. А в бульон можно покромсать остатки несъеденного мяса, досыпать макарон, еще картошки, лаврового листа и чеснока не пожалеть, и будет суп на завтра и послезавтра. Любую самую старую и серую картошку можно замаскировать сметаной, сыром и запечь в духовке. Моя мама, конечно же, не знала, что по-французски это блюдо называется «гратен». Но вкус – один в один. А вот любимое всеми в те времена мясо по-французски, обильно залитое майонезом и запеченное в духовке, к французской кухне не имеет никакого отношения. Впрочем, как и отечественный майонез к соусу.

Малечка пила бульон, потом кофе и забывала, зачем пришла. Уже уходя, всегда мне твердила: «Ты, когда поешь, потом полежи, пусть жирок завяжется». Худоба тогда считалась признаком болезни или недоедания.

В школы меня принимали не за знания, а за мамин сложный бульон или ее адвокатские услуги, о чем я прекрасно знала и не тешила себя мыслью, что родилась гением или какой-то особо талантливой. Я понимала, чего стоило перевести меня в следующий класс без всяких экзаменов в середине года – бутылка коньяка или вина, дефицитная палка салями. Сейчас мама на рынке иногда рассказывает, что она мать писательницы, и ей за меня дают в подарок пучок петрушки или укропа. В салоне красоты выдают зефирку к кофе. Так что ничего не меняется.

Съемные квартиры. Маме было все равно, где жить. Она легко меняла жилье, города, срываясь с места в один вечер. Ее не пугали бытовые условия, которые не всегда были приспособлены к нормальной человеческой жизни. Иначе почему она согласилась поехать на Север, жить в бытовке, где наледь на окнах была не только снаружи, но и внутри. Мама шутила, что, если ей понадобится приложить лед к вывихнутой ноге, его всегда можно сгрести с подоконника. Продукты тоже хранились на подоконнике, холодильник не требовался.

Таких женщин, как моя мама, тогда было много. Возможно, в нашем окружении, не знаю. Та же Мальвина Михайловна все время рассказывала про свою прошлую жизнь на Большой земле. Как ездила на дачу, какое у нее было кресло-качалка. Как любила сидеть за столом под старой яблоней. Какой в спальне стоял шкаф, еще бабушкин: резной, большой, запиравшийся на ключ. А ключ от сарая тоже был большим и удивительным, как и замок, настоящий, со сложными прорезями. Такой ломом не вскрыешь и отмычку не подберешь. Ключ к нему был самым большим и самым красивым. Я запомнила, как трепетно учительница рассказывала про связку ключей, которую всегда носила с собой. Ключи и ключики имелись от всего на свете – самый маленький от личного секретера, тоже еще бабушкиного. Крышка откидывалась под наклоном, как старые школьные парты. «Сейчас таких уже нет. Не делают», – говорила Мальвина Михайловна. Еще она рассказывала про чайный сервиз, японский, в

котором фарфоровые чашки были настолько тонкими и хрупкими, что их страшно было брать в руки. Про круглую люстру с абажуром с длинными кистями, каждую из которых украшали маленькие хрусталики. Старую скатерть с вышитыми бабушкой узорами по краю. Все это было куда интереснее уроков. Я слушала замерев.

Однажды мама попросила Мальвину Михайловну забрать меня к себе на несколько дней – уезжала в командировку, а присмотреть за ребенком было некому. Я представляла, как окажусь в доме учительницы, где все будет так, как она рассказывала, – абажур с кистями, удивительный чайный сервиз, скатерть. Мне очень хотелось хоть недолго пожить в таком доме.

Квартира учительницы была далека от картинки, которую я себе нарисовала в воображении. Целых две комнаты – королевские условия по тем временам, мы с мамой жили в одной, в коммуналке. А тут – отдельный вход, отдельный санузел, никаких соседей. Но внутри ничего не было, даже лишних чашки, ложки и вилки, за которыми мне пришлось возвращаться домой. Мальвина Михайловна обходилась одной тарелкой, одной ложкой, одной вилкой и одной чашкой. На кровати – старое детское одеяло, такие же лежали во всех детских садах и больницах тех лет. Казенные. Зеленые или красные с белыми полосками. У меня в детском саду было красное. У Мальвины Михайловны – зеленое. Кухню освещала голая лампочка. Занавесок не было. Как и ковров или хотя бы коврика. На кухне – старая кастрюля и старая же сковородка, явно доставшиеся от сердобольных соседей.

– Мальвина Михайловна, а почему у вас так? – не сдержавшись, спросила я.

– Ну я же здесь не навсегда, временно. Какой смысл обустроиваться? – ответила учительница.

Когда спустя три года мы с мамой уезжали домой, в Москву, на Большую землю, Мальвина Михайловна все еще жила в поселке. Все с той же голой лампочкой на кухне и детским одеялом в качестве покрывала на кровати. Она говорила, что уедет вслед за нами. На следующий год уж точно... Да, «нет ничего более постоянного, чем временное». Это я тоже запомнила с детства, поэтому в каждом новом доме обосновывалась как в собственном. Подстраивала условия под себя, а не себя под условия. Муж смеялся, что я сразу вешаю коврик с лебедями над кроватью, развожу огород на участке и завожу дружбу со

всеми соседями. Так, наверное, и было. Но я бы не смогла жить с голой лампочкой всю жизнь, как Мальвина Михайловна, которая так и не уехала на Большую землю. Надеюсь, она хотя бы люстру повесила.

Тетя Таня, так следившая за освежителем в туалете, никогда не мыла пол в уборной. Коммуналка на четыре комнаты. На стене висел график дежурств – кто когда убирает квартиру. После тети Тани никто дежурить не хотел. Она мыла только одну конфорку на плите, объясняя тем, что только этой и пользовалась. Никогда не убирала в прихожей, потому что не она наследила, и мыла полы исключительно до выхода из своей комнаты. Остальная уборка, как правило, доставалась мне – как не вымыть общий коридор? Как не убрать в подъезде? Мама возмущалась, ругалась с тетей Таней, но по графику наша очередь всегда шла сразу за ней, и я отдраивала плиту, холодильник, отмывала ванную и туалет. Обычно шла битва, кто будет дежурить после нас – усилий никаких прилагать не требовалось. Мама смеялась, я падала без сил. До сих пор так. Я могу все отмыть, зубочистками отчистить холодильник, перемыть окна, но потом не в состоянии работать. Мама мне всегда говорила, что быт убивает творчество, мозг и желания. Да, она была права. Она работала, я убирала. У меня не оставалось сил на уроки, сочинения. Но в то время считалось по-другому. Если ты не делаешь что-то по дому – не готовишь, не отдраиваешь, не вымываешь, – значит, просто ленишься. Любое проявление усталости считалось банальной ленью. Девочки-подростки впахивали, иначе и не скажешь, как взрослые женщины. Никто не беспокоился, какие тяжелые ведра с водой они поднимали, сколько килограммов картошки тащили из магазина. Я смотрю на свою четырнадцатилетнюю дочь, которая еще ребенок, нежная, ранимая, и не понимаю свою маму – как она могла такое допустить? Как позволила мне повзрослеть раньше времени?

– Ой, ну что ты сравниваешь? – как-то ответила она. – Ты была совсем другой. И время было другое.

Да, наверное. Наше поколение умело выживать, и этих навыков мы сейчас отчаянно не хотим для своих детей. Чтобы им не пришлось стирать на руках постельное белье, кипятить его в здоровенных бадьях, без конца драить туалет за соседями, стоять в очередях, готовить, снова мыть, снова готовить.

Многие женщины моего возраста до сих пор живут с этим комплексом – если они не приготовили обед на пятерых, не перегладили белье, не отмыли раковины, полы, значит, лентяйки. А то, что эти женщины еще работают, зарабатывают, не имеет никакого значения.

Когда мы жили в Москве, мама всегда вызывала службу «Заря». Приходили девушки, которые мыли окна, убирали, приносили продукты, гуляли с детьми. Маму осуждали все соседи, всем подъездом, домом. Но если ты убиваешься, ведя хозяйство, кормя большую семью, про себя, творчество, можно забыть. На съемных квартирах, после наших с мамой переездов, я это ощутила сполна. Мне было не до уроков, вообще ни до чего. Надо было найти сковородку, кастрюлю, перемыть окна, вытрясти ковры-половики. Мама работала, оставляя быт на меня – девочку-подростка. Я хотела учиться, но сил не оставалось. Утром встать, до школы сбегать в магазин, отстоять очередь. Принести добытое. После школы бегом домой – приготовить. Опять в магазин, куда завезли продукты. Очередь, давка. Дело не в месте – север или юг, город или деревня. На юге – другие заботы: прополоть огород, собрать с картошки колорадских жуков. Полить огород, собрать урожай. Опять полить и прополоть. Сорняки росли быстрее урожая. Протрясти подушки, одеяла, все развесить на веревках, чтобы прожарились на солнцепеке. Подмести двор. И за воротами тоже. Накормить кур, убрать в курятнике. Притащить из магазина мешок с мукой – надо брать, больше в этом месяце не завезут. Присмотреть за маленькими детьми соседки – та убежала в сельпо за сахаром или маслом. Нагреть воду – горячей не было, – а до этого натаскать ее с уличной колонки. Перемыть посуду. Перемыть обувь – опять вся в глине и песке. Оттереть сковородки. Помыться самой остатками воды. Уже в ночи пришить белый воротничок на школьную форму. Сил не осталось, поэтому стежки крупные, неровные, лишь бы держался. За это точно завтра попадет от классной руководительницы, Альбины Альбертовны, которая чуть ли не каждый день устраивала девочкам проверку – отгибала воротничок, разглядывая, насколько аккуратно он пришит. Если плохо – отправляла домой перешивать. С воротничков Альбина Альбертовна переключалась на ногти учениц – всегда со следами чернозема или грязи. А как иначе, если ты работаешь в огороде или отмываешь

обувь? За ногти учительница домой не отправляла – у нее в ящике стола хранились маникюрные ножницы, которыми она мастерски орудовала, отрезая «под мясо». Воротничок хорошо пришит, маленькими стежками, ногти чистые, тогда проверка головы. Плохо расчесалась? Альбина Альбертовна аж в ладоши от восторга хлопала и из того же ящика, где хранились ножницы, доставала гребень, предназначенный для вычесывания вшей. Сейчас такие гребни продаются в комплекте с шампунем, поскольку вши из нашей жизни, пусть и не деревенской, а городской, никуда не исчезли. А тогда этот гребень считался дефицитом, можно сказать, роскошью. Альбина Альбертовна использовала его как обычную расческу, раздирая голову учениц до крови, вырывая пучки волос. Хоть укричись, что тебе больно. Без толку. Так учительница приучала нас к личной гигиене и опрятности.

На Севере же всем было наплевать на воротнички, ногти и волосы. Школьные платья не носили, поскольку был велик риск отморозить себе все, что только можно. Носили рейтузы, сверху какие-то штаны, обычно мужские. Свитера, телогрейки – в школе всегда было холодно. Раздевались только по случаю торжественных линеек, выступлений в Доме культуры и прочих важных мероприятий. Мерзли, стучали зубами, пели в хоре синими губами и играли на музыкальных инструментах не гнушимися от холода пальцами. Прическа наших учителей тоже не волновала. Например, Ирина Константиновна, учительница физики, всегда ходила в шапке, никогда ее не снимала. Мы даже гадали – какая у нее прическа, есть ли вообще волосы на голове? Физичка верила, что важно держать голову в тепле, тогда оно и по телу разойдется. Я ей поверила, когда мой сын, путешествовавший по Карелии на байдарках, говорил, что главное – спать в шапке.

Что еще я усвоила из своего детства? Капронки – капроновые колготки, тоже, кстати, большой дефицит и ну очень модно, – на юге совершенно невозможно носить. Они от жары прилипают к ногам, тут же появляются пятна пота и ужасный запах. Жарко в них так, что бежишь в туалет и сдираешь, забывая про затяжки и стрелки. На Севере эти же капронки прилипают к ногам уже от холода. И их невозможно снять с красных, опухших от обморожения ног. А снять очень хочется, хоть вместе с кожей – лишь бы избавиться.

На юге волосы всегда завиваются сами собой. Север даже намека на кудри не предполагает. Волосы висят унылыми соплями, жесткими и тусклыми. На юге ты хочешь спать от жары, зноя, проваливаясь в мутный сон. На Севере – от холода. То же мутное забытье, только без надежды проснуться. На юге можешь спать сколько хочешь – днем, вечером, – это считается нормальным: вздремнуть на полчаса. На Севере тебя начинают будить, там спать долго нельзя, это опасно. Надо двигаться.

На юге можно получить тепловой удар, на Севере – угореть от обогревателя. На юге – утонуть, захлебнувшись теплой морской волной, или позволить унести себя течением реки, но это не быстрый процесс, на Севере – умереть сразу же от погружения в ледяную реку.

На юге можно отравиться фруктами, на Севере – грибами. На юге боролись с мухами и комарами, на Севере – с тараканами. На юге белье выжаривалось на солнцепеке, на Севере выносилось на мороз.

На юге кормили обедом или ужином, варили кофе, на Севере – предлагали чай, конфеты, торт, что-то сладкое, полноценную еду, а кофе – никогда.

И главное отличие для меня. На юге были запахи – мяты, чабреца, тархуна, липы. Мяса или рыбы. Помидоров. Кажется, даже редиска имела запах. Зеленый лук пах удивительно, петрушка росла колосьями, а не жалкими пучками. Лук был красный, а не белый. На Север травы не завозили – невыгодно, слишком дорого. Помидоры и огурцы тоже попадали редко, под спецзаказ. Лук имелся, гнилой. На Севере отсутствовали все запахи, к которым я привыкла с детства. Вообще никаких не было – ни еды, ни вина, ни земли. Север не пах курятником и огородом, виноградной гроздью или кизилковым вареньем. Именно это меня потрясло больше всего. Когда у города, поселка отсутствует запах – старых домов, калиток, белья, которое сушится на веревке во дворе, не важно, – для меня это страшно. Я не умею жить в местах без запаха, без вкуса. Я помню, что каждый день умоляла маму уехать с Севера домой, в Москву. Лучше, конечно, к бабушке в южную деревню, но хотя бы в Москву, которая тоже имела свой запах – булочной, кондитерской, машин, автобуса, метро.

Мы жили в южном городке в очередной съемной комнатухе. Все дороги в городке вели вверх. На всех – ямы, колдобины, остатки

брусчатки с прошлого века. Ничего не ремонтировалось. Местные ходили в разбитых тапках, сандалиях – в той обуви, в которой уверены. На наших глазах женщина на невыносимо высоких каблуках подвернула ногу и распласталась на дороге.

– Ну зачем на каблуках-то? – спросила ее подбежавшая местная жительница.

– Зря, что ли, везла? – всхлипнула пострадавшая. – Надо было хоть один раз надеть.

Да, моя мама тоже рассуждала похоже – надеть хоть один раз, выгулять вещь, а там хоть растяжение связок, хоть сотрясение мозга. Главное, не зря везла туфли.

Бытовые неурядицы. Сломался, не греет утюг? Ну и ладно, можно встряхнуть белье и повесить ровно на сушилке. Потом на теле само разгладится. Душ стреляет водой в разные стороны? Легко приспособиться – встать под ту струю, которая пшикает сильнее. Унитаз не сливает? Если подождать и нажать на слив два раза, смочет. Опытным путем проверено. Раковина засорилась? Так и ладно. Нужно подождать, когда вода медленно сольется.

Я так не умею, из-за чего считаюсь очень плохим арендатором. Съемная квартира. В коридоре перегорели две лампочки из трех. На кухне горят только те, что над плитой. Звоню хозяевам, риелтору, через которого сдавалась квартира. Все удивляются – можно ведь включить напольный светильник в гостиной. И другие жильцы не жаловались, что света мало. Я начинаю сходить с ума. Поменять лампочки – плевое дело. Но жильцы ждут, что это сделают следующие арендаторы. Не их квартира, не родная. Все проблемы – засоренный слив в душе, давно сломанная морозильная камера – накапливаются. Я приезжаю и начинаю все чинить, доводя риелторов до истерики. После меня остается работающая техника, появляются новые швабры и тряпки для уборки и много чего еще. Я никогда не знала, на какое время мы переехали в другой город, поэтому начинала жить будто навсегда и будто квартира не съемная, а наша. Дом. Хотя нет, все не так. Я считала, что если живу в чужой квартире день, два, неделю, то должно быть хорошо мне. И если раздражают мигающие лампочки или неработающий кондиционер, плохо становится мне. Значит, надо починить. Именно поэтому с возрастом все тяжелее создавать дом на новом месте, в съемной квартире. Я слишком часто все выстраивала по

кирпичику, каждый раз веря, что навсегда. Запас энтузиазма в строительстве и обживании с нуля иссяк. Но бытовые мелочи по-прежнему бесят, не дают расслабиться.

Дом на семь квартир с общим входом. Три из них сдаются. В одной постоянно живет хозяин, и он считается «главным», имеет право делать замечания случайным гостям, постояльцам. От сильного ветра или неудачного захлопывания входная дверь сломалась. Остается или закрывать на ключ, или не запирает вовсе. Можно починить, ничего сложного. Заело. Любой пьяный слесарь справился бы за пять минут. Но нет. Тут целое дело. Точнее, никакого. Никто не чинит. Никому не надо. Только главный хозяин радуется, закрывая дверь на все четыре оборота ключа. И верхнего замка, и нижнего. Жильцы съемных квартир стоят у калитки, ищут нужный ключ, переживают, что никак не находится. Но тот главный жилец – хозяин не спешит вызывать слесаря. Я у него спросила, не выдержав, почему бы это не сделать? Если он не хочет, то могу и я. Мужчина обиделся. Ответил, что я не понимаю.

На следующий день он переставил мне сушилку. Она никому не мешала, я меняла постельное белье, и хотелось спать на сухих простынях. Лишь поэтому выставила на общую территорию – веранду.

– Спасибо. Я не знала, что сушилка должна стоять вон там, – сказала я соседу-хозяину.

– Это не я, – ответил он, но больше мою сушилку не переставлял.

Очень многое зависит от соседей. Но тут уж как повезет. На нашем балконе – мы опять жили на съемной квартире – находился настоящий ботанический сад. Я прочитала, как поливать разнообразные цветы, хотя в моем доме, кроме кактусов и суккулентов, ничего не приживается, и все они в комнатах детей – сын любит кактусы во всех видах, а дочь разводит суккуленты. Это отдельное искусство. Но чужие цветы было жалко, поэтому я их поливала согласно графику, который вычитала на сайтах по садоводству.

Однажды, когда я сидела на балконе и читала, через перегородку появилась рука с садовой лейкой и полила пальму. Потом я увидела, как эта же рука дотягивается до другой пальмы. Видимо, хозяйка, сдавшая жилье, попросила соседей поливать цветы. У нас сложился немой диалог, условные знаки. Я оставляла лейку на балконе, давая

понять, что сегодня полила цветы. Соседи в этот день их не трогали. Есть разные способы невербального общения, но тот – через цветы – мне очень понравился. Мы с соседями понимали друг друга без слов. И прожили две недели, сохраняя прекрасные невидимые отношения.

Потом нам пришлось переехать. Место было прекрасное – старый город. Цветник располагался в патио – на общей террасе. Хозяин квартиры, который нас приютил на две недели, заверил, что этим пространством с видами на крыши, закаты и прочие красоты, а также деревянными лавочками, стульями, столом мы можем пользоваться. Имеем полное право. Но я с детства знала, что значит жить на птичьих правах. Как говорят школьники, «знала, но забыла». Да, так бывает. Если ты платишь за проживание, чувствуешь себя хозяйкой. Если ты в гостях, пусть и на длительный срок, ты никто. Сосед переставлял лавки в патио по собственному вкусу, предварительно заливая их водой, чтобы никто не мог на них присесть. Стулья были перевернуты и так стояли на столах как знак, что они не предназначены для гостей. Сосед щедро прямо перед входной дверью разбрасывал содержимое банки, приспособленной под пепельницу. Банка стояла спрятанная в углу и припорошенная листьями. Курящие временные жильцы покорно собирали окурки и выходили курить на улицу. Почему нельзя было курить в патио, в открытом пространстве, никто не спрашивал. Главный жилец диктовал свои правила. Никто не мог доказать, что это делал именно он, но больше вроде как некому.

Все это мне было знакомо, шло из детства: знай свое место. Тетя Зина могла скинуть с веревки сушившееся во дворе белье, потому что была недовольна – Анжелка нашла жильцов, а она – нет. Белье ни в чем не повинных жильцов валялось на асфальте, но тетя Зина считала себя правой. На общей кухне она могла отставить с конфорки чужую кастрюлю с варящимся супом и поставить свою. А что такого? Она здесь хозяйка, и ей решать, на какой конфорке варить суп. Чужую квартиру драишь так, как со своей не убивался. И все равно не так – то на кастрюле остался жир, то на сковороде царапина. Чувствуешь себя виноватой, а значит, придется платить. Дело не в жильцах, не в чистоте – только в деньгах.

Именно поэтому я не могу жить, приглядывая за чужими животными и цветами. Когда живешь «за присмотр», «по доброте

душевной», плата оказывается в разы больше, чем арендная. Пришел счет на воду? Это вы виноваты, а не сосед, который забыл закрыть поливалку. Жить на птичьих правах я не могу, точно знаю. К почти пятидесяти годам убедилась. Мне нужны мой стол, мой стул, мои чашки для кофе и чая. Мне нужны мои сковородки и кастрюли, а не чужие, в которых все не то и не так. И тех, самых нужных, никогда не обнаруживается. Зато бесполезных – целый ящик. На столе стоит огромная грозная машина, соковыжималка. Ею точно никто никогда не пользовался. Мне даже сдвинуть ее страшно. В ящике лежат глиняные креманки для десерта крем-брюле. Но нет самой простой формы, чтобы запечь курицу в духовке. Есть щипцы для омаров, но нет банальной толкушки для картофельного пюре.

Забытая детская игрушка. Сколько слез было пролито из-за потери? Крем от целлюлита, крем от морщин, лекарство от запоров, геморроя – холодильник тоже хранит много человеческих тайн. Они у всех одинаковые. Из ящика в коридоре вываливаются туфли на высоченных каблуках с силиконовым вкладышем, чтобы было удобнее ходить. Рядом – мужские ботинки с ортопедической стелькой. Я думаю, почему эти люди – муж и жена – не смогли поговорить о вкладышах и стельках? Может, не развелись бы? Зачем оба страдали? Ради чего? Чтобы потом иметь на полке солнцезащитный крем пятьдесят плюс и масло для загара? Крем, судя по дате производства, явно от бывшей жены, а масло – от молодой возлюбленной, не боящейся преждевременного старения. Природные молодость и естественный загар – верный афродизиак. Ничего привлекательнее в косметологии еще не изобрели.

Арендные квартиры все-таки честнее. Заплатил, и живешь. Когда тебя пускают «пожить» – это всегда жизнь взаимы, что ли. Ты понимаешь, что хозяин тешит собственное самолюбие, делая широкий жест. И ты, воспользовавшись щедрым предложением, обязан быть благодарным. Иногда это действительно искренне, от всей души и сердца, а иногда нет. Бывает, что хочется спросить – сколько заплатить, чтобы не ехать? Только ты уже там и обязан выказывать благодарность, раз уж согласился на подобную сделку.

В детстве я копалась в чужих огородах, пропалывала чужие палисадники, стояла на рынке и торговала чужой черешней, которую надо было непременно продать. Закатывала соленья и компоты,

выставляла банки для просушки на заборе, кормила кур, мела двор. Мама научила меня не быть благодарной, а выживать, то есть работать. Делать то, что требовалось хозяевам, – мыть, драить, пропалывать. Если живешь бесплатно, все равно плата потребуется. Работаете за кров.

– Зачем ехать куда-то, если мы не можем за это заплатить? – спрашивала я.

– Разве тебе плохо на море? – удивлялась мама.

Да, мне было плохо, потому что моря я не видела. А когда появлялось свободное от бытовых хлопот время, уже ничего не хотелось – ни моря, ни дискотек, ни прогулок. Только лечь и уснуть, не приходя в сознание от усталости. Мама могла жить бесплатно, выиграв для хозяев квартиры дело как адвокат. Разделив другую жилплощадь, например. За это ей разрешали пожить месяц-два. Но ее усилия, работа, время не стоили той халупы, которая доставалась нам для проживания. Мама радовалась, я не понимала. И сейчас не понимаю. Лучше заплатить и стать хозяйкой хотя бы на две, три недели, чем жить на этих самых птичьих правах.

Сын смеется, что я перед приходом домработницы все убираю, меняю полотенца и постельное белье, выношу мусор, чищу духовку и плиту. Меня так приучили с детства, когда никаких домработниц и уборщиц не существовало. Мама решила, что нам пора переезжать в другой город, и я стирала следы нашего пребывания – отмывала, зачищала. Мне всегда было жаль наших сковородок и кастрюль, поэтому я засовывала в них свои вещи и укладывала в чемодан. Осенняя куртка прекрасно помещалась в кастрюлю. А в половник можно запихнуть колготки. Когда мы уезжали, я всегда плакала. Мне было жаль оставлять купленный нами чайник или полотенца. Я тяжело расставалась не с местом, а с бытом: ножами, вилками, тарелками. Мама отмахивалась, говорила, на новом месте мы все купим новое. Новое – это ведь хорошо! Зачем так убиваться по старой сковородке? Я твердила маме, что у этой сковородки самая удобная ручка, на ней никогда ничего не подгорает и она самого нужного размера. Мама, увлекшись работой, не готовила, предоставив это мне, поэтому про сковороду ей было неинтересно. А про новую жизнь на новом месте – очень. Она всегда верила, что новый город, поселок, дом, квартира,

принесут ей счастье. Вот именно там она наконец его и обретет, раз уж старое место принесло лишь разочарование.

Так получилось, что у меня эта вера отбита с детства – новое место может принести новые проблемы, заботы, хлопоты, поэтому я так цепляюсь за чашки и ложки. А еще ножи, которые должны резать, а не стоять красиво, как декорация, на кухне. В съемной квартире найти подходящий нож – та еще проблема. Не для всех, конечно же, но для меня – колоссальная.

С возрастом это становится важным. В молодости да – все легче, проще. Но когда ты уже отстроил свой дом, причем несколько раз, перетащил весь любимый скраб, прибил все гвозди и подобрал все полки, расставил на них книги, очень тяжело выдирать эти гвозди и вбивать новые. Иногда на это просто не хватает моральных сил.

Мы до сих пор с мамой разные. Она в свои семьдесят четыре года хочет затеять очередной бессмысленный ремонт или поменять надоевший диван. Я сохраняю, реставрирую, покрываю лаком, шью новые чехлы на старую мебель, которую когда-то выбрала. И я помню, как покупала каждый стул в своей квартире, каждую табуретку. Наверное, поэтому мне близок деревенский уклад, где ничего не меняется годами, десятилетиями. Рынок как находился на площади, так и находится. Приедешь в село через тридцать, сорок лет, дома не узнаешь, но рынок будет на том же месте. И торговец мясом, точнее его сын или уже внук, окажется за тем же прилавком.

Да, человек удивительное существо – он привыкает, приспособливается. И я тоже. Но иногда что-то прорывается из детской памяти. Если в детстве я поливала огород хозяев, сдавших нам с мамой жилье на лето, я буду поливать цветы в любом доме, где окажусь. И в любом городе ищу рынок, знакомлюсь с мясником, выбираю, у кого покупать овощи и фрукты. Но всегда хочу вернуться домой – к своим чашкам и плошкам, на свою кухню. Взять кухонное полотенце в руки, повязать фартук и почувствовать себя хозяйкой дома. Я что – птичка? Это фраза той самой тети Нины. У нее была взрослая дочь, жившая в другом городе, которая периодически приглашала свою маму приехать – в отпуск, отдохнуть, повидаться. На деле же – посидеть с внуками. Тетя Нина говорила, что очень хочет повидаться, но не хочет спать на раскладушке в детской комнате. И не хочет сидеть с внуками, пока дочь с мужем будут купаться или гулять

по вечерам. Она тоже хочет купаться и гулять. Дочь обижалась, тетя Нина возмущалась. И произносила эту фразу: «Я что – птичка?» – имея в виду жизнь на птичьих правах.

Репетиция

– Самвел! Ты с ума сошел? У тебя маразм или этот... который мужчина с фамилией, которую я не могу запомнить? Как? Альц... что? Какой геймер? Геймер – это тот, кто в компьютерах разбирается. Что? Откуда я знаю? У меня племянник геймер! Мой Аркаша так и сказал. Я запомнила, чтобы гордиться! Зачем ты хочешь купить эти билеты? Ты хотя бы посмотрел, сколько они стоят, или закрыл глаза и пальцем не туда ткнул? Почему ты не попал в ювелирный магазин и не купил мне случайно серьги, о которых я мечтала? Если что, я покажу тебе, куда тыкать! Там доставка бесплатная, как ты любишь. Скажи мне, зачем Аркаша с утра пишет, какое я хочу место в самолете? Разве я куда-то лечу? Почему он говорит, чтобы я спросила у дяди, который его попросил купить билеты? Аркаша, мой любимый племянник, разве он мог так расстроить любимую тетю? Нет! Значит, говори мне сейчас, пока я еще не схватилась за свое больное сердце. Почему мы летим не на Мальдивы, куда я всегда мечтала попасть, вместе с новыми серьгами, которые ты мне так и не купил? А летим в дом твоей матери, пусть земля ей будет пухом и дай ей бог здоровья на том свете. О, не смотри на меня так. Я не знаю, что нужно говорить, когда речь идет о моей любимой покойной свекрови и о том, что она не хотела, чтобы я жила в ее доме. Ты мне скажи, что я должна говорить и что делать, когда мой муж сошел с ума и купил эти билеты!

Карина, тбилисская армянка, счастливо жила в Москве последние двадцать пять лет и владела маленьким салоном красоты. Точнее, хозяином салона был ее супруг, которого все называли дядя Самвел. Именно «дядя», а не просто по имени. Но если бы кто-то посмел напомнить Карине, кто настоящий хозяин, она бы... даже страшно представить, что бы она сделала. Впрочем, она сама так и говорила: «Даже не знаю, что я сделаю! У меня будет эффект!» Под «эффектом» она подразумевала состояние аффекта, оправдывающее любые действия. Конечно, дядя Самвел хотел завести овощную лавку, но Карина решила, что маникюр-педикюр, прическа, укладка куда более выгодное вложение. Какая женщина выйдет из дома без маникюра?

Никакая не выйдет, это же позор. Соседки не поймут и начнут версии высказывать: «Что случилось? Почему без маникюра? Заболела? Муж бросил? Налево посмотрел? Денег не дает? Нет, точно Паркинсон начался – руки трясутся, поэтому и маникюр не можешь сделать. Нет, Альцгеймер – забыла, что записалась в салон. Ой, дочка у нее забеременела не пойми от кого, вот сама себе ногти и подстригла, чтобы с внуком возиться. Кто ж подойдет к младенцу с ногтями? Как дочка? Нет! Сын привел в дом невесту, а та уже с таким животом, что смешно свадьбу играть. Ни одно платье не налезет. Ой, ну какой сын? Он давно женат! Это муж уехал на заработки и завел себе там новую семью. Нет, это точно не причина. Если муж так поступил, то зачем такой муж? Надо в салон бежать, делать маникюр и искать себе нового! Точно говорю, болезнь. Может, грибок какой? Говорят, такие вирусы сейчас в городе ходят, что не знаешь, от какого начинать таблетки пить. Может, новый какой появился, который на ногти действует?»

«Паркинсон! Альцгеймер! Дочка!» И так по кругу.

Вот и не знаешь, какой вариант хуже, то есть лучше. А если соседки языки распускают, то все, проще умереть, лишь бы не слушать их предположения. Но перед смертью надо обязательно маникюр сделать. Сплетницы обязательно проверят, как лежишь – с маникюром или без. Если без, тогда уже умер, а все равно от них покоя не будет. Внукам будут припоминать, как их бабушка в гробу лежала в неприличном виде. Так что дядя Самвел оказался в женском царстве, где без конца варился кофе, клиентов угощали сладостями, могли накормить обедом, налить коньяку, если вдруг случилась головная боль. Ведь всем известно, что таблетки от головной боли не помогают, как авторитетно заявляла Карина, только коньяк. В салоне всегда случался легкий дурдом, никто никуда не спешил, запись на определенное время считалась недоразумением и условностью. Но клиентская база быстро набралась из знакомых, знакомых знакомых, случайных посетителей, ставших постоянными, которые готовы были приходить и приезжать в этот салон за атмосферой кавказского гостеприимства, за чашкой вкуснейшего кофе, который Карине присылали посылкой из Тбилиси и который она лично варила в старой джезве, за ощущением немного сумасшедшего дома, где каждого выслушают, посмеются, посочувствуют.

Здесь не было тайн – все знали, как зовут детей, мужей, тетей, дядей. И если клиентка считала свекровь невыносимой, ее все горячо поддерживали. Если после невестки в салон приходила свекровь и жаловалась уже на невестку, ее тоже горячо поддерживали. Отчего-то в этом салоне становилось легко, будто ты оказался не в столице, а в тбилисском дворике или в ереванском – не важно. Тут всегда были рады детям, которых закармливали сладостями, зацеловывали и затискивали. Пришедшую на маникюр молодую маму усаживали в кресло, а ребенка в коляске выдавали дяде Самвелу, отправляя гулять в парк. Дядя Самвел с кем только не гулял – что ни день, другая коляска. Мамочки в парке удивлялись: какой прекрасный дедушка! Столько внуков! Дядя Самвел молчал и улыбался. Он знал, где в колясках хранятся соски, погремушки, термос со смесью, памперс и салфетки на случай, если ребенок проснется. Когда поначалу дядя Самвел объявил, что не собирается менять памперсы, Карина ему такой скандал закатила, что он быстро передумал.

– Если я превращаю Наиру в блондинку и выщипываю ей брови, то и ты будешь менять памперсы! – закричала Карина. Наира была старшей сестрой дяди Самвела, жгучей брюнеткой с такими бровями, с которыми могла справиться только Карина. – У нее везде волосы растут, и усы есть, и борода! Так ей мало, она еще хочет, чтобы я ей руки делала! Я спрашиваю: Наира, где твои брови и где руки? А она отвечает, что очень недалеко, и руки мне под нос вот так нагло выставляет, как ты сейчас от погулять с бедным ребенком отказываешься! Если сейчас же не пойдешь гулять с коляской, я позвоню Наире и скажу, что она может ходить с усами и бородой сколько захочет!

Дело в том, что Карина владела уникальным навыком эпиляции с помощью двух скрученных нитей. Никаким другим способом Наира не доверяла. Процесс был завораживающим. Клиентки, давно собиравшиеся уйти, задерживались, чтобы посмотреть, как это происходит. Карина владела нитями искусно, скручивая и раскручивая их с невероятной скоростью и точностью.

– У Наиры нет усов и бороды, – тихо заметил дядя Самвел, почесывая густую щетину.

– Конечно, нет! Я их удаляю! – воскликнула Карина. – Чтобы все думали, что у нее от природы такая гладкая кожа, как у младенца. И

она такая блондинка, будто у нее папа натуральный блондин! Нет, альбинос! Боже, ты не знаешь, чего мне это стоит! Так что сейчас не расстраивай меня и уже возьми коляску и иди в парк! И поменяй памперс! Да, еще спой песню, эти погремушки только раздражают!

– Кого? – уточнил дядя Самвел.

– Меня, конечно! Но если мне неприятно, значит, и ребенку тоже, – пожалала плечами Карина. – Тебе было бы приятно, если бы перед твоим носом что-то трясли? Эти молодые мамы сначала себе бы так сделали, а потом ребенка мучили. Ребенок должен человеческий голос слышать, а не это тилень-белень.

– Да, дорогая, – отвечал с тех пор дядя Самвел и шел гулять в парк, так и не признавшись, что ему это очень нравилось. А возмущался он, потому что так требовали традиции – детьми занимаются женщины. Погремушки он никогда не использовал. Если ребенок просыпался или начинал хныкать, дядя Самвел доходил до ближайшей лавочки, садился, доставал из коляски ребенка и позволял малышу ухватиться за свой нос. А там было за что хвататься. Увидев такой нос, ребенок тут же переставал плакать – то ли от ужаса, то ли от восторга. Как с гордостью подчеркивала Наира, которой тоже досталась эта характерная семейная черта, в профиль она – Нефертити.

В общем, ничто не предвещало. Карина, как всегда, жаловалась на давление и сердце, делала специальную гимнастику от морщин на шее и в зоне декольте, рассказывала клиенткам, какая она в молодости была неопикуемая красавица. Вот просто слов нет какая. И тут вдруг получила сообщение от обожаемого племянника о регистрации на рейс. Дядя Самвел в это время тихонько дремал на диване в коридоре, пока Карина не разбудила его своими криками.

– Я просто хочу домой, – сказал дядя Самвел.

– Зачем? – ахнула Карина.

– Попрощаться со всеми перед смертью, – ответил спокойно дядя Самвел.

– Перед чьей смертью? Моей? Ты мне инфаркт хочешь сейчас устроить? – Карина схватилась за сердце.

– Нет, Карина. И перестань уже кричать, – строго и решительно заявил дядя Самвел. – Я умираю и хочу повидаться со всеми

родственниками. Мы много лет не виделись.

– Почему ты решил умереть? – Карина, кажется, испугалась по-настоящему. – Тебе плохо? Сердце болит? Давай вызовем врача! Почему мне заранее не сказал, что умираешь? Почему я всегда обо всем узнаю последней? Ты меня совсем не любишь!

– Карина, я тебя люблю, но чувствую, что скоро умру. Перестань кричать наконец. Дай мне тишину в конце жизни. Мы полетим домой, и я смогу со всеми проститься.

– Самвел! – Карина закричала так, что собаки под окнами салона залаяли от неожиданности.

После долгих выяснений с участием всех родственников оказалось, что дядя Самвел объявил о своей неизлечимой болезни. Какой? Никто не знал. Все спрашивали Карину – ее телефон не умолкал, но она не знала, что ответить. Муж не сказал ей, от чего собрался умирать. Карина перерыла все ящики в доме, надеясь найти результаты обследований, направления на анализы, но ничего не обнаружила. Кажется, Самвел решил умереть просто так. То есть покончить с собой, как решила Карина. А что ей еще оставалось думать? Она поделилась собственной версией со всеми клиентками, и все в один голос заявили, что это невозможно. Дядя Самвел не наложит на себя руки вот так просто. Ни с того ни с сего. Он не станет расстраивать Карину самоубийством, ведь она ему этого точно не простит! Он прекрасно это знает, поэтому зачем ему такие проблемы? А Карина их точно устроит!

– Иногда мне хочется его самой задушить, чтобы уже успокоиться! – восклицала Карина. – Я спрашиваю, он молчит. Сидит целыми днями в кресле и молчит. Но хотя бы ест. Если он просит сделать ему долму, это ведь хороший знак? Кто же идет вешаться, если поест долму, да? А я такую долму сделала! И пироги испекла. Самвел целый съел! Зачем ему после пирога руки на себя накладывать? Нужно пойти спать, да? Еще печенье испекла, гату, – он ее в детстве любил. Так целую тарелку съел.

Клиентки заверяли, что после пирогов и печенья никто не пойдет прыгать с моста и накладывать на себя руки другими способами. Они даже после кофе, сваренного Кариной, жить хотят, не то что после пирога и долмы.

– Самвел, зачем ты меня мучаешь? – заламывала дома руки Карина. – Зачем позоришь? Мне позвонила тетя Нина и спросила, от чего ты умираешь, вдруг у нее тоже такая же болезнь? И как я должна была ее успокоить? Я же не знаю, чем ты болен! Звонила тетя Софа и спрашивала, почему я тебя не лечу? И что я должна была ей ответить? Что я не знаю, от чего тебя лечить? Скажи, что мне говорить людям?

– Придумай что-нибудь, – отмахнулся Самвел.

– А я что делаю всю свою жизнь? – возмутилась Карина. – Только я не могу придумать, от чего ты умираешь! Дай мне хотя бы намек! Ты даже не кашляешь! Кажется, я быстрее тебя умру с такими нервами. Но я тебе сейчас скажу, что ты должен говорить родственникам! Так и скажи: «Карина умерла из-за меня. Потому что я делал ей нервы».

– Карина, успокойся, я не умру, пока со всеми не повидаюсь. Давай ты сейчас будешь как воспитанная женщина и помолчишь наконец. Хватит вопросов.

– О, ты еще и рот мне закрываешь! Если ты еще раз скажешь, чтобы я помолчала, тебе придется не мне рассказывать о своей смертельной болезни, а всему городу! Уж я тебе это обеспечу! Посмотрю, как ты скажешь тете Нине: «Помолчи, женщина!» Ох! Да она тебе живому вскрытие сделает, чтобы узнать, отчего ты умирать собрался.

– Карина, успокойся, я не умираю. Просто хочу всех повидать. Мы столько лет не были дома, – признался Самвел.

– Самвел, сейчас ты меня уже пугаешь. Если ты хочешь увидеть тетю Нину, значит, точно собрался умереть, – ахнула Карина.

– Карина, просто давай поедem домой и соберем родных. Ты накроешь стол, мы посидим...

– Ты с ума сошел? Я уже всем сообщила, что ты умираешь, поэтому мы приезжаем. И все ждут поминок! Ты хоть мне скажи, что я должна готовить – праздничный ужин или поминки? – закричала Карина. – Самвел, дорогой, я тебя очень люблю, но давай ты уже решишь – умираешь или нет!

– Я просто хочу повидаться с родней! Неужели это не понятно?

– О, тогда сам будешь говорить с тетей Ниной и тетей Софой, какие им платья нужно надеть! Они меня совсем измучили! Уже на маникюр записались! Если ты умираешь, тебе все равно, а им нет! Тетя Нина с утра звонила и спрашивала, может ли она прийти в платье,

в котором была на поминках дяди Георгия! Тетя Софа собирается купить новое! – продолжала кричать Карина.

– Скажи им, что мне все равно, в чем они придут, – отмахнулся Самвел. – Я уже умер!

– Хорошо, значит, я готовлюсь к прощанию, – кивнула Карина. – И скажу тете Софе, чтобы покупала платье для поминок. Если ты не умрешь, я тебя сама убью. Потому что тетя Софа мне не простит, если не сможет надеть новое платье.

Карина записала еще несколько клиенток. На раннее утро и поздний вечер. «Чтобы не сойти с ума с Самвелом», – как объясняла сама. Все было хорошо – Карина красила, стригла и укладывала. И была счастлива, отвлекаясь на работу. До тех пор, пока в салоне вдруг не появилась Наира.

– Простите, вы записывались? – мяукнула новая девочка-администратор.

– Мне не нужно записываться, – рявкнула Наира и зашла в салон.

– Наира, как ты здесь? Зачем? Я тебя не ждала! – ахнула Карина.

– Что значит – зачем? Где Самвел? Почему он не здесь? – спросила грозно Наира.

– Остался дома. Позже придет.

– Хорошо. Сможем спокойно поговорить. Мой младший брат сошел с ума, как я слышала? Или правда тяжело болен? – спросила Наира, усаживаясь в кресло.

– Наира, у меня через десять минут клиентка, – заметила Карина.

– Тогда у тебя есть десять минут, чтобы мне все объяснить. Или ты думаешь, я поверила, что он умирает? Ты плохая жена для моего брата, но почему-то он с тобой живет и счастлив. Зачем ему понадобилось вдруг умирать?

– Не знаю, Наира, честно. Он мне ничего не говорит, – призналась Карина и заплакала. – Поговори с ним. Я уже с ума схожу.

– Ой, перестань, ты всегда сходишь с ума. Тебе даже повод не нужен! – отмахнулась Наира. – И почему ты еще не варишь мне кофе? Сахар не клади, я худею.

Карина с тяжелым вздохом пошла на кухню.

– А почему ты худеешь? – крикнула она.

– Потому что выхожу замуж, – ответила Наира.

Судя по раздавшимся звукам, Карина уронила турку с плиты. И разбила чашку. Что было вполне объяснимо. Наире исполнилось восемьдесят два года. Она ходила с вполне изящной палкой и наотрез отказывалась от ходунков, считая, что они ей не идут. Ее муж Тигран, с которым она прожила в браке бог знает сколько лет, скончался год назад. Наира носила траур и замуж вроде как не собиралась.

– Куда ты выходишь? – Карина выскочила из кухни, забыв про пролитый кофе. По салону разносился неповторимый запах подгоравшей на плите кофейной пенки.

– Замуж, – ответила Наира. – Скажи мне, когда мы уезжаем? Мне нужно голову покрасить и сделать маникюр.

– Замуж? Мы? – Карина остолбенела.

– Ты не хочешь, чтобы я присутствовала на похоронах собственного брата? – возмущенно спросила Наира.

– Он еще не умер. И ты только что сказала, что не собирается, – напомнила Карина.

– Но уже планирует свои поминки, как я поняла. Ты уже составила список гостей? Наверняка Софа хочет заявиться в новом платье. А Нина наденет старое. Мое платье с похорон Тиграна никто не видел. Думаешь, я могу его надеть? Ты говорила, оно меня стройнит.

– Наира! Что происходит? Самвел собрался умирать, ты – замуж! Я с вами первая умру! Какое платье? Как ты можешь думать о платье? Скажи мне, чего я не знаю про моего Самвела, что ты знаешь! – закричала в отчаянии Карина.

– Ой, дай мне уже кофе. От твоих криков голова болит. Как тебя Самвел терпит? Я всегда ему говорила, что у тебя очень неприятный голос. Женщина должна шептать, как морская волна, журчать, как ручеек, а ты кричишь, как противная чайка.

Карина взмахнула руками, опрокинув вазу, на которую не обратила внимания, и пошла на кухню заново варить кофе.

На звук разбившейся вазы прибежала новая девочка-администратор и принялась собирать осколки.

– Деточка, ты уже замужем? – спросила Наира.

– Нет, – пискнула та.

– Поторопись, иначе будет поздно, – заметила Наира.

Девушка, которой на вид можно было дать едва восемнадцать, убежала с выражением ужаса на лице.

– Карина, почему ты эту милую девочку еще не выдала замуж? Или тебе все равно ее будущее? – крикнула Наира.

Карина принесла кофе, тарелку со сладостями и поставила перед Наирой.

– Кто жених? – спросила Карина.

– Откуда я знаю? – пожала плечами Наира. – Иначе зачем я к тебе приехала? Ты ведь будешь составлять список гостей на поминки. Включи туда побольше мужчин, желательно вдовцов. Где мне еще познакомиться с будущим мужем, как не на поминках и похоронах? Или ты думаешь, Софа просто так решила купить новое платье? Так вот, мне Софа в конкурентах не нужна.

– Она родственница, мы не можем ее не позвать, – промямлила Карина, пытаясь понять, что еще ее ждет.

– Да, верно. Но составь список гостей так, чтобы там было больше вариантов для меня, а не для Софы, – потребовала Наира.

– Мне приглашать на похороны потенциальных женихов? – уточнила Карина. – Наира, скажи, что я все еще сплю и мне снится дурной сон. Почему я вообще это с тобой обсуждаю?

– Потому что твой муж и мой брат решил умереть, – радостно объявила Наира, откусывая пирожное, – спроси у него. А я не могу не воспользоваться таким случаем. Мне много лет. Или я должна знакомиться с посторонними? Мне нужен проверенный вариант, а для этого подходят только поминки. Так что мой дорогой Самвел очень вовремя решил умереть. Я сняла траур и готова к новым отношениям.

– Но ведь ты так любила своего Тиграна! – напомнила Карина.

– И что? Разве я виновата, что он решил умереть раньше? Если бы я умерла, он бы уже на все похороны и поминки ходил как на работу, чтобы найти себе новую жену! А то я его не знаю! Если ему можно, почему мне нельзя? – хмыкнула Наира.

– Тигран умер, он уже не сможет найти себе новую жену. – Карина чуть не плакала.

– Зато я могу! Пусть Тигран за меня порадует на том свете. Его жена еще может найти себе нового мужа!

– Наира, может, тебе не нужен новый муж? Может, ты мне просто скажешь, чем болен твой брат, и мы его вылечим? – попросила Карина.

– Нет, я уже настроилась на замужество. Давай Самвел устроит поминки, ты пригласишь подходящих мужчин, я выберу среди них нового мужа, а потом Самвел передумает умирать. – Наира явно была довольна своим планом.

– А если не получится с новым мужем? – уточнила Карина.

– Как не получится? Или ты с Самвелом не на поминках познакомилась? Или ты была не в черном платье, которое тебя стройнит? Нет лучшего места для знакомства! Это мой шанс. Тигран мне всегда говорил, что когда я грущу, то становлюсь очень привлекательной.

В кабинете для маникюра и педикюра, где в кресле возлежала – по-другому и не скажешь, – Наира, появилась девочка-администратор:

– Простите...

– Карина, почему она у тебя такая худая? Ты ее совсем не кормишь? Как девочка выйдет замуж с такой фигурой? Ты хотя бы в одном месте ее откорми! – возмутилась Наира.

– Клиентка? – спросила Карина у администратора.

– Нет, это я. – В салон влетела дочь Карины и Самвела Зара.

– Зарочка, как я рада тебя видеть! – воскликнула Наира. – Какое счастье, что тебе удалось выйти замуж, когда ты была уже никому не интересна из-за возраста! И как хорошо, что ты успела родить Ани! Где она? Уже начала ходить?

– Да, тетя Наира, я тоже рада вас видеть. Ани уже четыре года, она в садике.

– Как летит время... А я все еще не замужем! Если Зара вышла замуж в своем возрасте, значит, и я смогу! – воскликнула Наира.

Зара закатила глаза. Карина побежала на кухню капать валокордин.

– Твоя мать всегда была такой... Опять с ума сходит на пустом месте! Я предупреждала Самвела, что он берет себе в жены очень нервную женщину, но он меня не послушал, – заметила Наира.

– Мама беспокоится за папу. – Зара старалась быть вежливой. – Мы не знаем, что с ним, чем он болен. Он не говорит.

– Да, мозгами, к сожалению, ты пошла в мать, а не в отца, – заметила Наира. – Ничем твой отец не болен! Просто хочет внимания. Мой Тигран тоже устраивал репетицию поминок. Четыре раза всех родственников собирал. На пятый я сказала, что уже пусть умрет

наконец. Твоей матери я не говорила... но, если что, Тигран купил целый колумбарий на кладбище. Всю стену выкупил. Сначала купил в середине, потом решил, что хочет лежать пониже, потом повыше. Так что там для всех родственников есть место.

– Папа сказал, что хочет, чтобы его похоронили в Тбилиси, – сказала Зара.

– Ой, а кто не хочет? Но когда вы узнаете, что можно лечь в Москве и бесплатно, потому что мой Тигран обо всех позаботился, то согласитесь, – заявила Наира.

– Я не могу ехать с вами! Приехала, чтобы сказать. Попросите папу начать умирать попозже! Меня и маму он не слушает. Ани только что пошла в новый детский сад. Звонила воспитательница и сказала, что она со всеми дерется. Даже с мальчиками. Мне приходится забирать ее раньше. Я не могу сейчас уехать. Еще Георгий только перешел на новую работу... Ему никто отпуск не даст. – Зара чуть не плакала.

– Ох, твой Георгий такой прекрасный человек, раз согласился взять тебя замуж в твоём возрасте. Ты должна его ценить, – заметила Наира.

– Тетя Наира, хватит про мой возраст. Мне же не сто лет было! – возмутилась Зара.

– Да, не сто. Но выходить замуж после тридцати в моё время считалось неприличным. Тебе стоит родить ещё одного ребенка, пока не поздно, – заявила Наира.

– Тетя Наира, мне было двадцать девять, когда я вышла замуж! И мне не поздно! Захочу – рожу. А вам уже восемьдесят два! Не поздно для нового замужества? Что с моим папой? Вы знаете? Какой диагноз? Он вам говорил? – Зара попыталась перевести диалог на другую тему: – Но я точно не смогу с вами поехать. У меня Георгий, Ани...

– Ой, какая ты сейчас неприятная девочка, – поджала губы Наира. – Очень на свою мать похожа. Зачем меня обижаешь? Я не знаю, что с Самвелом. Если он говорит, что умирает, значит, умирает. У тебя есть муж, а у меня нет. Тебе и не нужно ехать! Мой тебе совет – когда станешь вдовой, похороны и поминки не пропускай. Там всегда найдешь себе нового мужа. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, поймешь, о чем говорю. Разве я должна была умереть вместе с Тиграном? Разве не хочу больше жить? Дорогая, ты знаешь, как я тебя

люблю. Но если у женщины есть муж и ей есть о ком заботиться, она живет очень долго. Знаешь почему? Потому что всегда под рукой тот, кого хочется убить!

– Тетя Наира, простите, я хочу, чтобы вы прожили сто лет! Но не собираюсь становиться вдовой! И мне не нужен новый муж! Я за папу беспокоюсь! – воскликнула Зара.

– Ты такая же, как твоя мать, – очень нервная и недальновидная. Новый муж всегда нужен, уже сейчас стоит приглядеться, – заметила Наира. – Помоги мне встать. Да, я уже купила билет. И твой отец просто обязан поехать в Тбилиси. А там пусть делает что хочет – умирает, не умирает. Но поминки надо устроить. Твоя двоюродная тетя Софа уже новое платье купила. А тетя Нина придет в старом, но тоже с надеждой. Скажи вашей девочке-администратору, чтобы записала меня на краску и маникюр перед тем, как вы соберетесь уезжать. Я чувствую, что это моя судьба! Все-таки Самвел всегда был хорошим братом. Очень вовремя решил умереть. Я как раз сняла траур по своему Тиграну.

– Вы же говорили, что дядя Тигран – ваша судьба, – хмыкнула, не сдержавшись, Зара.

– Да, но он меня бросил! – возмутилась Наира.

– Он умер вообще-то, – напомнила Зара.

– Какая разница? Лучше бы бросил! Не могу ему этого простить! Я так заботилась о его желудке, сердце. Но он решил умереть от рака простаты! Если бы он сказал мне, что у него там проблемы! Спроси у своего мужа, как у него с простатой. Все-таки уже возраст. Знаешь, у них это такая деликатная тема, что я не понимаю почему. Врачи мне потом сказали, что можно было сделать операцию, они предлагали моему Тиграну. И что я узнала? Он отказался, потому что после операции не смог бы иметь детей! Скажи, зачем ему дети понадобились в его возрасте? И главное, от кого? Точно не от меня. Что я должна была думать? Ох, чего я только не передумала! До сих пор его не простила! Так ему каждый день и говорю. Может, твой Георгий тоже хочет других детей и скрывает свою простату?

– Тетя Наира, Георгию всего сорок, а не восемьдесят! Все хорошо у него с простатой! – Зара опять возмутилась.

– Все, я устала. Вызови мне такси. Увидимся на поминках. – Наира, опираясь на палку, пошла к выходу. – Деточка, тебе нужно

поправиться, если хочешь выйти замуж. Кому нужен скелет в кровати? В шкафу других хватает, – сказала она перепуганной девочке-администратору.

После того как Наира уехала, в салоне повисла тишина. Зара гипнотизировала телефон, ожидая звонка от воспитательницы. Вдруг ее Ани опять с кем-то подралась? Воспитательница уже предупреждала – еще одна драка, и им придется исключить ее из детского сада. Ани на самом деле не дралась. Просто хватала обидчика за волосы и укладывала лицом в пол. Поскольку она была крупнее всех детей в группе, ей это удавалось с легкостью. Воспитательница не могла ответить на вопрос, из-за чего случился конфликт. Она всегда заставляла финальную сцену – ребенок лежит лицом в пол и орет, а на нем спокойно сидит Ани. Так что виноватой всегда выходила именно дочка Зары.

Девочка-администратор собиралась уволиться в тот же день, потому что не понимала, как отвечать на звонки и вести запись клиентов.

– Дорогая, это Лана, скажи Карине, что у Ашотика режутся зубки. Лола уехала, поэтому я сижу с ним. Приду завтра.

– О, а вы кто? А где Карина? Почему она не отвечает на телефон? А Зара? Как у нее дела? Как Ани? Самвела нет? Почему? Как вы не знаете? Что случилось? Передайте Заре, что я собрала пакет для Ани – пусть заедет, выберет, что подойдет. Что значит, кто говорит? Я говорю!

– Зара, ты? Не слышу! Это тетя Света! Сейчас приеду! Сломала ноготь! Но если Лана пришла красить голову, то я не хочу ее видеть! Перезвони мне и скажи, что я спокойно сделаю маникюр!

И такие звонки каждые пять минут. Для того чтобы вести запись, нужно было стать частью этой большой семьи, выучить имена детей и внуков и помнить, у кого режутся зубки, а кто из клиентов с кем не дружит. Уметь сплетничать, но так, чтобы всем было интересно, но никому не обидно. Искренне сокрушаться по поводу сломанного ногтя и сообщать, как дела у хозяев. Молоденькая девочка была не готова к такому объему новых знаний.

Карина убежала в магазин купить яйца, помидоры и зелень.

– Вдруг Самвел захочет омлет, как он любит! – объявила она.

Так прошла еще неделя. Девочка-администратор все же уволилась, не выдержав обилия имен родственников, знакомых и друзей семьи. Вести журнал не получалось, потому что клиенты приходили не по записи, а по настроению. Сидели, пили кофе, обедали. Потом красились, стриглись. Или вдруг делали маникюр, на который не записывались.

– Я больше не могу, – призналась как-то Карина одной из случайных клиенток. Та немного опешила – что не может? Покрасить? Подстричь? Но Карине было уже все равно, кому изливать наболевшее: – Родственники звонят и спрашивают, когда мы приедем. На какое число взяли билеты? А мы не взяли! Сначала взяли, но я не собиралась никуда лететь! Теперь Самвел медлит. Наира тоже извела – она уже купила билеты, потому что очень хочет замуж. Зара лететь наотрез отказывается. Говорит, если папа настаивает, то она проводит его в последний путь здесь, до аэропорта. Ей Ани с садиком важнее, чем папа решил вдруг умереть. Я ее понимаю. Ани опять подралась, и им сделали предупреждение. Дети всегда дерутся, разве нет? Зачем такие меры? Почему сразу исключать? Зара совсем с ума сошла, звонит и плачет, работать не может. Я говорю, иди поработай, легче станет... Но кто слушает мать? Я говорю Самвелу, пусть еще немного поживет, пока Зара с садиком успокоится. Но какой мужчина послушает жену?

– Карина! – В салоне появилась Наира.

Карина отпрыгнула от клиентки. Та от страха и неожиданности сползла со стула.

– Карина, что я узнала! Ты это специально сделала? – кричала Наира на весь салон, стуча палкой по полу.

– Наира, дорогая, что я сделала? Хочешь кофе? – воскликнула Карина.

– Конечно, я хочу кофе! Свари мне сейчас, иначе я умру быстрее Самвела! Скажи, это ты устроила или он? – Наира стояла посреди салона, продолжая стучать палкой. Клиентка вжалась в кресло.

– Простите, это моя золовка, старшая сестра моего мужа, – объяснила ей Карина. – Понимаете, муж собрался умирать, и, кажется, Наира недовольна списком приглашенных на поминки гостей.

– Соболезную, я не знала, – пролепетала клиентка.

– Нет, что вы, Самвел еще не умер! Он решил порепетировать, поэтому мы тут все с ума сошли! – ответила Карина.

– А что, так можно? – спросила опешившая клиентка.

– Ой, дорогая, я не знаю, как можно, а как нельзя. Но мой Самвел – это что-то. Он составил список гостей на поминки и попросил его всем отправить. Вот теперь я не знаю, что делать... – Карина показала на собственный телефон, который без конца мигал, прыгал и звенел разными звуками. – Кажется, никто не доволен!

– Конечно! – воскликнула Наира. – Почему в списке гостей нет ни одного вдовца? Все женатые! За кого я должна выйти замуж? О чем думал мой брат, когда решил позвать на поминки всех друзей с женами? Точно обо мне он не думал! Только о себе! В детстве такой же был! Где он, кстати? Я ему задам трепку. Пусть вспомнит, что у него есть старшая сестра, о которой он не подумал!

– Самвел еще дома, позже приедет, – сказала Карина, наливая Наире кофе.

– Ну точно как в детстве! Всегда от меня прятался, когда плохо себя вел! А родители меня винили, что я за ним недосмотрела! – воскликнула Наира. – Карина, можешь поставить в список как можно больше вдовцов? Иначе зачем я туда уже лечу? Какой смысл?

– На поминках лучше всего знакомиться, – объяснила Карина негодование своей золовки клиентке, которая собиралась сбежать от греха подальше. – Наира сняла траур по покойному мужу и хочет снова выйти замуж... Наира, дорогая, спроси у своего брата! Не я составляла список гостей! Я его даже не посмотрела!

– О, как ты медленно думаешь! Мой брат составил список, отправил тебе. Самвелу все равно, он решил, что умер. Но нам-то не все равно! Неужели тебе сложно записать нужных гостей? Например, Алика. Помнишь, он был в меня влюблен в молодости? А еще Сандро. Он мне всегда нравился.

– Кажется, они оба женаты, – осторожно напомнила Карина.

– Разве? – удивилась Наира. – У Сандро жена точно умерла.

– Да, но он снова женился. Два года назад. Мы отправляли поздравление.

– Ох, эти мужчины... Как у них все быстро! Неужели не мог немного подождать? Хорошо, напиши Алику, узнай, не собирается ли его жена умирать?

– Наира, умоляю, не делай мне нервы. Никому я писать не буду! – воскликнула Карина.

– Вот никто меня не любит! Ни мой брат, ни ты. Не хотите вы для меня счастья, – обиделась Наира.

– Очень хотим, Наира, всем сердцем хотим. Но, может, тебе не нужно замуж? Сама подумай. Опять готовить, рубашки гладить, квартиру убирать. Зачем тебе это? Ты уже взрослая женщина, – ласково говорила Карина. – Живи в свое удовольствие и радуйся. Хочешь, отдохай, хочешь, гуляй.

– Ой, когда твой муж умрет, я посмотрю, как ты снова замуж не захочешь! Впереди меня побежишь! – фыркнула Наира.

– Наира, мой муж – это твой брат. И он собрался умирать, если ты забыла. Не понимаю, за что он так со мной. Почему решил сойти с ума, устраивая себе поминки на родине. Почему нельзя тихо умереть, раз уж так захотел. Наира, у меня нет сил. Впиши, на кого конкретно ты претендуешь из женихов, и все. У меня клиентка сейчас от наших разговоров в обморок упадет. Посмотри, уже зеленая сидит. Постороннему человеку плохо, а каково мне?

Клиентка и вправду сидела, не шелохнувшись от страха. Наира имела обыкновение активно размахивать своей палкой, тыча ею, как шпагой. Клиентка боялась, что ненароком останется без глаза.

– Дорогая, вы сегодня завтракали? – ласково проворковала Наира.

– Да, нет, не помню, – промямлила клиентка.

– Вот! Об этом я и говорю! – воскликнула радостно Наира. – Ты почему ее не покормила? Что твой кофе? Разве это еда? Иди сделай девушке обед! Только о себе думаете! О других совсем не спрашиваете – чего хотят, хорошо им или плохо!

– Спасибо, не надо, – пискнула клиентка.

– Дорогая, есть надо, когда предлагают. Никогда не знаешь, когда в следующий раз сможешь увидеть еду. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Всегда нужно брать еду в дорогу. Дорога бывает очень долгой, хотя ты к этому не готовилась. Карина! Ну куда ты исчезла? Еда в моей сумке! Осторожно, там сверху долма, а внизу пирог, – распорядилась Наира.

Карина послушно достала еду из огромной сумки, которую принесла золовка. Разложила на тарелки, сварила для всех кофе.

– Придет Зара – отдай ей печенье. С утра испекла для Ани. И дай попробовать девушке, – велела Наира. – Как тебя зовут, дорогая?

– Мария, – ответила клиентка.

– Мэри, значит. Ешь, дорогая, пожалуйста. Не обижай меня. Женщина должна для себя готовить. Если тебе вкусно, улыбаться будешь. И замуж выйдешь. Мужчины любят, когда женщины улыбаются. А по какой причине – им не важно. А если ты голодная, то с чего улыбаться станешь? Встретишь только того, кто тебя пожалеет. Женщине не нужна жалость. Это ты должна мужчину жалеть, а не он тебя. Вот пожалеешь его, не убьешь сковородкой по голове, потому что он с утра делает тебе нервы, и он будет счастлив. Карина, я правильно говорю?

– Правильно, Наира, все правильно. Иначе почему еще Самвел жив и делает так, что мне звонят все родственники? Может, говорить им, что он заболел головой, раз требует репетиции поминок? Все хотят диагноз! Как это называется? О, вспомнила, афицальный! А я не могу придумать афицальный!

– Говори, что головой заболел. Ему это подходит. Будут мне звонить – я подтверждаю, – объявила Наира. – Слушай, никто не доволен его списком! Родственники возмущаются. И уже бери телефон, чтобы тебе все претензии сказали, а не мне.

Карина ответила на очередной звонок. Рассказывала, что да, Самвел болен. Очень сильно. Головой. Точный диагноз пока не поставили. Но голова сильно болит. Так сильно, что совсем с ума сошел. Да, поминки точно будут. Наира в новом платье хочет найти себе мужа. Разве это не подтверждение? Еще какое. Да, список гостей будут менять. Каждый может внести изменения и прислать. Наира уже так сделала. Да, мы заведем потом общий чат. Да, так и назовем: «Поминки Самвела». Будет проще. Нет, Зара не прилетит, Ани в детский сад пошла и дерется. Всех побеждает, конечно. Даже мальчиков. Да, тьфу-тьфу на нее. Очень боевая девочка растет. Счастье, а не ребенок. Конечно, Зара гордится.

– Ну вот, опять! – воскликнула Карина, получив фотографии от Зары. Ани перед детским садиком и после. Карина показала их Наире и клиентке. Малышка в красивом платье, с красивой заколкой во вьющихся волосах. И тут же – платье порвано, заколка свисает с волос, в одной туфле. Подпись к фото – «Исключили».

В дверях салона появился Самвел.

– О, Самвел! Пока ты еще не умер, посмотри, что прислала Зара! Ани исключили из детского сада! Ты все еще хочешь умирать или немного подумаешь? – закричала Карина.

– Самвел, я хочу с тобой поговорить, как сестра с братом, – строго заявила Наира. – Ты совсем с ума сошел? Как ты мог так со мной поступить? Где была твоя голова, когда ты список гостей составлял?

Самвел в тот момент снимал куртку, но передумал и сбежал из салона.

– Он что, просто сбежал, да? – ахнула Карина.

– Это твой муж, откуда я знаю? – пожалала плечами Наира. – Но голова – верный диагноз. Так всем и будем говорить. Новый список я тебе пришлю. Все, мне пора. У меня тоже от вас голова разболелась. И передай моему брату, что я желаю ему здоровья, но пусть устроит поминки, на которых я смогу выйти замуж!

– Наира, подожди! – воскликнула Карина, получив очередное сообщение и с ужасом глядя на экран телефона. – Мне пишет Лола, жена Рубена. Ну, Рубена, они в одном классе с Самвелом учились, лучшие друзья. Лола пишет, что Самвел оставил Рубену распоряжения, как его надо похоронить. Мой Самвел, оказывается, хочет, чтобы его сожгли! Лола предупреждает, чтобы я дорогой костюм не покупала, раз он все равно сгорит. Наира, поговори со своим братом! Я с ума схожу. Мне нужно клиентку подстричь, а у меня руки трясутся! Как я могу работать в таком состоянии?

– Можно без стрижки, – пропищала клиентка, – только краску смыть.

– Ой, дорогая, прости, конечно, давай пересаживайся. Сейчас смоем. Наира, ты понимаешь, что Самвел еще не умер, а я уже работать не могу! Или он хочет, чтобы ко мне клиентки не приходили? Вот эта девушка, думаешь, она вернется? Нет!

– Я вернусь, не волнуйтесь, – заверила Карину новая клиентка.

– Дорогая, ты хочешь регулярно этот дурдом? Зачем? Живи спокойно. Ходи в другой салон. Не выходи замуж за мужчину, который забыл сообщить жене, что хочет аттракцион после смерти. Наира, зачем он хочет себя сжечь? Ну пусть поедет на дачу, шашлыки на мангале пожарит. Чего ему не хватает? Листья может собрать и сжечь,

уже месяц собирается, все никак. Зачем себя-то? Где мне взять нервов? А? Наира, что ты молчишь? Что мне делать? – кричала Карина.

Наира стукнула палкой и ушла. Карина занялась клиенткой. Сама удивлялась, какой красивый цвет волос получился. Пришла наконец Зара и тоже молча встала работать. Красила, стригла, укладывала. Карина успела сообщить дочери, что отец желает кремацию, и та тоже не знала, как реагировать. В салоне стало непривычно тихо. Даже исключенная из детского сада Ани сидела спокойно и рисовала. Карина успевала сварить клиенткам кофе, работала как никогда быстро. Зара написала мужу, чтобы он забрал Ани из салона и разобрался с ее отчислением. А она задержится, работает. Муж, видимо, тоже обалдел, поговорил с заведующей, и Ани дали еще один шанс на исправление. Если больше никого не побьет – не отчислят.

– Папа приедет за нами? – спросила уже поздно вечером Зара.

Обычно Самвел заезжал за ними на машине, отвозил Зару, потом они ехали домой.

– Не знаю, – призналась Карина.

– Почему папа захотел кремацию? – спросила Зара.

– Ох, дочка, почему он захотел репетировать похороны? – пожалала плечами Карина.

– Я поеду с вами, – объявила Зара, – возьму Ани, и поедем вместе. Что еще папа придумает? А Ани все равно из садика выгонят. Лучше я с тобой буду. Да и родственники не видели Ани. Если что – скажем, что привезли ее показать и крестить. Надо уговорить папу не умирать, а поминки превратим в крестины. Папа хотел, чтобы Ани крестили в Тбилиси. Так давай поедem, чтобы крестить Ани. Вдруг папа передумает умирать?

Карина обняла дочь.

На следующий день Карина получила сообщение от Лолы, что Самвел не хочет лежать там, где предложил ее Рубен. Мол, в колумбарии остались боковые места, как в плацкарте поезда. Но разве Самвел хочет лежать в плацкарте? Ее Рубен нашел кладбище дальше от города, новое, там можно лежать в земле как человеку, удобно. А Самвел отказывается. И что им делать? Рубен подбирает место как себе. Старается. Но Самвелу ничего не нравится. Рубен нашел место для семейной могилы. Хорошее, просторное. Кто хочет, может лечь. Даже Карина. Руки можно раскинуть, так просторно. Но Самвел

категорически отказался от семейного захоронения. Почему он не хочет лежать с Кариной?

– Самвел! – закричала Карина на весь дом. – Почему не хочешь со мной лежать после смерти? Что я должна ответить Лоле? Как ты мог меня опозорить? Уже все знают, что ты болен головой, но зачем так болен, что от меня отказываешься? Сердца у тебя нет! Почему тебе не надо семейное захоронение? Зачем хочешь себя сжечь?

– Не кричи, пожалуйста, – тихо сказал Самвел, – я пока думаю. Но это семейное захоронение – ерунда. Такой маленький участок... Тебе будет некомфортно. Ты же любишь спать отдельно, на своей подушке, под своим одеялом. Поэтому я решил, что нам это не подойдет. Они говорят, ты руки сможешь раскинуть, как тебе нравится, но я видел фотографии этого участка... Ты не любишь так спать, поверь мне. Там так тесно, что ты меня с того света вернешь и заставишь перелечь в соседнюю могилу, чтобы не мешал.

– Самвел! Пожалуйста, верни свой разум! Какая мне разница, с кем спать после своей смерти? Почему я должна раскидывать руки, когда ты уже умер и я уже умерла? Зачем мне, чтобы ты спал в соседней могиле? – еще громче закричала Карина.

– А что подумают о тебе твои внуки? Что подумает Ани, если ее бабушка лежит не пойми где и с кем? – спросил строго Самвел.

– Не переживай за Ани! Зара ей расскажет, что ее дедушка сошел с ума! А бабушка все это терпела из последних сил, – рывкнула Карина.

– Карина, могилу надо хорошо выбрать. Тебе на нее ходить. Я о тебе беспокоюсь. Ты же не будешь ходить туда, где тебе не понравится.

– Мне уже все равно, куда ходить! Давай ты уже решишь, где хочешь лежать, и мы все успокоимся!

Следующие несколько дней Карина ходила по салону, держась то за сердце, то за голову.

– Мамочка, что болит? – беспокоилась Зара.

– Все у меня болит! – тихо стонала Карина. – Точно тебе говорю, я быстрее твоего отца умру. Знаешь, что он вчера делал? Костюм выбирал! Весь шкаф перевернул, все рубашки помял! И что?

– Что? – не поняла Зара.

– Он решил, что, раз Наира себе новое платье покупает, значит, ему нужен новый костюм! Я говорю твоему отцу: «Самвел, дорогой,

твоя сестра хочет снова замуж выйти. Ты тоже хочешь замуж?»

– Зачем папе новый костюм? – все еще не понимала Зара.

– Для этого, как называется, скажи, я опять забыла это слово... чтобы он красивый лежал, когда сжигать будут. – Карина опять схватилась за сердце.

– Кремация, – тихо подсказала Зара.

– Ох, какое неприятное слово! – возмутилась Карина. – Только твоему отцу такое могло понравиться! Хотя чему я удивляюсь? Ему всегда нравилась Лиана, а она такая неприятная женщина!

– Мама, ну что ты говоришь? Тетя Лиана никогда папе не нравилась! Он даже не смотрел в ее сторону!

– Конечно, не смотрел! Иначе бы он сейчас не хотел новый костюм! – возмутилась Карина. – Но если бы Лиана узнала, что это я умираю, а не Самвел, уже бы в магазине новое платье покупала!

– Мама, тетя Лиана давно замужем, – напомнила Зара.

– О, она такая неприятная, что муж бы ей не помешал окрутить моего бедного Самвела!

– Хорошо, давай купим папе новый костюм, раз он так хочет, – предложила Зара.

– Ох, ты, кажется, тоже головой заболела. А вдруг от отца заразилась? – воскликнула Карина. – Ну подумай, зачем ему новый костюм, если его все равно сжигать! Что, на один день покупать? Почему, когда я просила купить новое платье, твой отец говорил, что у меня шкаф забит и я могу пойти в старом? А его уже все видели – на свадьбе Аси, на дне рождении Тимура. Я говорю: Самвел, зачем тебе новый костюм на пять минут полежать? Надень старый, вон тот, серый, его давно пора выбросить. И знаешь, что ответил твой отец? Что в сером он не хочет, потому что это его любимый костюм. Я говорю – так давай ты сгоришь в любимом костюме! И тебе приятно, и нам не надо тратиться! Нет! Уперся, как баран! Новый ему нужен – и все. Накапай мне капли, не могу больше!

– А вдруг папа хочет новый костюм не на кремацию, а на репетицию поминок? – спросила Зара, прибежав с каплями.

– Кремация, репетиция, слушай, хоть кастрацию пусть себе делает, только мне нервы уже не делает! – воскликнула Карина.

Тут же зазвонил телефон. Карина закатила глаза. Мол, никакого покоя.

– Это тетя Наира, – сказала Зара, глядя на экран телефона.

– Ох, она не отстанет, – вздохнула Карина. – Да, Наира, и тебе доброе утро. Если что, я еще кофе не пила, только капли успокоительные. Я сейчас не очень милая. Совсем не милая. И все – из-за твоего брата. Что еще случилось, чего я не знаю, а ты уже успела? Что? Я не против! Да, так и передай, что я согласна лежать с тобой! Хоть валетом, только подальше от Самвела, раз он так желает!

Оказалось, Лола позвонила тете Наире и предложила тот самый семейный участок, который нашел для Самвела ее Рубен. Поскольку участок очень хороший и на него уже выстроилась очередь из желающих лечь именно там, Рубену пришлось внести залог, то есть, так сказать, забронировать. И если сегодня не дать ответ, бронь слетит. Да, участки сейчас бронируют чаще, чем номера в гостинице и столики в ресторане. Нормальная практика. Лола отправила фотографии участка Наире, и та решила, что ей все нравится. Хорошо, просторно, но одной лежать дорого, поэтому она решила разделить место упокоения и траты на него с любимой невесткой, то есть с Кариной, раз уж ее брат отказался лежать с законной супругой. А участок жалко, если уйдет. Наира сказала, что она себя там уже представила и ей было хорошо.

– Мам, так тетя Наира вроде бы замуж хотела, а не умирать? – удивилась Зара.

– Пусть что хотят делают! Оба с ума сошли! – воскликнула Карина.

На следующий день в салоне появилась Наира.

– Карина, ты совсем не желаешь мне счастья? – закричала она с порога.

– Наира, я тоже рада тебя видеть. Сейчас кофе сварю, – устало ответила Карина.

– Зачем мне кофе, когда ты такое сделала! – продолжала возмущаться Наира.

– Дорогая, я так много сделала, что уже не помню. Вот, краску заказала, лак заказала, шампунь заказала...

– При чем тут твой шампунь? Почему ты не подумала, что мне будет неприятно? – Наира стукнула палкой для убедительности.

– Наира, сядь, пожалуйста. И не стучи своей палкой. Голова с утра болит, что я не знаю уже, какую таблетку выпить. – Карина начала массировать виски, давая понять золовке, что боль нестерпимая.

– Ой, что ты опять жалуешься? – еще сильнее возмутилась Наира. – А мне тогда что делать? Ложиться и помирать? Голова у нее болит, видишь ли...

– Наира, дорогая, я тебя очень люблю, но не кричи так громко, будто ты мне в ухо орешь. Хочешь маникюр? Хочешь брови тебе сделаю, а? Хочешь лечь и умереть, пожалуйста, только давай не сейчас, да? Мне твоего брата хватает, который никак не решит, какие он хочет поминки. То в ресторане, то во дворе дома вашей матери, то опять в ресторане. То он хочет долму, то не хочет. То заказывай музыкантов, то не надо. Слушай, мы так свадьбу Зары не устраивали, как эту... репетицию... Прости, что я так говорю, но еще один день – и я разведусь с твоим братом. Пусть сам себя хоронит или новая жена страдает вместо меня. Почему нельзя сделать как твой Тигран – спокойно лечь и тихо умереть, чтобы никто не переживал? Такой хороший у тебя муж был, такой заботливый! Даже умер как нормальный человек!

– Вот поэтому я и пришла! – объявила Наира. – Когда умер мой дорогой Тигран, я лично список гостей составляла и тех, кто был мне неприятен, не пригласила. Ты видела новый список гостей? Нет? Как нет?

– Наира, пожалей меня, у меня тут список для салона, там список для Самвела, еще вот – в магазин, а тут – в аптеку. Слушай, я боюсь перепутать! Вдруг я ему на поминки доставку шампуня закажу или памперсы, а? Если тебя что-то не устраивает, напиши своему брату! В конце концов, это его... эээ... мероприятие.

– Знаешь, кого он пригласил? – Наира села, взяла предложенный кофе и сделала длинную паузу, чтобы Карина уточнила кого.

– Кого? – спросила Карина без всякого интереса, лишь бы не расстраивать золовку.

– Тиграна! – воскликнула Наира.

– Какого Тиграна? Твоего Тиграна? – ахнула Карина. – Самвел решил спросить, как там дела на том свете? Совсем плохо у него с головой.

– Ты с ума сошла? Зачем моего Тиграна? Самвел, может, и больной, но не сумасшедший! Он пригласил не моего Тиграна!

– А какого еще? – не поняла Карина.

– Тиграна, который был женат на Соне, моей однокласснице! – объяснила Наира.

– И что? – Карина расставляла в шкафчике маски, шампуни, лаки, сверяясь со списком. Потом, запутавшись, снова складывала их в коробку и снова принималась расставлять.

– Как – что? Как – что? – Наира чуть кофе не поперхнулась. – Зачем мне еще один Тигран?

– Наира, я ничего не понимаю, прости. У меня голова так болит, что я уже ничего не хочу. Пусть Самвел сам едет куда захочет, умирает, не умирает, сжигает себя или нет, хоть снова женится! Вот честно тебе скажу – я его сама готова передать из рук в руки любой женщине. Еще и приданое за него дам!

– Карина, ты с ума сошла? Какое приданое Самвелу? Он что, девушка? Это мне нужно приданое! Вот сядь, пожалуйста, хватит уже эти банки расставлять. И где твоя дочь? Почему она не помогает?

– Наира, ты тоже не девушка, но хочешь приданое? Поверь, ты такое сокровище, что тебя и без приданого замуж возьмут! Не то что моего Самвела, – горячо заверила Карина. – Зара скоро придет. Она квартиру убирает. Уберет и придет.

– Почему она убирает квартиру сейчас? В другой день не может? – удивилась Наира. – Разве у нее нет клиентов?

– Ани опять выгнали из детского сада. Уже третьего, – призналась Карина.

– Почему? – удивилась Наира.

– Очень пылкая потому что. Не знаю, в кого такая. Зара совсем не пылкая, наоборот. Еще и совсем медленная стала. Пока до кухни дойдет, забудет, зачем шла. Не знаю, как ее муж терпит, спасибо ему. Она тут отпросилась, сказала, хачапури будет печь. Слушай, целый день пекла. Она что, его взглядом гипнотизировала вместо духовки? Как можно один хачапури целый день печь?

– Да, твоя дочь всегда была небыстрой. Поэтому я к ней не хожу голову красить. Пока покрасит, у меня уже корни снова отрастут! Прости, что я так говорю, но, кажется, моя племянница пошла в твоих предков, – хмыкнула Наира.

Карина закатила глаза, решив, не спорить с золовкой.

– Карина, ты уснула? Почему выгнали Ани? – услышала она сквозь туман голос Наиры.

Ани, как объяснили вызванной срочно в детский сад Заре, слишком любит со всеми обниматься и целоваться. Подходит, сжимает в объятиях другого ребенка и целует. Нет, хорошо, что девочка растет такой ласковой, в этом ничего плохого. Но она так страстно и пылко стискивает детей в объятиях, что те дышать не могут. Вот совсем не могут. Ани им кислород перекрывает. Ребенок после таких обнимашек хрипит и хватает воздух ртом. А если кто-то не хочет, чтобы Ани его поцеловала, она одним движением укладывает ребенка на пол, садится сверху и все равно целует. Еще и голову держит, чтобы не вырывался. Нет, в щеки целует, конечно же. Но так сильно держит, что страшно. А вдруг шею нечаянно свернет? Очень крепкая девочка и крупноватая для своего возраста. И ладно бы только это. Но возникла еще одна проблема – детские стульчики и столы Ани совершенно не подходят. На стул она садится, но встать уже не может. То есть встает вместе со стульчиком, который крепко застревает на попе. По несколько раз на дню приходится снимать стульчик с ее попы. Уже все расшатанные, хотя были новые. Два вообще пришлось раскрутить – слишком крепко Ани в них застряла. Один сломался, когда Ани резко на него села. Со столами тоже проблема. Если Ани кладет локти, да еще наваливается грудью от усердия, когда лепит или рисует, стол начинает шататься. Ножки не выдерживают такой нагрузки и ломаются. Для Ани нужна другая мебель, особо прочная, а такой в детском саду не имеется. И вообще, когда то дети на грани удушения, то столы на грани разрушения, какое внимание остальным детям? Никакого. Из соседней группы воспитатель прибежала на помощь. Но Ани всем занятие найдет. Хоть пять человек взрослых, все только за этой девочкой смотреть будут. Так что, говорили в детском саду, забирайте, не справляемся.

– Зара так плакала, так плакала, – призналась Карина. – Слушай, странные сейчас воспитатели. Они что, не могли Ани в кресло посадить, а? Какие проблемы? Когда Ани у нас, она только в кресле Самвела сидит. В том, в которое он даже мне не разрешает садиться. Если ребенку нужно кресло, а не стул, почему нельзя поставить? Сказали бы, мы бы принесли. Если Ани немножко хорошо кушает, так

это счастье. Пусть стулья под детей подбирают, а не детей под стулья, да? – Карина замолчала. Наира тоже молча пила кофе. – Ани только с виду такая крупная и у нее перевес. В душе она спортсменка! – продолжала делиться наболевшим Карина. – Сегодня взяла мыльные пузыри и разлила в коридоре. Стала кататься. Фигуристка растет! Точно тебе говорю. Зара сняла, как она катается. Очень красиво. Теперь Зара полы моет. Домоет и придет.

– Зачем Ани на мыльных пузырях катается? Пусть Зара отведет ее на фигурное катание. На коньках будет кататься, – предложила Наира.

– Нет! Что ты такое говоришь? Они же падают! Попой на лед! А там колготки – не колготки. Одни трусы – и все, считай. Если застудится? – воскликнула возмущенно Карина. Она сходила на кухню, сварила себе кофе и, вернувшись, спросила: – Так почему ты не хочешь того Тиграна, который не твой Тигран?

– Потому что я буду на него смотреть и вспоминать своего Тиграна, – ответила Наира. – Мне будет больно.

– Ну не смотри на него. Смотри на кого-нибудь другого, – удивилась проблеме Карина.

– На кого? Пока тот Тигран единственный вдовец на поминках Самвела! Мой брат, видишь ли, пошел мне навстречу! Я просила его включить в список гостей вдовцов и свободных мужчин! – Наира вновь начала кричать и размахивать руками, чуть чашку с кофе не выронила. – Оказывается, Самвел уже поговорил с Тиграном, и тот не против на мне жениться! Карина! Самвел мой младший брат, а не старший! Почему он хочет решать мою судьбу? Не имеет права! Я не хочу замуж за другого Тиграна!

– Зато имя не придется запоминать. И не перепутаешь. Все-таки возраст... – не удержалась Карина.

– Какая ты все-таки злая женщина! Всегда такой была! Я предупреждала Самвела, чтобы не женился на злой! – заметила Наира.

– Прости, дорогая, я не хотела тебя обидеть. Просто уже никаких сил нет. Тут Самвел, там Карина с Ани, еще салон на мне. Они мне совсем не помогают. Я уже не знаю, за что начинать волноваться с утра. Хоть не просыпайся. Знаешь, что я сделала? Телефон отключила! Самвел кричит, что я не хочу заниматься его похоронами. А я и не хочу! Все звонят и звонят. Спрашивают, что я думаю, какой ресторан для поминок мы выбрали, какое место захоронения. Самвел решил

умереть, вот пусть сам себе все и организовывает. И родственникам докладывает. Заре говорю – зачем Ани в детский сад? Пусть дома будет. Тетя Света с ней с удовольствием посидит, поиграет. Родной человек – жена троюродного брата. Говорю, я сама Свете заплачу, только уже отстань от ребенка. Нет, уперлась. Ани должна ходить в детский сад – и все. Я спрашиваю Зару – кому должна? Ты не ходила в детский сад. Дома была. Разве плохо? Еда хорошая, тетя Света Ани обожает. Наира, пожалуйста, хоть ты меня сейчас пожалей. Поговори с Зарой и Самвелом. Они тебя послушают. Ты для них авторитет.

Наира, как ни пыталась, не смогла скрыть удовольствия от комплиментов.

– Хорошо, дорогая, я поговорю, – кивнула она.

– Приходи завтра, покрашу тебя. Краску новую получила, так хорошо держится. Такой цвет красивый получается, – предложила Карина.

– Хорошо, приду. Скажи Заре, пусть с Ани придет. Погуляю с ней. Мне нужно гулять. Хочу похудеть к поминкам Самвела. Пусть Зара поработает, отвлечется.

– Спасибо тебе. Хочешь, я скажу Самвелу, чтобы вычеркнул Тиграна? – предложила Карина.

– Зачем вычеркивать? Пусть останется! Слушай, запасной вариант будет, да! – воскликнула Наира.

Следующие дни не отличались от предыдущих. Карина хваталась за сердце и пила капли. Зара пыталась пристроить дочь в очередной детский сад. Самвел составлял список гостей на поминки и подбирал кладбище, на котором хотел бы уже наконец лечь. Только Наира, покрасившись и сделав маникюр с педикюром, вдруг перестала появляться в салоне. Карина, занятая делами, совершенно забыла про золовку.

– Тетя Наира не сможет сегодня погулять с Ани? – спросила Зара, которая, к счастью Карины, снова начала работать в салоне.

– Не знаю. Позвони ей. – Карина пыталась разобраться в записи клиентов.

– Звонила. Не отвечает. Ты когда ее в последний раз видела? – спросила обеспокоенно Зара.

– Не помню, кажется, неделю назад. А что? Она ведь должна была улететь в Тбилиси. У нее и билет был куплен. Позвони тете Нине или тете Софе, наверняка она с ними.

– Они сказали, что тетя Наира не прилетала. Гагик, который должен был ее встретить, сказал, она позвонила, чтобы он ее не встречал.

– Ох. – Карина присела на стул и потянулась к сумке за каплями. – Позвони отцу, пусть к ней съездит, проверит.

– Думаешь, стоит папу беспокоить? – уточнила Зара. – А вдруг что с тетей Наирой случилось? Папа тогда умрет до репетиции поминок. Кстати, надо отменить запись завтра на утро – поведу Ани в новый детский сад.

– Не надоело тебе над ребенком издеваться? Вечером привози мне ее и поезжай со своим мужем к тете Наире. Только пока ничего не говори отцу! И родственникам! – решила Карина.

Карина позвонила племяннику Аркаше и уточнила, прилетала ли тетя Наира в Тбилиси. Тот ответил, что точно нет. Потом Аркаша позвонил тете Наире с неизвестного номера – Карина знала, что золовка всегда отвечает на незнакомые номера, потому что ждет подарка судьбы или еще чего-то, что всегда приходит не от близких и знакомых, а от Вселенной. Непременно с таких незнакомых номеров.

– Наира, это звонят мошенники, – твердила Карина.

– О, они такие милые, с ними можно долго разговаривать. Слушай, они так во все верят, будто не мошенники! – восклицала Наира.

– То есть ты успеваешь и мошенников довести до нервного срыва, не только меня, – заметила Карина.

– Ох, Карина, с тобой совсем неинтересно общаться! Я же должна хоть где-то блеснуть своим умом! – замечала с гордостью Наира.

Но телефон был отключен, как сообщил Аркаша. Карина включила свой, решив не читать присланные в количестве миллиона штук сообщения, и позвонила дочери.

– Ну что там? – почему-то шепотом спросила она.

– Не открывает, – ответила Зара.

– А звуки за дверью есть?

– Есть.

– Ох... а какие звуки? Хорошие или плохие?

– Непонятно, – прошептала Зара. – Георгий говорит, могут быть мошенники. Ну те, которые квартиры пенсионеров захватывают и живут там.

– Скажи своему Георгию, чтобы не поднимал мне давление! Я и без него сейчас лежу и умираю! – Карина все же сорвалась на крик.

– Мама, как это – ты умираешь? А что Ани делает? – Зара тоже перешла на привычный тон, то есть крик.

– Как что делает? Котлетку доедает. Я из индейки ей сделала. И суп с фрикадельками. Ты, когда в следующий раз будешь варить с фрикадельками, сначала обжарь их на сливочном масле, потом в суп клади. Ани так вкуснее. Хорошо кушает, тьфу-тьфу на нее, моя радость, – ласково начала сюсюкать Карина. – Горбушку хочешь? Или лавашик? Да, моя сладкая, сейчас принесу.

– Ой, тетя Наира открыла дверь! – воскликнула Зара и отключилась.

– Вот и что теперь мне думать, а? – спросила у внучки Карина. – Они меня с ума сведут, это точно. И будет у тебя сумасшедшая бабушка. Бедная девочка, что еще хочешь? Печенье или пирожное? Хорошо, сейчас и то и другое принесу. На здоровье, моя радость. Ешь, никого не слушай.

Карина так устала и испереживалась за целый день, что уснула вместе с Ани на кровати. Самвела заранее отправила на диван в гостиную, без всякой надежды перелечь в супружескую постель. Более того, Карина предложила мужу вместо полноценного ужина доесть за Ани котлеты из индейки. Самвел ушел спать обиженный. Карина впервые за долгое время выспалась. Так было и раньше – если она засыпала с маленькой Зарой, всегда спала спокойно, чувствуя рядом дыхание дочери.

Утром Карина проснулась без будильника, в хорошем настроении, отдохнувшей. Ани еще сладко сопела рядом. Карина закрыла глаза и подремала еще пятнадцать минут, пока Ани не зашевелилась, проснувшись. Карина приготовила завтрак, накормила внучку. Самвелу предложила доесть то, что осталось, – всего-то яичница из двух яиц, гора оладушек и бутерброды.

– Ани так плохо позавтракала, – пожаловалась она мужу, – как птичка. Совсем чуть-чуть поклевала.

– Если мне надо доклевать то, что осталось, значит, хорошо Ани позавтракала, – заметил Самвел.

– Ох, что ты понимаешь? Тебе вообще уже есть вредно! Тем более раз ты умирать собрался. Нужно быть худым, чтобы красиво в гробу лежать. Все будут восхищаться, какой ты стройный, как юноша! Ани – ребенок. Кто сказал, что ребенок должен быть худым? У этого человека точно не было детей! Если Зара сошла с ума и не дает Ани печенье, то я пока головой не болею.

– Не хочешь спросить, как я себя чувствую? – обиженно спросил Самвел. – Разве у того, кто завтра умрет, не спрашивают о здоровье?

– Самвел, ты не завтра умираешь, а я даже не знаю когда, потому что билеты на самолет мы еще не взяли. И ты не решил, где хочешь лежать. Если думаешь, что я забыла про то, как ты отказался от семейной могилы, то ошибаешься. Не забыла! Вот умрешь, все равно буду тебе припоминать, как не захотел с родной женой рядом лежать, а хочешь по соседству с какой-то другой женщиной! И на поминках всем расскажу, так и знай. Пусть тебе будет стыдно!

– Карина! Почему с другой женщиной? Я хочу лежать в урне, а не в могиле! И вдруг моим соседом окажется мужчина? – удивился Самвел.

– Ох, лежи с кем и где хочешь, – отмахнулась Карина.

Она то и дело поглядывала на телефон. С вечера от дочери не было никаких новостей. Ее телефон был отключен. Карина уже собиралась признаться мужу, что с его сестрой могло случиться что-то немного страшное, но тут наконец раздался звонок от Зары.

– Умерла? – ахнула Карина.

– Зачем сразу умерла? Но спасибо, что побеспокоилась, – ответила с телефона Зары Наира.

– Наира, ты жива?

– Нет, с того света тебе звоню! Карина, тебя мой брат заразил? Ты теперь тоже немножко больная на голову? – возмутилась Наира.

– Наира, я беспокоилась. Ты не улетела в Тбилиси. Гагик тебя не встретил. Что случилось? – спросила Карина.

– Случилось то, что вы вообще молчать не можете! Зачем было звонить Гагику, Аркаше? Нине и Софе? Почему решила меня проверить, а? Разве я не взрослая женщина? И ты не мой отец и старший брат, чтобы следить! Я могу делать что захочу! Хочу – пойду

налево, хочу – направо! Ты хоть понимаешь, что теперь весь город только меня и обсуждает! Нет, мне, конечно, приятно, что я стала такой знаменитой, что Нина с Софой языки стерли, сплетничая. У меня такая *рэпутация*, что ее давно хотелось испортить! Представляешь, Нина с Софой всему городу рассказали, что это не Самвел умирает, а я уже умерла! И не просто умерла, а меня наверняка убили! Слушай, я стала звездой! О, ты бы слышала, как я им сегодня звонила и говорила, что жива! Я клянусь, прямо видела, как они в обморок падают! Так приятно было! Но ты обо мне подумала? Я женщина взрослая, сердца запасного нет. Зачем у тебя такой язык, что ты его во рту удержать не можешь?

– Наира... я за тебя беспокоилась... Что должна была делать, если ты пропала? – Карина хотела только одного: вернуться в кровать и уснуть рядом с внучкой. – Но Самвелу я ничего не сказала! Он ничего не знает!

– Каринааааа! – тут же раздался крик Самвела. – Почему я не знаю про мою сестру? Ее хотели убить? Ты знала и ничего мне не сказала? Почему я узнаю это от родственников?

– Пусть скажет спасибо, что не из телевизора! – хохотнула Наира.

– С Наирой все хорошо. Я с ней сейчас разговариваю! – крикнула в ответ Карина. – Имеет женщина право на личную жизнь, да?

– Какую личную жизнь? С кем? Я ее брат, почему не знаю? – кричал Самвел.

– Так, иди и съешь что-нибудь. Займи рот. И перестань пугать Ани своим лицом. Ты так пучишь глаза, что уже мне страшно! – встала в позу возмущенной женщины Карина. – Твоя сестра – взрослая женщина. Может, она решила массаж сделать, брови покрасить, в ванной полежать... Имеет право, да? Это тоже личная жизнь для женщины! Вы, мужчины, всегда только об одном думаете! Наира хотела побыть одна. Может, она страдает оттого, что ты решил умереть, и даже слышать никого не хочет. Может, плакала весь вечер? Ты об этом подумал? Или она обо всем тебе должна докладывать?

– Ой, как ты сейчас хорошо сказала! – Карина забыла, что не отключила золовку, и та все слышала. – Я буду так же говорить, как сейчас ты. Напиши мне потом про личную жизнь, а то я не все запомнила. И скажи моему брату, чтобы занимался своей смертью, а не моей жизнью! Так ему и передай!

– Наира, что случилось? – спросила Карина, но та уже отключилась.

Карина хотела еще спросить, как телефон Зары с утра оказался у Наиры, но Ани наконец доела печенье, и пора было ехать на работу. Карина надеясь, что дочь уже в салоне и сможет объяснить, что произошло вечером.

– Карина, я тебе совсем не нужен? – опять обиделся Самвел, который обычно довозил жену и внучку до салона.

– Что? Ты можешь нас отвезти? – остановилась Карина.

– Не могу, я должен готовить свои похороны, раз тебе нет до них никакого дела! – возмутился Самвел.

– Тогда зачем ты мне нужен? – удивилась Карина, которая, признаться, думала не о супруге, а о золовке. С чего вдруг та веселая и радостная с утра? Когда такое было? Карина силилась вспомнить, но не могла. Наира никогда не отличалась добрым и кротким нравом. Карина говорила, что Самвел и Наира перепутались, когда появлялись на свет. Наире достался жесткий мужской характер, а Самвел по натуре был мягким и нерешительным. Иначе почему он столько времени не мог определиться с кладбищем? Ну точно как женщина, которая платье выбирает. Да и в семейной жизни Самвел мог кричать, возмущаться, стучать кулаком по столу, «дэлат вид», как называла это Карина, но всегда поступал так, как уже решила жена. Именно Карина принимала все важные семейные решения, не особо интересуясь мнением супруга. Ставила перед фактом, он «нэмного дэлат вид» и соглашался. Но если Карина научилась этому с годами, пришлось взять на себя ответственность, то Наира была такой по натуре. Ей даже учиться не пришлось. Карина думала, что Тигран всю жизнь боялся свою резкую и требовательную жену. Поэтому и умер быстро и тихо, чтобы она его не реанимировала и не убила сама за доставленное беспокойство.

Карина уже была замужем за Самвелом, когда Наира позволила себе проявить слабость. Всего один-единственный раз. Детей с Тиграном у них не было. Они обошли всех врачей, объездили все монастыри, помолились всем богам, но те остались глухи к просьбе дать наследника. Врачи разводили руками – оба здоровы, видимо, несовместимость. Ни о каких других способах, кроме естественного зачатия, в те годы не знали. И всегда в этих случаях вина ложилась на

женщину. Но с Наирой это не прошло. Тигран хотел развестись – отсутствие детей было железобетонным аргументом для развода. Его не то что никто бы не осудил – только бы поддержали и быстро нашли другую жену. Наира же, несмотря на молодость, никогда бы не смогла снова выйти замуж, потому что не способна была зачать ребенка. Даже если бы Тигран в новом браке не стал отцом, все равно осталась бы виноватой женщина. И ей была бы уготована та же судьба, что и Наире. Про мужское бесплодие тогда знали лишь редкие знахарки, но какая им вера? Бабки, которые плетут невесть что. Наира пришла к Карине и проплакала на кухне весь вечер. Карина, уже беременная Зарой, о чем еще никто не знал, даже Самвел, не могла, не умела найти нужных слов, чтобы успокоить золовку. Так и просидели – Наира плакала, Карина молчала. А уже наутро Наира объявила Тиграну, что, если он хочет ребенка, пусть сам его рождает. Если нужна новая жена, чтобы почувствовать себя мужчиной, – на здоровье, пусть уходит. Наира была вправе решать – они жили в доме, доставшемся ей в наследство от бабушки. Так что Тиграна она могла с легкостью выставить за порог. Как, впрочем, и из московской квартиры, которую купили, продав тот старый дом. Совместно нажитое имущество в браке? Нет, дом бабушки, новая квартира не подлежали разделу. Если бы Тигран хотя бы заикнулся об этом, он бы сгорел на месте, потому что Наира испепелила бы его взглядом. А покойная бабушка помогла.

Тогда, выплавав собственное горе, Наира поставила мужа перед выбором – или он ни словом никогда не заикнется, не попрекнет за то, что не смогла стать матерью, или уходит прямо сейчас куда угодно. Тигран остался и действительно больше никогда не заводил речь о детях. Наира оказалась прекрасной тетей для Зары, за что Карина не переставала ее благодарить. Когда Самвел решил переехать в столицу, Наира поехала следом, продав дом – часть денег ушла на покупку помещения, позже переделанного под салон красоты, а не под овощную лавку, как хотел Самвел. Тут Наира встала на сторону невестки. Пока Карина налаживала работу, набирала клиентов, с Зарой сидела Наира. Зара очень любила тетю, и только с племянницей Наира была всегда ласковой. Наира же дала деньги на свадебное платье Зары, а на рождение Ани подарила племяннице роскошное кольцо с бриллиантами. Карина могла злиться на золовку, ругаться с ней, пить капли после ее визитов, но всегда помнила тот вечер, когда Наира

горько плакала на кухне, поставив крест на возможности стать матерью. Сейчас все по-другому. Можно сделать ЭКО, можно сдать анализы и доказать, что женщина не виновата в бесплодном браке. Но ничего не поделаешь. Их молодость – да, считай, вся жизнь – пришлась на другое время.

Карина закрыла глаза – воспоминания вдруг хлынули через край. Даже перед глазами поплыло. Она варила кофе. Зары в салоне еще не было. В журнале записи отменены. Ани сидела в кресле и возилась с бигудями – ими уже давно никто не пользовался, Карина выдала мешок внучке, и та накручивала волосы кукле.

Карина старалась забыть день родов, но не получалось. Кесарево решили делать в последний момент. И во время операции врач принял решение удалить матку – слишком большая кровопотеря, Карина могла умереть. О том, что она больше не сможет стать матерью, ей сообщили через три дня. Но с ребенком, дочкой, все хорошо.

Карина вернулась домой, не зная, как сказать Самвелу, что у них больше не будет детей. Ни мальчика, ни девочки. Она не знала, как самой принять, что у нее нет матки и, выходит, она не женщина вовсе. Тогда на пороге появилась Наира.

– Если хочешь мальчика, рожай сам! – крикнула она Самвелу. – Оставь Карину в покое. Радуйся, что у тебя есть дочь! А ты, – повернулась она к Карине, – будь счастлива, что жива осталась. Нет у тебя матки – и что? Голова же на плечах есть! Так думай головой!

Тогда они опять сидели на кухне. Карина тихо плакала, а Наира молчала. После того вечера Карина и стала думать головой – как переехать, как открыть свое дело, дать дочери образование, выдать замуж, позаботиться о том, чтобы у Зары все было. Теперь вот счастье – Ани, не девочка, а чудо. Карина стала бабушкой. Может, ради этого и жила?

Самвел во всем слушал жену, оказавшуюся и риелтором, и бизнесменом, и мудрой свекровью, и, наконец, самой лучшей бабушкой на свете. Ани – его радость. Сердце сжималось, когда внучка его обнимала и целовала. В последние недели Самвел чувствовал себя виноватым перед женой, дочерью и внучкой – устроил им дополнительные хлопоты. Но успокаивал себя тем, что Ани еще ничего не понимает, а Зара погружена в материнство. Для нее Ани на первом месте, как и должно быть. А Карина отходчивая. Покричит и

перестанет. Но, может, не стоило все-таки умирать? Только как иначе? Он так хотел вернуться домой, хотя бы ненадолго. Повидаться с друзьями, зайти в дом, в котором вырос. Походить по двору. Посидеть на кровати в спальне матери или в кресле-качалке, стоявшем во дворе. Но Карина наотрез отказывалась возвращаться и тем более жить в доме свекрови, которая невестку не любила, а едва терпела. Так и не приняла. Не смогла смириться с ее сильным характером. Чувствовала, что Карина не позволит собой руководить и принимать за себя решения. Две сильные женщины не смогли договориться, хотя могли бы. Так бывает.

Да, Самвел придумал себе болезнь, от которой скоро умрет. Убедил в этом Карину и Зару. Если честно, он иногда сам верил в болезнь и смерть. Так вошел в роль, что забывал выйти. Чувствовал, как стучит сердце, будто бешеный игрушечный заяц бьет по барабану – такая игрушка была в его детстве. Или цыпленок, который бежит по полу, если его завести. Ани очень любила эту игрушку. Самвел заводил цыпленка и слушал, как игрушечные лапы стучат по паркету. Сердце Самвела стучало так же громко и уж слишком часто. По ночам он просыпался в поту, вставал, переодевал футболку. Наверное, нельзя было прикрываться болезнью. Карина всегда говорила, что это грех. Не можешь или не хочешь куда-то идти – не ври, что заболел. Точно накликаешь и сляжешь. Получается, накликал? Самвел гнал от себя эти мысли. Но ему и вправду было тяжело смотреть на жену и дочь, которые о нем беспокоились. Зачем он их заставил нервничать? Ради того, чтобы еще раз оказаться дома? Да, получается так. Каждый день он хотел признаться Карине, что не болен, нет никакого диагноза, просто устал – от всего сразу. И от жизни в столице, и от бесконечных забот с салоном. От тревог за дочь и внучку. Ему просто хотелось вернуться в Тбилиси – продышаться, пить вино и кофе, есть, когда уже съел столько, что вздохнуть не можешь, посидеть во дворе. Съездить в горы, наконец, как в молодости. Он хотел убедиться, что его одноклассники такие же старые и седые, как и он. Такие же немножко нездоровые, но еще крепкие. Хотелось спеть с ними. Интересно, Карина помнит, что он в молодости хорошо пел? Помнит, что именно голосом ее покорил во время очередного застолья? Помнит, конечно же, не могла забыть. Сколько он не пел? Лет тридцать точно. Сейчас, когда Карины не было и он сидел с Ани, то тихо напевал ей старые

песни. Ани слушала и улыбалась. Хлопала в ладоши. Подбегала и целовала бабушку. Почему не делал это открыто? Кто знает? Не стеснялся, нет. Просто думал, что Карина сочтет его сумасшедшим, опять скажет что-нибудь колкое. Когда Господь раздавал дары, точно что-то перепутал, раз дал ей такой язык. Разве женщина может шутить как мужчина? Разве может иметь язык как кактус – что ни слово, то уколёт. Не сильно, но так больно, что зудеть, напоминать будет еще несколько дней. Карина сильно изменилась. Но Самвел восхищался своей супругой. Он бы так не смог. Никогда. Мама его предупреждала, что с такой женой он не будет хозяином в своей семье, но он и не хотел. Если Карина лучше его знает, как решить проблему, если думает как мужчина, почему он должен возражать? Это ведь счастье, что ему досталась умная жена, которая делает вид, что не она главная, а он. Самвел в очередной раз поклялся самому себе рассказать всю правду Карине. Она уже все знала, конечно. Но он хотел объяснить, рассказать, что чувствует. Только бы дождаться удобного момента. Однако в их семье все моменты были неудобными. Каждый день что-то случалось. Теперь вот с Наирой.

Карина опять переложила ватные палочки из одной банки в другую, как делала всегда, когда нервничала. Помыла расчески, расставила лаки, шампуни, чтобы было удобно. Скрутила провода фенов, флешек. Поймала себя на мысли, что она скручивала аккуратно, змейкой, а Зара наматывала кое-как. Провела ревизию запасов, составила список для следующего заказа. Работа ее всегда успокаивала, особенно монотонная. Позволяла подумать, все взвесить. Занятые руки помогали поставить на место голову. Карина давно поняла, что ее муж не умирает, только делает вид. Но зачем ему захотелось выдумать поминки? Разве ему не хватает внимания? Разве она о нем не заботится? Если ему вдруг так захотелось поехать в Тбилиси, почему просто не сказать? Она бы запланировала отпуск. Что творится у него в голове, раз он решил заставить всех нервничать? Карина хотела сесть, поговорить с мужем, но всегда что-то мешало. Как и сейчас. Наира. Только еще с ней не хватало проблем. И почему Зара не в салоне? Почему ее телефон оказался у Наире? И что, в конце концов, произошло?

Карина отбросила ватные палочки и набрала номер золовки.

– Наира, у тебя сердце есть? Ты что себе думаешь? – закричала она.

– Мама, это я. Уже еду. Не волнуйся, все хорошо, – ответила Зара.

– Зара, почему ты не Наира? Я кому звоню? – опешила Карина.

– У нас одинаковые телефоны. Перепутали. Я взяла тети Наиры.

– Что там у вас происходит? У меня нервы всё! Никаких нет! – воскликнула Карина.

– Мама, приеду – расскажу. Свари мне кофе, пожалуйста.

– Ты просила меня заранее сварить кофе, когда сообщила, что беременна Ани. Сейчас я что должна думать, пока варю кофе? – ахнула Карина.

– Я не беременна.

– Зачем ты мне сейчас это сказала? Можно я бы думала, что снова стану бабушкой, а не о том, что случилось с Наирой?

– Мама, успокойся, ничего с ней не случилось, – сказала Зара и отключилась.

– Ани, детка, вот что мне теперь думать? – обратилась Карина к внучке, добравшейся до лаков, расставленных на полочке. Она успела покрасить стол, стул, себя и присматривалась к стенам. – Сейчас приедет твоя мать и сделает твоей бабушке инфаркт, вот что я думаю. Давай ты отдашь мне этот лак, а? Возьми сушку. Нет, возьми еще вот тот лак. Нарисуй на стене солнышко! Вот сколько я говорила твоему дедушке, что пора здесь делать ремонт! Не слышал. Вот пусть приедет и увидит, что пора. Лучше бы делом занялся, чем думать, какие он хочет поминки. Рисуй, рисуй. Может, твой дедушка сначала ремонт сделает, а потом уже вернется к своей репетиции. Да, так ему и скажу! Какая ты у меня умница.

Когда приехала Зара, Ани успела раскрасить лаками всю комнату, предназначенную для маникюра и педикюра. Карина стояла рядом и не мешала внучке.

– Мама! Ани! Что вы делаете? – ахнула Зара.

– Готовимся к ремонту, – спокойно ответила Карина. – Если твой отец решил репетировать собственные похороны, почему мы не может порепетировать ремонт? Да, моя сладкая? Теперь дедушка Самвел точно скажет, что пора ремонт делать. Какая у меня будет радость! Заодно это кресло выбросим. Ну невозможно в него садиться! Когда взрослая женщина приходит, я каждый раз боюсь, что она упадет на

шейку бедра. А ты знаешь, что шейка бедра – это все! Надо пониже кресло поставить. Давай покрасим стены и сделаем итальянский штукатур. Так красиво! Я видела картинки.

– Мама, ты тоже с ума сошла? Какой ремонт? У нас папа умирает! – закричала Зара.

– Перестань кричать. Твой кофе на кухне, иди выпей. Если мой муж умирает, это не значит, что мне не надо думать о ремонте и клиентках, которым должно быть удобно? Самвел умрет, а клиенты останутся. Так что я сейчас о них хочу думать. О твоём отце больше не могу.

– Мама, ну что ты такое говоришь? – возмутилась Зара.

– Я столько лет с ним живу! Что хочу, то и говорю. Он обо мне подумал, когда все это устраивал? Нет! Он подумал о моем сердце и нервах? Нет. Он даже о своей сестре не подумал! Все было хорошо – Наира приходила, мы ругались, потом я ей брови делала. А сейчас где она? Уже три дня прошло, а мы ни разу не поругались! Твой отец – эгоист! Участок он себе выбрать не может. Вот ему участок! Как говорили раньше в школе? Зона полезного действия! Пусть мне на стены итальянский штукатур сделает, а потом новый костюм на похороны просит! Поминки он хочет в ресторане? Пусть кресло сюда новое купит, а на те деньги, что останутся, я ему поминки и устрою. Интересно, тетя Люсине еще работает? Вот у тети Люсине и отметим.

– Мам, тетя Люсине печет торты и пирожные, – напомнила Зара.

– Вот и отлично! Мне всегда нравились ее шу. Самые вкусные во всем городе. И наполеон она очень хорошо делает. Не мокрый, а хрустящий. Не люблю мокрый. Почему сейчас все мокрый пекут, а? Откуда такой рецепт взяли? Кто им сказал, что это вкусно? Вот стол пластмассовый во двор вынесем, стулья, тетя Люсине наполеон испечет, шу. Очень хорошие поминки будут. Все! Я так сказала! – объявила Карина.

А когда она произносила: «Все! Я так сказала!», это означало только одно – никакая сила в мире не заставит ее передумать. И Самвелу придется отложить поминки до тех пор, пока Карина не объявит, что ремонт окончен и он может быть свободен.

– Мама, ну какой наполеон, какие шу? – воскликнула Зара. – Какой ремонт? Это же месяца на два.

– Ну, если твой отец решил умереть пораньше, пусть поторопится, – хмыкнула Карина. – И разве я могла запретить Ани рисовать? А вдруг у нее талант? Вдруг она художник?

– Мама! Она совсем маленький ребенок! Какой талант?

– Смотри, как она красиво цвета смешала... – Карина показала на стену. Зара застонала – мать явно с ума сошла. – Зарочка, как хорошо, что ты Ани оставила, – продолжала Карина. – Эта девочка за одно утро сделала то, что я за год не смогла! Очень талантливая у меня внучка растет. Ты не знаешь, когда твой отец в салон придет? Или лучше сфотографируй, какие гениальные рисунки у Ани, и отправь ему. Пусть тоже порадуется.

– Или у него случится инфаркт раньше времени, – заметила Зара, забирая у дочери лаки для ногтей.

Ани возмущенно закричала.

– Да, лишай ребенка творчества, давай! – хмыкнула Карина.

– У тети Наиры роман! – объявила Зара, устав от попыток лишить Ани творчества.

Карина застыла.

– Что у нее? – переспросила Карина, надеясь, что ослышалась.

– Зачем так говоришь? У меня не роман, а любовь! – В дверях появилась Наира. – Отдай мне телефон!

– Да, тетя Наира, вот. Ваш Гиви... нет, я не читала вашу переписку, случайно на глаза попалось! – испуганно залепетала Зара. – Это так романтично!

– Гиви так хорошо пишет, что я не могу ему отказать, – улыбнулась радостно Наира.

– Наира, я тебя в последний раз такой довольной видела, когда я ногу сломала. Нет, когда я шею продула и не могла голову повернуть. Скажи мне, что происходит, чтобы я знала и была готова! – взмолилась Карина.

– Карина, дорогая, зачем ты такая нервная? – как могла ласково проговорила Наира. – И вовсе я не была довольна! Очень за тебя переживала! Ты же мне как сестра! Зачем плохое на меня наговариваешь? Ани, детка, это ты нарисовала? Очень красиво! Не надо делать ремонт! Пусть останутся рисунки на память. Зара, скажи, что это сейчас модно! Карина, ты как Анджелина Джоли! Она свадебное платье расписала ладошками детей!

– А после этого развелась, – заметила Зара.

– Какая разница? Карина, только не думай делать ремонт! У тебя уже есть уникальный дизайн! А Ани такая талантливая девочка. Прямо как ты, Карина! Внучка вся в тебя пошла! Ты же тоже краску смешиваешь, как художник! – воскликнула восторженно Наира, что ей тоже было несвойственно. Даже Зара застыла в недоумении.

– Я давно хотела ремонт, – призналась Карина, – сейчас не знаю, чего хочу, раз Самвел хочет умереть. Думала, вдруг он займется ремонтом и забудет про умереть?

– Я тебе скажу, чего ты хочешь! – закричала Наира. – Моей свадьбы!

– Да, дорогая, но ты пока не выбрала жениха... Наверняка Самвел подберет тебе достойных вдовцов...

– Ох, ты сама веришь в то, что говоришь? Зачем мне Самвел? Решил умереть и испортить всем жизнь, при чем тут я? Каких вдовцов он мне подберет? Да я про их личную жизнь знаю больше, чем нужно! И про их простатиты и артриты тоже. А чего не знаю, тут же расскажут. Тетя Нина первая в очереди будет со сплетнями. Зачем мне эти знания? Нет, спасибо! – воскликнула Наира. – Я сдала билеты, никуда не еду!

В салон начали приходить клиентки, поговорить удавалось урывками. Из этих обрывков разговоров Карина узнала, что Наира встретила мужчину, который мог заменить ей Тиграна. Очень приличный мужчина. Познакомились в тот день, когда Наира вышла гулять в парк с Ани. В первый и последний раз за все время, если что. До этого с Ани всегда гулял Самвел. Там, в парке, Наира и познакомилась с Гиви. Он тоже был родом из Тбилиси. Жили в одном районе до того, как переехали в Москву.

– Гиви тоже гулял с коляской? – уточнила Карина.

– Зачем? Он вдовец, просто гулял. И я привлекла его внимание. Карина, ты хоть помнишь, как надо это делать? Бери Ани, иди в парк и репетируй! Когда мой дорогой брат умрет, тебе пригодится! Смотри, идешь красиво, медленно, вот так бедрами туда-сюда делаешь. И улыбаешься! Белку увидела – улыбаешься, солнце выглянуло – улыбаешься. Можешь еще букет листьев собрать и красиво их держать. Давай сегодня же пойдешь гулять с Ани и репетировать.

– Наира, я сегодня не могу – полная запись. А как же тот вариант, который на поминках? – воскликнула Карина.

– О, кому несколько вариантов когда помешали? Я свободная женщина! Гиви сказал, что искал меня всю жизнь! – гордо заметила Наира.

– Наира, я за тебя рада, просто счастлива, но вы же так мало знакомы. Что ты знаешь об этом Гиви? И спросить не у кого, – забеспокоилась Карина.

– О, я не хочу о нем никого спрашивать! Хочу сама узнавать! Это так увлекательно и волнительно! А то ты не знаешь! Только познакомилась с кем-то, а тебе уже все доложили – с кем до тебя был, кого бросил, чем болел в детстве, какая семья. И решили, что он тебе не пара. Сама хочу решать, наконец. Я уже взрослая женщина! – объявила Наира.

– Да, дорогая, но сейчас столько мошенников развелось, – заметила Карина. – Все-таки, когда знаешь человека, так спокойнее.

– А может, я хочу, чтобы было беспокойно? Может, я хочу страсти, страданий? – рассмеялась Наира. – Не волнуйся, он оказался приличным человеком. Я приготовила ачму – ты ведь знаешь, как я делаю ачму. Никто такую не умеет, даже ты. Оджахури сделала. Гиви все так понравилось! Так ел, что мне нравилось на него смотреть! А если нравится смотреть, как ест мужчина, значит, это уже чувства.

– Подожди, тыпустила незнакомого мужчину в свою квартиру? – ахнула Карина.

– Почему незнакомого? Почему так плохо обо мне думаешь? Разве я не разумная женщина? Сначала мы в ресторан ходили, два раза. Гиви был очень щедрый, очень внимательный. Розы подарил, тост красивый сказал. Только вчера он остался у меня.

– У него нет своей квартиры? – уточнила с ужасом Карина.

– Почему нет? Есть. Трехкомнатная, – удивилась Наира.

– Тогда зачем он к тебе пришел? – не понимала Карина.

– Затем, что я должна знать, что могу в любой момент сказать мужчине «уходи». Или ты хочешь, чтобы он меня за порог выставил? И мне хотелось посмотреть, как он ест. Это главная проверка, я так тебе скажу. Зара, запомни, когда тебе перестанет нравиться, как ест твой Георгий, считай, что любовь прошла.

– Да, тетя Наира, – послушно кивнула Зара и закатила глаза. Какая ей разница, как ест ее Георгий? Ей бы Ани отлепить от печенья и пирожных. Опять убежала на кухню и вернулась с набитым ртом. Зара чуть не плакала, когда некоторые клиентки рассказывали, что их маленькие дети ели сырую морковку и с удовольствием грызли сельдерей. На завтрак ели овсянку, а от сосисок с картошкой воротили нос. Конфеты, печенье предлагаешь, а они отказываются. Зара не знала, верить в это или нет. А вдруг и вправду существуют такие дети?

– Карина, что ты застыла? И сделай уже счастливое лицо! Разве ты за меня не рада? – воскликнула Наира.

– Да, конечно, очень рада. Просто волнуюсь. А вдруг этот Гиви тот, кто за счет женщин живет? – размышляла вслух Карина.

– Альфонс, – подсказала Зара.

– Вот, вдруг он не Гиви, а альфонс? – воскликнула Карина.

– Дорогая, ты забываешь, сколько мне лет. Ну что, я альфонса от Гиви не отличу? И что с меня взять? Все принадлежит тебе и Самвелу! Я же просто бедная родственница, – рассмеялась Наира. Карина в тот момент ей даже позавидовала. У золовки горели глаза, появилась нежность в голосе. Она верила, что жизнь продолжается. Даже не продолжается, а только начинается!

– Наира, прошу тебя, скажи сама своему брату, что не едешь репетировать его поминки, – попросила Карина.

– Ой, он даже не заметит, что меня нет, – отмахнулась Наира. – Ты же помнишь поговорку – мужчине жена нужна здоровая, а сестра богатая. Если я выйду замуж за Гиви, Самвелу не придется меня содержать. Пусть покупает себе дорогое место на кладбище, какое захочет!

– Наира, а Гиви уже предложил тебе выйти замуж? – уточнила Карина. У нее не получилось скрыть зависть в голосе, и золовка опять расплылась в счастливой улыбке.

– Поверь мне, если бы Зара не ворвалась ко мне, я уже была бы невестой! – объявила Наира.

– Пойду сварю себе кофе, – сказала Карина, – что-то у меня плохо с головой. И с нервами. И с сердцем тоже. Можно я уже умру, а вы сами хороните себя, выходите замуж. Что хотите делайте. А я на вас сверху посмотрю и пожелаю счастья. Наира! Что мне сказать твоему брату? Что сказать родственникам?

– Софе обязательно скажи, что я уже вышла замуж, – ответила серьезно Наира. – Пусть завидует. Она всегда считала, что мой Тигран мне на голову упал и я не заслуживаю такого счастья. И если бы не Тигран, я бы осталась старой девой. Пусть знает, что мне еще Гиви на голову упал для полного счастья. А Нине ничего не говори. Она умрет от любопытства. Очень хочу ее помучить. Нина же, если чего-то не знает, с ума сходит, всех расспросит. Вот пусть не знает, давно хотела ей отомстить. Ей потом Софа расскажет про мое замужество, а Нина уже всему городу сообщит – вообще не умеет молчать женщина. Такая разговорчивая, что сейчас я рада – она болтает как наша Ани, вообще рот не закрывается.

– Наира, за что ты хотела отомстить Нине? – ахнула Карина. – Я ничего не знаю! Скажи, чтобы я хотя бы подготовилась! Лицо отрепетировала, когда с Ниной столкнусь на поминках. Ох, я уже не знаю, какое лицо мне нужно. Если репетиция поминок, то обязательно плакать, да? Или можно чуть-чуть улыбаться? Твой брат не понимает, что я уже тоже немного взрослая женщина. Если расплачусь, совсем плохо буду выглядеть. Глаза опухнут, лицо поплывет. А если надо будет после поминок в гости пойти, зачем я без глаз? Некрасиво!

– У тебя есть маска для сна? – строго спросила Наира.

– Есть, а что? Зара подарила. Только я забываю ее надевать, – ответила Карина.

– Вот и хорошо, что забываешь. Я вот днем прилегла, маску надела – и что?

– Что? – ахнула Карина.

– До позднего вечера след от лямки на лице был, вот что! Я уж подумала, что новая морщина появилась, а потом сравнила – точно след от маски! Так и пришлось идти в ресторан. Весь вечер левой стороной к Гиви поворачивалась, чтобы он не увидел. Знаешь, как тяжело мне было? Я ведь справа считаюсь удачной, а слева – не очень.

– Ох, у меня тоже точно след останется, – ахнула Карина. – Я прививку поставила, синяк на руке неделю не проходил. Самвел мне допрос устроил – кто меня так крепко обнял, что след оставил? Я ему говорю: дорогой, какая тебе разница, если ты умирать собрался? Зачем вдруг ревность показываешь? Когда я была молодой, не показывал, а тут вдруг скандал закатил. Я ему уже и справку из поликлиники с датой, когда прививка сделана, предъявила, все равно не верит. Наира,

скажи, зачем мне твой брат решил нервы устроить, а? Такой был хороший муж, такой понятливый, а тут вдруг подменили! Может, ему не надо поминки репетировать? Если он сейчас такой психический, что дальше будет?

– Ой, дорогая, я не знаю, что тебе делать – свое лицо репетировать или поминки моего любимого брата. Я сейчас ничего не знаю. Просто хочу быть со своим Гиви, понимаешь? Это ведь судьба, что я пошла гулять с Ани и встретила его.

– Да, точно судьба. Ты ведь раньше с коляской не гуляла, – заметила с нежностью в голосе Карина, – не хотела, чтобы тебя считали бабушкой.

– Ну я же не думала, что с коляской окажусь привлекательнее! Иначе бы Ани жила в парке! – воскликнула Наира. – Мой Гиви... Он полюбил Ани всем сердцем. С первого взгляда. Собрал для нее букет из опавших листьев. На самом деле, для меня. Это было так... ты же помнишь... Тигран мог подарить сто роз или гвоздики, которые ни в одно ведро не помещались... Если чувствовал себя виноватым, сразу дарил золото. А зачем мне сейчас оно? Зара говорит, что такое уже не в моде. И у меня пальцы распухли, не могу носить. Да и зачем носить кольцо, которое Тигран подарил, когда очень далеко ушел налево, а потом передумал и вернулся? Думал, я его прощу. Да, простила, но разве забыла? Он давно на том свете, а я помню. И кольцо то носить не могу. Там такие бриллианты, что он очень сильно был виноват. Наверное, хотел меня бросить. Зачем мне сейчас сто роз и бриллианты? Мне это уже совсем неприятно. Знаешь, как я радовалась, когда Гиви собрал букет из листьев! Слушай, искал непременно красные. По кустам ползал. Такой букет получился, я чуть не плакала. Зачем мне розы? Мне хочется с Гиви опавшие листья собирать. По парку с ним гулять. Он такой умный. Знает все растения, цветы, так интересно рассказывает. Я не только на свидание сходила, еще и на экскурсию. В нашем возрасте это очень полезно – узнавать новое, память тренировать. У Гиви такая память, что я восхищаюсь. Он с виду не такой, как Тигран. Тот был высокий, стройный, интересный мужчина. А Гиви – он тихий, нежный, неприметный. Но если открывает рот, я в кролика превращаюсь. Он ну точно удав. А я стою и слушаю. И все женщины тоже. Как только Гиви начинает говорить, все замолкают. Все становятся кроликами. Карина, я так тебе

скажу. Мужчина должен быть не львом, а удавом. Когда мой дорогой брат умрет, найди себе удава.

– Наира, я рада, что ты счастлива. Ты так красиво рассказываешь про Гиви. Пусть у вас все будет хорошо. Я сама скажу Самвелу, что ты не поедешь на его репетицию. Лучше идите с Гиви в парк, и пусть он собирает тебе букет из опавших листьев, – искренне пожелала Карина, едва сдерживая слезы. – Но скажи, почему ты так не любишь Нину? Как я должна на нее смотреть?

– Я люблю Нину, просто не понимаю, зачем она это сделала. Надеюсь, что не со зла, просто язык очень длинный. Рассказала моему Тиграну, что я с Рустамом на свидание ходила. Хотя и свидания никакого не было. Ты же знаешь, мы с Рустамом с детства знакомы, родители наши дружили, ну мы были как брат и сестра. Но разве людям что докажешь, если решили языки распустить? Тигран тогда от меня отказался. Ну вроде как свою честь показал, что он такой гордый. На самом деле не хотел, конечно, бросать, – ответила Наира.

– Это когда было? Лет пятьдесят назад? – Карина начала массировать виски – голова нестерпимо болела.

– Какая разница? Если бы не Нина, я бы вышла замуж за Тиграна на год раньше. А так мне пришлось ждать. Она украла у меня целый год жизни! Ты не представляешь, как я тогда страдала. Думала, умру от позора. Это сейчас в нашем возрасте год – ничто, уснул и проснулся, а когда ты молодая и еще все вокруг тебе в уши льют, что пора замуж, что опоздаешь... Сама знаешь, как это бывает. Вот я тогда целый год как оплеванная ходила. Все соседки сплетничали, как меня Тигран не хочет замуж брать и почему именно не хочет. Такие причины сочиняли, что лучше бы книги писали – я бы почитала. Ну эти, фантасты! Придумывали такое, что я даже смеяться устала, только удивлялась, откуда у людей столько злости и желчи. Не понимала, зачем они на мне упражняются. Я-то им что плохого сделала? Ничего. Наивная дурочка, ровесница их дочерей. Зачем они про меня так? А если про их дочерей такие же небылицы начнут сочинять, они как себя почувствуют? Хорошо им будет? Те, кто языками чесал, подумали о том, как мои родители страдали? Нет. А зачем? Самое ужасное в сплетнях то, что их услышат родители, дети, друзья. Прежде чем открыть рот, сто раз подумай об этом, я так считаю. Иначе слезы матери, которая слышит разговоры за своей спиной, будут на твоей

совести. И не важно, поверила она или нет. Но проплакала несколько вечеров. Как моя мама. А отец так мне и не поверил, и я ему долго не могла это простить. Он считал, раз я дала повод, значит, уже виновата. В чем? Что сходила с другом детства, считай с братом, в кафе? Смеялась, пила вино, танцевала? В этом была виновата? Почему он допустил мысль, что я могла вести себя неподобающе? Разве я давала повод усомниться? Разве хоть когда-то обманула? Нет. Мама плакала, отец молчал.

Уже и Рустам с Тиграном разговаривал, и невесту свою приводил, сто раз сказал, что я для него как сестра, а кто женится на сестре? Тигран верил, но сплетни уже во рты назад не засунешь. Ему тоже тяжело было. Вот и ждал год, когда на кого-нибудь другого соседки переключатся и от нас отстанут. Вроде бы и бросить меня не мог, потому что пообещал моим родителям, что женится. Слово нарушить не имел права – я его невестой давно считалась. И все равно бросил, чтобы честь свою защитить. Чтобы его тряпкой не назвали. Моим родителям он, конечно, все объяснил, поклялся, что все равно на мне женится. А остальное так, для соседок. Я ему всегда была благодарна за терпение. Если бы он на мне не женился, я бы точно замуж не вышла. Кому нужна девушка, которую жених бросил, да еще и сплетни за ней, как фата, тянутся? Может, он и любил меня, не знаю. А может, и нет, только хотел и слово сдержать, и собственную репутацию не опорочить. Или потому, что родители давно за нас все решили, даже в каком доме мы будем жить. Для всех был очень выгодный брак. Мне в приданое – дом и машина, родители Тиграна – тоже люди небедные. Все пришлось продать, когда мы в Москву переезжали. Я никогда не спрашивала, что Тигран чувствовал на самом деле. Сейчас бы спросила, конечно.

Мы с ним были еще слишком молодые, ничего про жизнь не понимали. Зачем нас поженили? А вдруг бы мы не стали мужем и женой, если бы не родственники, которые заставили это сделать? Если бы не обязательства перед семьями? А вдруг бы я нашла другого мужа, а Тигран – другую жену? Почему нас приговорили друг к другу? Тигран мне нравился, он всем нравился, но я его не любила. Не понимала, как это – любить. Замуж, да, очень хотела. Потому что так положено. А Тигран? Он всегда хотел большую семью, много детей. А вышло так, что я его подвела. Его мечта не исполнилась. Значит, не

была я ему по судьбе предназначена. И он мне. Чего уж говорить, вспоминать... Но я хотя бы сейчас имею право на счастье. Свое собственное. Не по чьему-то желанию или решению. Гиви меня понимает, чувствует. У него нет своих внуков, поэтому он сразу полюбил Ани. Так с ней играет... Рассказывает про листочки, цветочки. Она слушает. Тигран никогда бы не стал так делать. Он считал, что дети – занятие для женщин. Он любил племянников, племянниц, но на расстоянии. А Гиви спрашивает, когда мы Ани заберем – погулять в парке, поиграть. Он хочет быть настоящим дедушкой. Чтобы Ани его узнавала, тянулась к нему, смеялась, когда он показывает ей дурацкие фокусы или когда собирает пирамидку. Когда кубики падают, Ани хлопает в ладоши. Гиви не знает, то ли плакать, то ли смеяться. Он так старался эту пирамиду выстроить. Я тоже с ним то смеюсь, то плачу. Он нежный, заботливый, чуткий. Понимаешь, я хочу провести дни, которые мне остались, с Гиви. Хочу, чтобы он меня обнимал, спрашивал, как я себя чувствую, беспокоился. Тигран был хорошим мужем, но он ни разу не спросил, как я себя чувствую. Всегда сам был на первом месте. А с Гиви все по-другому. Я не знаю, как поговорить с Самвелом. Как сказать, что я счастлива? Он не поймет. Сейчас я хочу остаться в Москве и жить без всяких репетиций поминок, похорон. Я хочу свадьбу, если честно. И венчаться в церкви – Гиви предложил. Чтобы и на том свете вместе прожить те годы, что на этом свете не успели.

Карина расплакалась. Зара тоже утирала слезы.

– Разве тетя Нина не замужем за Рустамом? – уточнила Карина, у которой голова шла кругом в прямом смысле слова. Подступила дурнота, тошнило. Еще и слезы душили. Она пыталась поддержать разговор, а заодно вспомнить, куда положила тонометр – точно давление скачет.

– Да, была. Потом развелись. Рустам не мог с ней жить. Терпел, но не выдержал. А кто бы смог? Я его понимаю. Нина – злая женщина, совсем недобрая. Только делает вид, когда ей надо. Карина, Карина, что с тобой? Ох, боже мой...

Карина не помнила, как упала в обморок. Не помнила, как ее перенесли в машину скорой помощи и отвезли в больницу. Все было будто во сне. Перед глазами всплывали картинки из прошлого. Как ее

свекровь, которую увозили на скорой, говорила ей: «Доведешь ты моего мальчика. Самвел раньше тебя умрет. Плохая из тебя жена. Не заботливая. Только о работе и думаешь. Должна за мужем стоять, а тебе надо перед ним себя показать. Сердце мое чувствует – загонишь ты моего сына в могилу. Другую жену я для него хотела. Так и знай». Получалось, свекровь была права – Самвел собрался умирать раньше, хотя и был на двенадцать лет старше Карины. А свекровь умерла в больнице, не пережив операцию. Получалось, те слова стали для Карины будто проклятием. Она тогда отмахнулась, сделала вид, что ничего не слышала, заставила себя поверить, что свекровь – просто больная женщина, поэтому сама не понимает, что говорит. Но, может, Карина и вправду была плохой женой? Действительно, думала в первую очередь, как заработать, как семью прокормить, как квартиру купить, дочь обеспечить. Все всегда на ней – и переезды, и важные решения, и салон этот. Самвел – хороший исполнитель, но он никогда ни к чему не стремился, не был амбициозным. Так бы и жил в доме матери, лишь бы его не трогали. Свекровь была права – это Карине все время было что-то надо. Образование для дочери, теперь – садик и школа для внучки. Дать им лучшее, другую жизнь, о которой она сама и мечтать не могла. Карина хотела, чтобы Зара вышла замуж по любви и тогда, когда сама захочет и будет готова. Чтобы за спиной не галдели родственники, не шушукались сплетницы. В столице это было возможно, в их городе – нет.

Карина какими-то обрывками вспоминала свадьбу дочери. Она отчего-то боялась, что жених, Георгий, в последний момент откажется жениться. Почему? Ну всякое могло случиться. Карина готовилась к худшему. Так ее жизнь научила – быть готовой, если все пойдет не так. Наверное, поэтому она тщательно следила за документами, которые хранила в одной большой папке – чтобы все доверенности, паспорта, права на собственность в одном месте. Рядом с папкой лежал старый, потертый кошелек, куда она складывала наличные деньги. Так, на всякий случай. Небольшая сумма, но позволит продержаться некоторое время. О том кошельке даже Самвел не знал. Карина откладывала, сколько получалось – иногда три тысячи, иногда десять. Она не могла избавиться от страха, что в один момент можно потерять все и придется начинать сначала. Самвел никогда не думал про финансовую подушку безопасности. Карина знала, что сможет

выжить, если что. Если что... Сколько она себя помнила, страх всегда присутствовал в ее жизни. И сиюминутный, бытовой – вдруг не сможет купить мяса на суп, вдруг не успеет приготовить ужин? И инстинктивный, можно сказать, утробный, – вдруг Зара не сможет забеременеть и родить ребенка, вдруг ребенок родится раньше срока и на всю жизнь останется больным?

Страхи были небезосновательными. Нателла, дочка соседней, родила ребенка раньше срока. Семимесячного. Муж поехал в горы, а она увязалась следом. Вбила себе в голову, что муж загуляет, изменит. Все родные твердили, что пусть что хочет делает, только ей не надо никуда ехать. Доносить и родить ребенка – вот главная задача. О себе надо думать, а не о том, в какую сторону муж пойдет. Вот родит, потом и разберется, если захочет. Но Нателла не послушалась. Дорога оказалась тяжелой. Неожиданно начались схватки. Муж едва успел довести ее до местной то ли больницы, то ли травмпункта – сарая на несколько коек, с врачом, отвечавшим и за переломы, и за роды. Ребенка чудом удалось спасти. Поскольку это был первый случай в истории поселка, когда ребенок, рожденный на таком раннем сроке и с таким низким весом, не умер, о нем сообщила местная пресса. Потом новость подхватили городские газеты. И новорожденного вывезли в городской перинатальный центр, для чего были организованы целый вертолет и медицинская бригада. Ребенка выносили торжественно, в присутствии представителей прессы и фотографов, вручили белый, перетянутый синими лентами конверт – подарок мэрии – родителям. После съемки конверт забрали, завернув ребенка в старые пеленки и одеяла. А про остальное врачи предупредить или забыли, или не посчитали нужным. Ребенка требовалось выхаживать, сделать еще как минимум две операции, перевести на особое кормление, потом учить есть, говорить, дышать и так далее. Список был бесконечным. Нателла глубоко ушла в религию, считая себя во всем виноватой и каждый день вымаливая прощение. Потом, потеряв веру в чудо исцеления, отреклась от бога и решила заняться ребенком – логопеды, консультации со специалистами, нужные и ненужные операции. Муж терпел сколько мог, но не выдержал. Нателла была только рада разводу – она могла сосредоточиться на сыне, не отвлекаясь на мужа.

Сына – ему долго не могли подобрать имя, да и боялись, ведь ребенок находился на грани жизни и смерти, – Нателла назвала Ильей.

Ни в чью честь, ни в память никаких предков. Илюша рос, в чем-то развивался быстрее сверстников, во многом отставал. Нателла всю свою жизнь подчинила потребностям сына. Только она его не полюбила, так и не смогла. А еще винила во всем уже бывшего мужа, придумав свою версию тех событий. Мол, это он заставил ее ехать в горы, не хотел остаться дома и провести праздники спокойно. И он всегда ей изменял, хотел развестись, да и ребенок ему был не нужен. А после развода обрек ее на ту жизнь, которую она теперь вела, замкнутая только на сыне, забывшая про себя. Кому она нужна с больным ребенком на руках? Никому. А то, что муж по-прежнему их обеспечивает, оплачивает всех врачей, все занятия, а не ограничивается алиментами, так это он свою вину так искупает. Сам-то наверняка уже другую женщину завел.

Когда бывший супруг действительно нашел другую женщину, женился и в их семье появился совершенно здоровый мальчик, Нателла чуть с ума не сошла от обиды, ярости, негодования. Она записывала Илью на новые занятия, консультации с врачами в других городах, требуя, чтобы бывший супруг все оплатил. Не потому, что думала о сыне и его здоровье. Она хотела, чтобы новой жене и новорожденному ребенку досталось меньше денег. Чтобы бывший муж сходил с ума, думая, где еще заработать на содержание двух семей.

– Ничего, пусть покрутится, – твердила она, когда даже близкие говорили ей, что она перегибает палку.

Когда очередной врач, увидев список занятий, которые посещал Илюша, перечень анализов, операций, говорил, что надо остановиться и передохнуть, дать ребенку оправиться, Нателла больше не ходила к этому врачу. А тех, что советовали новые схемы дорогостоящего лечения, новые занятия, которые стоили немало, Нателла слушалась и немедленно начинала верить во все, что они предлагали.

Она сошла с ума, так все считали. И все говорили, что сына Нателла не любит, считает его больным, неудачным. Но ей нравилось, что ею восторгаются – в поликлиниках, в больницах. Мол, какая она великая мать. Всю себя отдала сыну. Да еще и воспитывает в одиночку. В больницах Нателле особенно нравилось лежать – там можно было рассказать любую версию, и соседки по палате округляли от ужаса глаза и немедленно начинали ею восхищаться. Бывший муж

однозначно считался сволочью и гадом. А Нателла – героиней. Ей нравилось чувствовать себя таковой, и она находила у Илюши все новые и новые болезни и отклонения. Таскала его по врачам и больницам. Сейчас бы любой внимательный врач сказал, что лечить надо не ребенка, а мать, и поставил бы диагноз «синдром Мюнхгаузена». Но в те времена о таком даже не знали. Находились внимательные врачи, которые пытались переубедить Нателлу, говоря, что с Илюшей уже все хорошо. Пусть живет спокойно, развивается, играет, гуляет как обычные дети. Но она им не хотела верить и шла к другим. И всегда находился тот, кто назначал дополнительные обследования, препараты, процедуры.

С чего вдруг Карина вспомнила про Нателлу, находясь в каком-то дурном сне? В подобных состояниях все внутренние страхи вылезают наружу. Карина в том же то ли забытье, то ли кошмаре думала о том, что Георгий может развестись с Зарой. Или изменит ей, и она об этом узнает. И что тогда делать? Зара не простит. Карина воспитала дочь свободной и независимой. Не компромиссной, не всепрощающей. Зара подаст на развод, не думая о будущем, не просчитывая. Не простит никогда предательства. А может, стоило научить ее хотя бы иногда взвешивать потери – что ты получишь от развода, а что приобретешь? И научить ее прощать близких, когда они не правы, когда предали, когда не поддержали. Не хранить обиду в сердце много лет.

У Карины никогда не было страха, что она сама может остаться без работы, одинокой, бессильной. Знала, что справится. Не сегодня, так завтра точно. В себе была уверена, но в близких... она не всегда могла их защитить и уберечь. Наверное, именно поэтому так и не сумела сесть за руль. Машину водить умела, права получила, ей даже нравились скорость и ощущение себя за рулем. Но, как она объясняла Самвелу, «я знаю, что все делаю правильно, но не могу отвечать за других; я не врежусь, но в меня – могут».

– Тогда страховая выплатит нам деньги. Машину починят, – отвечал Самвел.

Карина качала головой – муж не понимал ее беспокойства. Он был исполнителем. Знал, что надо делать, если что случится. Предпринимал конкретные шаги. Самвел очень ее поддерживал, грех жаловаться. Ремонт в салоне – сам красил стены, плитку клал. Комары замучили – Самвел тут же сетку на все окна повесил. Что-то

сломалось, потекло – он быстро исправит, сантехник и слесарь не понадобятся. Отвезти Зару или Ани – всегда готов. Самвел оказался хорошим мужем, Карина была ему за это благодарна. Любила ли она его? Сложно сказать. Она, как и Наира, когда выходила замуж, не знала, что такое любовь. Просто очень хотела замуж. Заботилась о муже как могла, чтобы угодить свекрови. Хотела, чтобы он был счастлив, лишь бы свекровь была довольна. Да, в ее жизни не случился Гиви, с которым Наира поняла, что такое настоящая любовь. Но ей грех жаловаться на судьбу. Хорошую жизнь прожила. Главное, дочь счастлива.

Зара вышла замуж и, кажется, они с Георгием и вправду любили друг друга. Так что одним страхом меньше. Появилась Ани... Да, было тяжело – Зара лежала на сохранении во время беременности, пришлось делать кесарево, но все обошлось. Ани – счастье, радость. Зачем Самвел решил умирать, если у него есть внучка? Кто хочет умереть, когда есть внуки, ради которых нужно жить? А она? Должна бросить салон, работу, уехать, спустить деньги на билеты и застолье, чтобы порадовать мужа? Почему нельзя порадовать Ани новым платьем? Или потратить деньги, которые Самвел, как оказалось, откладывал на собственные похороны, на новую машину для Зары? Пусть сама ездит, о чем давно мечтает. Зачем копить гробовые, когда можно потратить их на жизнь? Какая Самвелу разница, в каком гробу или банке он будет лежать? В плацкарте или в семейном захоронении? А вот Ани важно быть красивой на утреннике в детском саду. Заре удобнее возить дочь на хорошей машине на занятия, куда угодно. Тот участок, который выбрал Самвел... Лола звонила Карине и кричала в трубку, что даже квартиры в центре города столько не стоят. Можно взять дешевле и не хуже. Зачем платить за пусть и известных соседей? Они что, на том свете регалиями будут мериться?

Карина ничего не знала про новый участок и не понимала, с чего вдруг Самвел решил потратиться на «будку», как она это называла, в колумбарии, а не на что-то нужное и важное. Каждый вечер хотела поговорить с мужем, но так уставала и так плохо чувствовала себя по вечерам, что откладывала разговор.

Интересно, Самвел станет на нее злиться, что она сорвала его репетицию? Врачи в больнице говорили, что перелеты и волнения для нее сейчас крайне нежелательны. Счастье, что только обморок, а не

инсульт или инфаркт, учитывая возраст. Получалось, что она тоже не сможет лететь репетировать похороны мужа. И это Самвел еще не знал про родную сестру, которая решила гулять в парке и собирать кленовые листья с новым возлюбленным, а не лететь на поминки.

– Мама, ты как? – В палате появилась заплаканная Зара. Георгий держал букет цветов.

– Все хорошо, я не помню, что случилось, – призналась Карина. – А с кем Ани?

– Как – с кем? С нами, конечно! Что ты решила устроить? Испортить мне нервы? Ох, всегда так делала! Вот, пей, я тебе нормальный кофе сварила. – В палату ворвалась Наира, выгружая на тумбочку помимо термоса с кофе еще гору контейнеров с едой. Ани побежала к бабушке и залезла на кровать, как делала это всегда. На пороге палаты с букетом стоял Гиви.

– Ох, что вы застыли? – возмутилась Наира. – Гиви, дорогой, это мой зять Георгий. Георгий, это мой дорогой Гиви.

Мужчины пожали друг другу руки.

– А где Самвел? Он улетел? Сегодня должен был... – вспомнила Карина. – Он выбрал себе место, где хочет лежать? Мы все здесь... как он отрепетирует поминки? Как вас всех сюда пустили?

– Ох, дорогая, давай ты сейчас о себе немножко подумаешь! – воскликнула Наира. – Ты нас так напугала! Какое счастье, что здесь работает Жорик. Сын тети Варсеник, которая вышла замуж за Резо. Ты помнишь? Нет? Тетя Варсеник – наша родственница по отцу. Жорик, ты представляешь, он давно уехал в Москву, у него двое детей – Софа и Малхаз, здесь его называют Миша.

– Не помню, – призналась Карина.

– Жорик! Из Батуми! Ну как ты можешь не помнить тетю Варсеник! – возмутилась Наира.

– Варсеник я помню. Очень хорошая женщина, добрая и приятная, – сказала Карина.

– Да, маму все вспоминают добрым словом. – На пороге появился еще один мужчина.

– Ох, дорогой, какое счастье, что мы к тебе попали! – Наира бросилась обнимать врача.

– Вообще-то я травматолог, из другого отделения, – признался тот.

– Какая разница? Ты сегодня ел? Конечно, нет. Вот, поешь, что тетя Наира тебе приготовила. Твоя жена тебя кормит? – Наира открывала контейнеры и выдавала их неожиданно обретенному дальнему родственнику-врачу. Тот послушно ел.

– Ну, наш мальчик, – восхищенно комментировала Наира, – так вкусно ест! Мне так приятно! Гиви, дорогой, ты видишь, как мальчик ест, будто его никто не кормит. Жорик, ты должен меня познакомить со своей женой! Я научу ее готовить так, чтобы тебе было вкусно! Вот, возьми, это детям. – Наира выдала врачу здоровенный контейнер с домашним печеньем. – Дорогой, только скажи, что Карина не умирает!

– Она не умирает, – ответил Жорик, пытаясь прожевать очередной кусок пирога, который подложила ему на тарелку Наира.

– Ох, как хорошо, – всплеснула руками Наира, – мне одного умирающего брата достаточно для нервов. Не хватало еще невестки. Хотя это в стиле Карины – всех перепугать.

– Тетя Наира, ну что вы такое говорите! Мама же не специально! Она тоже перенервничала из-за папы, – встала на защиту матери Зара.

– Да, мой Самвел с детства умел всем нервы делать, – подтвердила Наира. – Жорик, дядя Самвел, мой младший брат, муж Карины, тебе он, получается, тоже родственник.

– А что с ним? Какой диагноз? – спросил строго, как врач, Жорик.

– Ох, никто не знает. Кажется, что-то с головой. Умом тронулся, в общем, – отмахнулась Наира. – Понимаешь, объявил всем, что неизлечимо болен и теперь подбирает себе место на кладбище и репетирует поминки.

– Так он улетел или нет? Зара, ты знаешь, где твой отец? – спросила обеспокоенно Карина.

– Я ему звонила, он не ответил. Телефон отключен, – ответила Зара. – Я о тебе беспокоилась, поэтому папе не перезванивала.

– Значит, точно улетел. В самолете ведь надо отключать телефоны, – заявила Наира.

– Пусть не возвращается с репетиции. Хочет – пусть умирает как хочет и лежит где хочет. Раз бросил меня сейчас, – тихо сказала Карина. – Зара, если твой отец хочет дорогое место на кладбище, а не машину тебе в подарок – я не буду спорить. Если себе новый костюм требует на один вечер, чтобы его сжечь, а не новое платье для Ани, что я могу поделаться? Прости меня, дочка. – Карина заплакала.

– Бабушка, не плачь, – пролепетала малышка Ани. – У меня есть платье. Вот какое красивое. – Она показала на свое платье.

Тут, не сдержавшись, заплакала Зара.

– Какой-то костюм на один вечер? – воскликнула Наира. – Мой брат точно с ума сошел! Карина, что ты позволяешь своему мужу? Нам с Ани очень нужны новые платья! Или моему брату некуда деньги девать? Так скажи ему, чтобы мне отдал, я знаю куда!

– Наира, сама ему скажи, – сказала, вытирая слезы, Карина. – У меня больше сил нет.

– А есть какое-то заключение врачей? Результаты анализов? Я могу показать коллеге, может, он что-то подскажет? – предложил Жорик.

– Дорогой, какое счастье, что мы тебя встретили! Вот, съешь еще печенье, – залепетала Наира. – Ты так похож на свою мать. Варсеник такая душевная была женщина, такая добрая. Даже сплетничать с ней было неинтересно. Только хорошее обо всех говорила.

– Нет заключения и анализов тоже. Потому что Самвел придумал себе болезнь, – призналась Карина. – Не пойму, зачем ему это понадобилось? Хотел в Тбилиси съездить, так кто против? Почему спектакль устроил, а?

Все замолчали, не зная, что сказать.

– Я позвоню Аркаше, узнаю, прилетел папа или нет, – наконец сказала Зара.

– А я позвоню Лоле, – объявила Наира, – если мой брат решил репетировать без нас, я его сама убью, клянусь! У меня свадьба скоро! Его похороны сейчас совсем не вовремя!

– Свадьба? – подал голос Гиви.

– Да, дорогой, свадьба! – подтвердила Наира.

– С кем? – уточнил аккуратно Гиви.

– Гиви, мой дорогой, ну, конечно же, не с тем вдовцом, которого Самвел пригласил для меня на свои поминки!

– Ты ничего не говорила про вдовца, – заметил Гиви.

– Карина, ты видишь, как я счастлива! Мой Гиви меня ревнует! – воскликнула Наира и кинулась обнимать Гиви.

– Конечно, я ревную! – воскликнул тот. – Почему я не знаю, что у тебя свадьба? Почему не сказала? Я для тебя что – репетиция какая-то?

– Гиви! Сейчас говорю – мы с тобой женимся. Или ты не хочешь? – Наира в тот момент держала в руках нож, которым собиралась порезать домашний торт, и выглядела очень убедительно.

– Да, дорогая, конечно, хочу! Очень! – поспешно ответил Гиви.

– Тогда что ты тут делаешь? Почему я до сих пор не вижу на своем пальце кольцо, а? – возмутилась Наира.

– Да, я уже бегу! – сказал с облегчением Гиви.

– Я помогу. В смысле, выбрать, – включился в разговор Георгий, который тоже мечтал побыстрее сбежать, пока женщины не приступили к активным действиям, то есть обзванивать родственников и рассказывать им, как именно они собираются убить Самвела за то, что тот решил очень не вовремя умереть и бросил жену в больнице.

– Э... тетя Наира... спасибо, очень вкусно. У меня сейчас обход. Тетя Карина, я к вам позже зайду, – воспользовавшись ситуацией сказал Жорик и выскользнул из палаты.

– Какой умный мальчик. Такой деликатный! – восхитилась Наира.

– Наира, я совсем не помню Варсеник, – призналась Карина.

– Дорогая, я ее тоже не помню, но какая разница? Главное, что здесь работает Жорик, он о тебе позаботится. Все, Зара, поехали выбирать мне свадебное платье! Или вы не слышали, что я выхожу замуж?

– Тетя Наира, а как же папа? – ахнула Зара.

– Самвел может подождать, а платье и свадьба нет! – рявкнула Наира. – Или мне тебе объяснять, что нужно поскорее выйти замуж, пока жених не образумился? Или пока его родные не заставили его передумать. У моего Гиви, учитывая его возраст, много родных, которые не будут рады его новой жене.

– Да, я готова, поехали, – согласилась Зара. – Георгий, потом погуляй с Ани.

– Гиви, ты тоже займись ребенком, – поддакнула Наира. Оба мужчины стояли около урны на выходе из больницы и курили. Они дружно кивнули, решив не спорить. Нет, Георгий открыл рот, чтобы, видимо, сообщить о других планах на день, но Зара так на него посмотрела, что он тут же решил планы изменить.

– А мне что делать? – спросила Карина у Ани, которая доедала печенье и тянулась к торту.

– Как что? Ищи своего мужа! На кладбище, или в крематории, или в ресторане, – ответила Наира, вернувшаяся в палату. – Представляешь, я свою палку забыла! Вообще себя от счастья не помню! А моему брату передай – если он поставит день своих похорон на мою свадьбу, я его заранее убью, чтобы уже ничто не мешало моему счастью! Он и в детстве так делал. Только я соберусь на свидание, как Самвел заболел, и я с ним сидела! Специально, да! Так скажи ему, что я не буду сидеть за его столом на поминках, потому что буду сидеть за своим столом, на собственной свадьбе!

– Не хочу я его искать, – обиженно заявила Карина, – почему он меня не ищет в больнице, а? Все нашли, даже Жорик нашел, а он нет! Только о себе думает! Может, я тут уже умерла, а ему и дела нет! Какой он там себе участок подобрал? Так я первая его займу, назло Самвелу! Пусть он ждет своей очереди, если очень хочет, а потом пристраивается. На клумбу в этом, как его... где тех, кто захотел прахом лежать, у него есть деньги, а на машину для Зары нет. Наира, прошу, позвони Лоле, узнай, успел твой брат купить ту клумбу, где знаменитые соседи... Тогда и меня сожги! Я всем соседям сообщу, как Самвел себя повел, сколько мне сделал нервов! Из банки, или в чем там хоронят прах, всем расскажу про его поведение! Как он меня бросил умирать в больнице!

– Мама, ты не умираешь! – возмутилась Зара, тоже влетевшая в палату. – Тетя Наира, ну вы где застряли? Я вас жду, жду...

– Только твой отец об этом не знает, – хмыкнула Карина. – И если он сейчас сам не умрет, я ему каждый день буду напоминать о том, как он меня бросил. О, два раза в день буду напоминать! Нет, три! Как мог улететь без меня, без нас? Наверное, уже в ресторане сидит и репетирует!

– Мама, Аркаша пишет, что он не регистрировал папу на рейс. А Лола пишет, что его никто в городе не видел, – сообщила Зара, глядя в гудящий от сообщений телефон.

– Тем хуже для него! – воскликнула Карина. – Что, он меня в Москве найти не может? Если не улетел, где он? Почему не здесь?

– Здесь я, здесь. Пионы твои любимые искал. – В дверях палаты появился дядя Самвел. За его спиной стоял Жорик.

– Ты мне их на кладбище хотел принести, да? – расплакалась Карина. – Жорик, скажи моему мужу, что я была на грани жизни и

смерти!

Врач повел головой так, что было не понятно, то ли да, то ли нет, скорее, возможно.

– Уходи, видеть тебя не хочу! Улетай на свои поминки! – кричала Карина. – Только пионы оставь! Я сначала лягу красиво, положу на себя цветы и только потом умру. И ты будешь знать, что я умерла под твоими пионами, которые ты так поздно принес!

– Карина, что мне сделать, чтобы ты меня простила? – воскликнул Самвел.

– Ничего! Поздно! Для тебя я уже умерла! – объявила Карина.

Дальше были шум, гам, крики, слезы. Медсестры прибегали проверить, все ли в порядке, но Жорик отвечал, что нормально – семья очень переживает, только и всего. А то, что убить друг друга обещают, так это нормально. Два раза убить, а потом еще ножом зарезать, так тоже в порядке вещей. Кто там умирает? Муж с женой, причем соревнуются, кто первый. Никто не хочет уступать. Что за крики из телефонов – так на громкую связь пришлось поставить, чтобы родственники поучаствовали. Без родственников никак. Они место на кладбище почти выкупили. Вот, решают, для кого. Жена хочет первой занять, чтобы мужу меньше места досталось. Почему так вкусно пахнет? Так обед. Пирог, мясо, все как положено. Да, зайти можно, если не боитесь, что вас не выпустят. Почему? Потому что заставят есть.

К вечеру в палате Карины были накрыты столы, кажется, на все отделение. Наира с Зарой так и не доехали до свадебного салона за платьем, зато доехали до кухни, на которой Наира приготовила еды на всю больницу и ближайшие дома заодно. Зара только успевала упаковывать. В палату забегали медсестры и оставались, слушая мудрые советы Наире. Следом тянулись пациенты с жалобами на бессонницу, давление и рези в животе – и немедленно от всего излечивались. Гиви успел купить кольцо и сделал Наире предложение. Тут уже пришлось подключать новых родственников, которые или кричали, или лежали в обмороке. Но они быстро поняли, что не могут соревноваться в криках и обмороках с семьей Наире, поэтому тоже приехали в больницу для знакомства. Естественно, с собственным угощением. В какой-то момент, кажется, когда в палату решили

пригласить священника из грузинской церкви, чтобы заодно устроить крестины Ани, Жорика вызвал главный врач.

– Что у вас там происходит? – строго спросил он.

Жорик уже попрощался с работой:

– Родственники, – ответил он честно.

– Ты их хотя бы знал до этого? – уточнил главврач.

– Нет, – признался Жорик.

– Понимаю, – кивнул главврач.

Жорик удивленно замер, не зная, что сказать.

– У меня жена грузинка, – пояснил главврач. – Пожалуйста, пусть твои родственники здесь свадьбу не устраивают. Я уже сказал заведующему терапией, твою... эээ... тетю... выпишут утром. Просто проследи, чтобы никто не упал в обморок от счастья.

– Хорошо, все сделаю, – кивнул Жорик, готовый сам упасть в обморок от счастья, что его не увольняют.

Жорик стал крестным отцом Ани и, получается, не дальним родственником, а близким. Теперь уже Карина и Наира звонили жене Жорика Лиле по любому поводу.

Про то, как устроили помолвку Наиры и Гиви, а заодно знакомство семьи с Жориком, Лилей и их детьми, лучше не вспоминать. Но все закончилось хорошо для Наиры с Гиви, но вряд ли родственники, закрученные в водоворот новой семьи, с ними бы согласились. Впрочем, возможно, они тоже были рады. Если вдруг на тебя падают дети, имена которых нужно не только выучить, но еще и провести с ними время, приходится тренировать память и терпение. А если прибавить к этому имена невесток, зятьев и других родственников... Самвел на каждом семейном застолье повторял, что это его заслуга – он вовремя решил умереть. Карина каждый раз возражала – это ее заслуга, это она умирала и оказалась в больнице! Каждый спрашивал у Жорика – кто прав? Жорик кивал так, что было непонятно – да или нет. Как-то по диагонали. Чтобы никому не было обидно.

Своя дорога

Макс свернул направо и понял, что заблудился. Опять. Естественно, ни одного указателя на стенах. Он вернулся к переходу, который казался ему знакомым, и свернул налево. Прошел по узкому коридору и уперся в дверь. Поскольку ему уже было все равно, а на двери не было никакой запрещающей или разрешающей вывески, он толкнул ее и оказался в крошечном дворике. Под ногами хрустел гравий – мелкая крошка цвета кофе с молоком. Вдруг очень захотелось кофе. И от яичницы бы не отказался. Живот скрутило от голода. Особенно здесь, на свежем воздухе. Он сделал несколько шагов по дворику, не в силах отказать себе в удовольствии услышать хруст. Как с упаковочной бумагой в пупырышках – невозможно сопротивляться желанию. Привезли телевизор, обмотанный защитной пленкой. Макс стоял и щелкал, как в детстве. Точно так же у него бывало с лужами. Хотел наступить, хоть краем ботинка, чтобы проверить глубину.

Сейчас он ходил по гравию, стараясь ступать то осторожно, то с нажимом, и даже подпрыгнул, выбив из-под ног несколько камушков. Удовлетворившись, дошел до края дворика и опять уткнулся в стену. За ней – резкий и головокружительный обрыв. Макс вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, которому квартира кажется огромной – целых две комнаты, которые не перебежать, не перескочить, не проползти по-пластунски.

Перед ним было поле, по которому разметались дома, опушка леса, аккуратный ров, речка и снова дома. Все казалось бескрайним, гипертрофированным. Даже этот вид, открывавшийся из дворика, и тот казался «уж слишком». Слишком прекрасным, удивительным, режущим не только глаз, но и душу.

Макс усилием воли заставил себя вернуться в здание продолжить разгадывать хитроумный архитектурный квест, придуманный монахами несколько веков назад и поддержанный их преемниками. О капитальном ремонте и перестройке келий, учитывая современные реалии и требования к комфорту постояльцев, здесь явно не слышали. Многочисленные коридоры, закоулки, ниши и арки, тупики и сквозные переходы. Невозможно было пройти одной дорогой дважды и,

запомнив, вернуться тем же путем. От приступа паники и раздражения спасал только вид, открывавшийся из каждого окна, из вот такого же дворика, как этот, из каждой выбоины в стене. Макс вдруг понял, чем монастырь отличается от тюрьмы – воздухом и светом. Здесь повсюду были воздух и свет. Даже в комнате, в вестибюле. Воздух был под крышей, тянулся по полу, шуршал занавесками, давая возможность свету бить сквозными яркими лучами.

Макс был профессором, пусть и молодым, но весьма востребованным. Он любил ездить с лекциями. Считал себя опытным, немного уставшим от бесконечных переездов и перелетов путешественником. В свободное время обходил местные достопримечательности, отделяясь от общей группы.

Никогда раньше с ним такого не было. Гостиница пятизвездочная, как он и просил. Но номер не превосходил ожидания размерами или убранством – напротив, оказался крошечным и узким. Бывшая келья. Уборная и ванная находились на этаже, а не в номере. Как в общежитии, где он провел студенческие годы, впрочем, с поправкой на исторический фактор. Общежитие располагалась в здании, построенном в семидесятых годах, не знавшем ремонта, но монастырь семнадцатого века, ставший гостиницей, все же вызывал другие чувства.

Впрочем, сейчас все шло не так, как он привык. Начиная с первого дня. Макс свободно владел тремя языками, еще на двух мог объясниться на бытовом уровне. Знал правила чтения еще двух языков и мог по контексту догадаться, о чем идет речь. Но, отпустив такси, которое доставило его до гостиницы (на фасаде красовались звезды, все пять), у него не получилось попасть внутрь. Ни звонка, ни молоточка. Никакого скрытого ящика с ключом, никаких инструкций. Он даже поискал под кадиками с цветами. Макс постучал кулаком. Потом ногой. Никто не открывал. Он поднял голову и увидел прямо над собой статую святого, будто зависшего между колоннами. Святой держал в руках книгу. При этом смотрел не строго, а игриво. Голову святого венчала корона. Не нимб, не колпак, а вполне себе женская корона. Никакой надписи, которая могла бы сообщить имя святого, естественно, не было.

Макс продолжал стучать, и наконец распахнулось – нет, не сама дверь, а крошечное окошечко. Он такое только в кино видел. Окошко должно было служить декоративным элементом, учитывая, что речь

шла о гостинице, тем более пятизвездочной – в таких гостей не принято встречать через окно.

– Здравствуйте, откройте дверь, пожалуйста, у меня здесь забронирован номер, – сказал Макс тому, кто стоял за дверью. Эту фразу он повторил на всех трех прекрасно известных ему языках и даже попытался что-то сказать еще на двух, которыми владел не в совершенстве. Но женщина – а за дверью стояла именно женщина – дверь открывать не собиралась.

Когда он уже принял решение вернуться в аэропорт и улететь ближайшим рейсом, дверь распахнулась. На пороге стоял парень в офисном костюме и по-английски извинился за ожидание. Он отлучился буквально на пару минут, а эта женщина – его мама, зашедшая принести сыну поздний ужин. Макс любезно согласился простить маму, которая смотрела на него с подозрением и обидой – этот иностранец оторвал ее мальчика от ужина. Теперь ребенок точно останется голодным. Макс поставил чемодан в фойе, отдал паспорт и спросил у менеджера гостиницы, где находится туалет.

– Направо, вниз по лестнице, увидите большую картину на стене, поверните налево, – объяснил дорогу парень.

Макс отправился искать уборную. Спустился, картину увидел, повернул и тут же оказался в темном коридоре. Хоть глаз выколи, такая темень. Он попрыгал на месте, рассчитывая, что зажгутся лампы, реагирующие на движение, но ничего не произошло. Вернулся и понял, что заблудился, – ни картины, ни лестницы. Еще минут десять ходил по темным коридорам, рассчитывая случайно наткнуться на обслуживающий персонал или на жильцов. Ему хотелось вернуться на ресепшен. Но в туалет хотелось еще больше. Когда после очередного поворота сначала налево, потом направо он уперся в закрытую дверь, ему стало по-настоящему плохо. Как в третьем классе, когда он описался в лифте. И чувство облегчения было сильнее, чем ощущение позора. На его счастье, он увидел лестницу, точнее сначала почувствовал дуновение свежего воздуха и пошел на ветер, туда, откуда веяло прохладой. И оказался в маленьком дворике. Тут Макс с облегчением спрятался за аккуратным кустарником, и ему было все равно – находится дворик под видеонаблюдением или нет, выходят ли окна номеров во двор и для чего вообще предназначен этот дворик.

Назад он шел долго. Кружил, как ему казалось, на одном месте. Подумывал о том, чтобы ставить метки – чертить монеткой на стене, покрытой лишь штукатуркой, палочки или крестики. На ресепшене он добрался через шестнадцать минут – следил по часам. Парень мирно ужинал под присмотром мамы – она сидела напротив и смотрела, как ест ее сын. Макс подумал, что это самое важное дело для мам – смотреть, как ест ребенок.

Парень оторвался от трапезы – мама опять недовольно посмотрела на Макса, как если бы он был приятелем сына, который не вовремя позвал его играть в футбол. Макс получил ключ от номера и новые инструкции.

– Мы находимся на третьем этаже, – начал объяснять парень, рисуя на бумаге схему.

– Третьем? Почему на третьем? – уточнил Макс. Он бывал в разных местах, но ни разу не попадал в гостиницу, где первый этаж считался бы третьим.

Парень не ответил. А его мама хмыкнула – иностранцы попадаютя весьма неумные, а говоря откровенно, просто глупые.

– Вы пройдете библиотеку – это такая комната, где лежат книги, там увидите лифт. Но он вам не нужен. Вы должны повернуть направо, и там будет другой лифт. На нем вы спуститесь на второй этаж. И найдете ваш номер, – о, у вас замечательный номер! Там прекрасный вид из окна, – инструктировал его парень.

Макс поблагодарил, взял бумажку-схему и пошел искать библиотеку. Нашел маленькую комнатку со столом, диванчиком и двумя креслами, скромным шкафчиком и огромным окном во всю стену. Невольно поддался порыву и выглянул в окно – это было что-то невероятное. Вид не просто завораживал – пригвождал гостя к месту, не давая возможности сдвинуться. Так можно было стоять вечно. Облака неслись слева направо, ветер дул в лицо, внизу горели огни. Где-то далеко бил колокол. Идти искать лифт, который не нужен, имея перед глазами такую немыслимую красоту, было решительно невозможно.

Впрочем, лифт и не находился. Макс сверялся с нарисованной картой, но похожего коридора не видел. В очередной раз, проходя по коридору, наткнулся на комнату горничных и кладовку. Обнаружил чудесную комнату отдыха – креслице и аккуратное бюро. И даже

картинную галерею – вывешенные на стене картины для продажи. Макс разглядел все работы и поразился стоимости – очень дорого. Он опять захотел в туалет и, подстегиваемый организмом, принялся искать лифт. Удивительно, но лифт нашелся сразу же, прямо перед его глазами, в нише. Макс спустился на второй этаж – лифт на двух языках сообщил ему, что сейчас он закроет двери, спустит на второй этаж, откроет двери и вот, пожалуйста, второй этаж, как просили. Но в коридоре ни справа, ни слева не было нужного номера – другая нумерация. Макс вернулся на лифте на третий этаж и добрался до библиотеки. И уже оттуда, сверяясь с картой, двинулся снова.

Да, он попал в номер, оказавшийся единственным в этом закутке. Можно сказать, у него был персональный лифт и собственный этаж. Огромные окна, стены, украшенные гобеленами, и номер – крохотулечный. При этом удивительный – там была сохранена старая кирпичная кладка. Стояла отреставрированная мебель. Именно поэтому этот номер стоил так дорого – его не переделывали, не перестраивали в угоду туристам. Келья оставалась кельей. Зато в открытое настежь окно рвались виды – старая церковь, поля, горы. Невероятные запахи трав и цветов, особенно пронзительные по вечерам. Ванная на этаже, отделанная камнем, оказалась большой, с современной душевой кабиной, но неуютной. Из нее хотелось побыстрее выйти. Жесткий душ, льющийся потоком сверху, с потолка, вгонял в кожу иголки. Убавить напор не получалось.

Макс всегда плохо спал в отелях, обкладывался книгами, пультом от телевизора, планшетом. Здесь он не помнил, как заснул. Проснулся, когда будильник прозвонил семь. И через секунду в окно ворвался звон колокола. Было только одно чувство после пробуждения – нестерпимо хотелось есть.

В поездках Макс всегда был для всех проводником, ориентировался на местности, едва взглянув на карту. Именно он первым находил короткую дорогу от гостиницы, центральной площади, вокзала до нужного места. И только сейчас понял, каково это – испытывать фобию путешественника, оказавшегося в незнакомом месте. Или человека, который не мог ориентироваться ни по картам, ни по навигаторам. Такое тоже часто встречается.

Он не мог заблудиться в отеле. Это просто невозможно – ведь прошел его вдоль и поперек. Но страх не отступал – боялся

заблудиться. Как ребенок, которого в гостях оставили в дальней комнате, велели вести себя прилично, и ему очень страшно выйти и дойти до туалета. Или найти маму, которая не похожа на себя – такая нарядная, красивая и совсем чужая. И сама комната, в которой он должен тихо сидеть, листать книжки или рисовать, – тоже страшная. Вдруг нахлынули все страхи детства. Он отчетливо вспомнил, как мама потеряла его в магазине, а потом сказала, что он сам виноват – не стоял в условленном месте. Она пообещала купить ириски «Кис-кис», намертво прилипавшие к зубам и оттого особенно вкусные. Забыв об обещании, пошла покупать готовые наборы еды в кулинарии – Макс их терпеть не мог. Но мама много работала и научила его вываливать на сковороду содержимое – котлету, зеленый горошек, пюре. Он стоял и смотрел, как пюре превращается в жижу, горошек расплзается по сковороде. Котлеты так и оставались замороженными, сколько их ни подогревай. Сверху горячие, а внутри – разве что лед на зубах не скрипел. Они были несъедобными. Слишком много лука, который Макс ненавидел до приступа тошноты. Лук хрустел на зубах.

Макс знал, как дойти от кулинарии до дома, не боялся оставаться один, но там, в магазине, ему вдруг стало по-настоящему страшно. Его отталкивали от столов, на которых раскладывали уже купленные продукты, двигали ближе к двери, ругались, что колбаса столько стоит, курицу в соседнем магазине так и не «выкинули». Макс отчаянно ждал, что его позовут по громкой связи. Он слышал это на вокзале, в большом детском магазине. Строгий женский голос объявлял, что «Мишу Иванова мама ждет у фонтана» или «Миша Иванов, подойди к справочному бюро, тебя ждет мама». Но Макс так и не дождался подобного объявления. Мама нашла его сама и тут же отвесила подзатыльник.

– Ты обещала. – Он показал на пакет с ирисками, которые достал с полки.

– Надо было стоять, где я тебе велела. – Мама вырвала из его рук пакет. Пакет разорвался, и ириски рассыпались по полу. Макс кинулся собирать.

– Ты невыносимый ребенок, – сказала мать, глядя, как он ползает по полу. – С тобой невозможно...

Что конкретно невозможно, Макс так и не узнал. Наверное, всё: жить, есть, готовить для него еду, заботиться о нем.

– Проклятие на мою голову, – добавила мать. Она не причитала, не восклицала, просто сообщала сведения, как случившийся факт.

В детстве она иногда, вернувшись из гостей, веселая, пьяная, дурная, называла его Максимкой или Максюткой с явно звучащим в голосе презрением. Поэтому, когда он вырос, представлялся именно Максом, не оставляя никаких шансов на уменьшительно-ласкательные варианты. В институте он влюбился в Иру – однокурсницу. У них было все серьезно. До такой степени, что она познакомила его со своими родителями. Папа был профессором, а мама... Она назвала его Максимкой. Кажется, была слегка навеселе. Интонация была в точности как у его матери. Макс расстался с Ирой сразу же после того вечера. Она не могла понять, что случилось. А он не мог объяснить, что все дело в ее маме, назвавшей его Максимкой. Слегка пьяным голосом, с интонацией, выражавшей презрение. Потом была Света, которая называла его полным именем – Максим, не соглашаясь на сокращенное Макс. И была Рита, коллега, которая называла его исключительно Максом. Новый роман закончился не из-за Риты, как считала Света, а из-за имени. Если бы он попытался это объяснить, никто бы не понял. Рита, впрочем, скоро переключилась на какого-то Алекса, то есть Александра, Сашку. Видимо, у нее тоже был пунктик, связанный с именами.

Когда Макс начал преподавать, стал профессором, все сложности исчезли. Его называли «профессор Степанов», он тут же просил: «Пожалуйста, просто Макс». Это было вежливо, даже приветствовалось. Наконец он обрел то имя, которое всегда хотел иметь.

Сделав глубокий вдох, он вышел из номера. Ничего сложного. Вот картина, дальше по коридору туалет. Совсем рядом лифт и, надо же, указатель на выход – зеленая светящаяся табличка над дверью с изображением бегущего человечка. Если выйти, окажешься во дворе. Макс готов был поклясться, что вчера ее не было. Не удержался и свернул – нестерпимо хотелось курить. Привычка, которой он обычно не страдал во время поездок, но для спокойствия держал в кармане пиджака сигареты и зажигалку. Так, как сейчас, ему никогда не хотелось закурить.

Сделав затяжку, обжегшую легкие, он огляделся – дворик был другой, большой. Под ногами не хрустел гравий, а лежала ровно

подстриженная зеленая травка. В дальнем углу, лицом к пропасти, стоял пляжный лежак. Макс прилег на него и закурил, наплевав на собственную репутацию, правила приличия, которые он мог нарушить курением в неположенном месте, и мнение окружающих. Он лежал, смотрел на далекую церковь и не хотел возвращаться, порядком устав от загадок отеля-монастыря. Однако что-то неведомое, дав небольшой передых, вытолкнуло его с лежака и отправило восвояси.

Здесь не было места для праздности. Обстановка требовала соблюдения режима дня, строгого распорядка. Эта же потусторонняя сила подняла его в семь утра и отправила на завтрак. И она же заставила вчера лечь и мгновенно уснуть. Вот и сейчас Макс чувствовал, что должен вернуться, дойти до библиотеки и подготовиться к лекции. Или идти обзирать окрестности. Что-то делать. Не лежать. Двигаться.

Он вернулся в отель и с опаской двинулся мимо картин, то и дело оглядываясь, пересчитывая двери, арки и проемы, стараясь запомнить малейший скол в стене, который мог послужить ориентиром.

Опять долго ходил по кругу, и единственным выходом оказалась дверь, мимо которой он прошел трижды. Макс толкнул ее и оказался в комнате, не предназначенной для праздного шатающихся гостей. Комната от потолка до пола была увешана гобеленами. Он двинулся вдоль стены, гадая, каким веком могут быть датированы эти шедевры – шестнадцатый, семнадцатый? Или это новодел, интерьер, воссозданный, например, после пожара? Ведь наверняка здесь случались пожары, как в любом монастыре. Или разбои. Ограбления, в конце концов. Да мало ли что. Или все это настоящее? И в этом городе действительно жили дети с лицами стариков, старушки и собаки с лицами детей, изображенных на гобеленах? Макс шел вдоль стены, и эти дети с собаками следили за ним взглядом. Почему не было кошек? Ни одной кошки! Почему только собаки – ушастые чудовища с человеческими глазами, яркими губами и внушительными, ярко очерченными бровями? И почему дети такие странные – с кудельками, по-старушечьи поджатыми губами, ввалившимися носами? Это что – фантазия неведомой мастерицы, художника или такие дети действительно жили в этом городе? От гобеленов, которые должны были делать комнату теплой, уютной, веяло могильным холодом, гнавшим случайного гостя вон. Здесь не хотелось оставаться,

разглядывать вышитые на полотнах детали быта, но и уйти было невозможно. Комната затягивала, завораживала, не позволяя свободно дышать.

Макс, задыхаясь, как от астматического приступа, усилием воли заставил себя выйти. Почти бегом пронесся по длинному коридору, проклиная монахов, которые его придумали, и взбежал по лестнице. Ему было все равно, куда она ведет. И когда вдруг оказался на улице, с торца гостиницы, даже не удивился. Лишь напугал внезапным появлением женщину – местную жительницу, неторопливо выкладывавшую содержимое мусорного пакета в три установленных здесь же бака – для стекла, пластика, бумажных и прочих отходов. Макс огляделся и пошел вниз по улице, бессистемно сворачивая в закоулки, не зная, куда идет и куда приведет его дорога. Когда оказался на трассе – обычной, городской, по которой ехали машины и где мигали светофоры, – вздохнул с облегчением. Да, хватит с него квестов, закоулков и гобеленов. Он хочет жить в цивилизации.

Макс двинулся вдоль дороги и остановился лишь потому, что перед ним оказалась церковь. Та самая, которую он видел из окна, – башня, одиноко и грозно высившаяся на пустыре. Трасса внезапно уходила резко влево. Даже шума дороги здесь не было слышно. Макс дошел до церкви, но она оказалась закрыта. Ни одной живой души. Странное сооружение не призывало войти, не обещало приюта и успокоения. Оно изгоняло. Оглянувшись, он понял, что преодолел огромное расстояние. Поверить в то, что видишь собственными глазами, было невозможно – пройти несколько километров за такое короткое время? Хотя сколько прошло? Десять, пятнадцать минут? Макс посмотрел на часы, и ему стало по-настоящему страшно. Час. Он шел ровно час и даже этого не заметил. Город казался небольшим пятном на холме, игрушечным, как и эта церковь, которую он видел из окна своего номера. Вблизи же она была большой, огромной. Тяжелый, мощный храм, устрашающий своей массивностью. Нависающий над случайным путником. Давящий, прижимающий к земле никчемного, грешного человечка.

Дорога назад была тяжелой. Макс шел долго, ноги болели, тропинка, по которой он решил срезать путь, оказалась круче, чем он предполагал. Нестерпимо хотелось пить. Едва дойдя до стены, опоясывавшей город, Макс кинулся в первую попавшуюся лавчонку,

где мужчина расставлял свои товары – кованых ящериц, чугунные утюги, светильники на бронзовых львиных лапах. То ли китч, рассчитанный на туристов, то ли настоящие находки для ценителей. Не поймешь.

– Воды, простой, – попросил он.

Мужчина продолжал расставлять ящериц.

– Воды! Пожалуйста! – взмолился Макс.

Мужчина аккуратно закончил смотреть своих экспонатов и наконец нехотя выдал из холодильника бутылку воды.

– А что за церковь? Вон там? – поинтересовался Макс, сделав несколько спасительных глотков.

Поскольку мужчина не отвечал, занявшись светильниками, Макс решил, что продавец не понимает по-английски.

– И сигареты. Пожалуйста. – Макс для верности показал на витрину, которую занимали пачки.

И снова продавец проигнорировал просьбу, продолжая любоваться товаром – достаточно уродливым, с точки зрения Макса. Ящерицы отпугивали своим видом, и сложно было представить себе человека, который бы решился купить такую лампу, украшенную грубой мозаикой.

– Вы были в церкви? – спокойно спросил продавец на хорошем английском, неспешно выдавая Максу пачку сигарет.

– Да, а как вы узнали? – удивился тот.

– Не нужно туда ходить. Церковь редко бывает открыта. Только по особым дням, – ответил продавец.

– Почему?

Мужчина пожал плечами и занялся магнитиками и открытками.

– Почему? – чуть не заорал Макс. – И дайте мне еще жвачку.

– Потому что в этот храм не пускают душевнобольных – болезнь усиливается. Никто не знает почему. Но там же изгоняют бесов. Очень хорошо изгоняют. Моему соседу помогли, правда он все равно потом умом тронулся. Но некоторое время было хорошо. Вам туда не надо.

– Я не душевнобольной! – Макс не заметил, как перешел на крик.

– Да, мой сосед тоже кричал, что нормальный. Это мы все сумасшедшие. Как его бедная мать с ним мучилась! Одна надежда у нее оставалась – на эту церковь. Но это же церковь тамплиеров. Говорят, там до сих пор сохранились тайные подземные сооружения,

подвалы, туннели. А что в них – сокровища или скелеты, – никто не знает. Я к базилике стараюсь близко не подходить. У меня же лавка, торговля, покупатели. Мне нельзя рисковать. Вдруг я тоже немножко болен душой? Вдруг с ума сойду, если войду туда? Сосед был немного не в себе, а как мать его туда отвела, так с ума сошел. Точно бесноватый стал. Потом вроде отпустило, – рассказал продавец.

– Если церковь ему помогла, почему вы говорите, что он все равно умом тронулся? – спросил Макс.

– Ну а зачем человеку в здравом уме с крыши сбрасываться? – пожал плечами продавец. – Вот с вашей гостиницы и сбросился.

– Насмерть? – Макс поперхнулся водой.

– Конечно, а как иначе сбрасываются, если не насмерть? – удивился продавец. – Справа на верхнем этаже есть балкон. Он как раз над обрывом нависает. Вид красивый, туристов очень привлекает. Но вы туда не ходите. А если пойдете, к перилам не приближайтесь – вид так завораживает, что сам захочешь вниз упасть, в эту красоту.

– И многие бросались? – уточнил Макс, обалдев от подробностей.

– Нет, не многие. В этом году двое, в прошлом – всего один. Но все списывают на несчастный случай. Уже и перила надстраивали, чтобы были выше, и туристов сто раз предупреждали, ленты заградительные вешали. Но что поделаешь, когда время такое. Туристы ради селфи куда угодно залезут. Вот и туда залезли – красивый кадр сделать. Только последний. Вы же не турист? Селфи делать не будете?

– Не турист, не буду, – пообещал Макс.

– На всякий случай держитесь от церкви подальше, – не посоветовал, а, скорее, попросил продавец. – Такие, как вы, ко мне в лавку часто заходят. И я сразу понимаю – кому можно в ту церковь идти, а кому нельзя. Вам нельзя. Очень вы нервный.

– Я, может, и нервный, но совершенно нормальный! – воскликнул Макс.

– Конечно. Так все говорят. – Мужчина пожал плечами.

Макс вышел из лавки и побрел в сторону гостиницы. Через час – его лекция, а он так и не подготовился. И вообще выбился из рабочего графика. Вот сейчас свернет направо, потом вверх по улице и резко налево. Он всегда блестяще ориентировался на местности, запоминая короткие дороги, переходы, переулки. Всегда этим славился. Так что

сейчас докажет, что он не больной на всю голову. Самому себе докажет!

Да, так и оказалось. Макс, не удержавшись, подпрыгнул от восторга и хлопнул в ладоши. Уже через пять минут он вошел в вестибюль и уверенно направился ко второму лифту мимо библиотеки, спустился по лестнице и приехал на свой этаж. Оказавшись в номере, принял душ и переоделся в свежую одежду. Открыл настежь окно, впуская воздух, и сел за стол поработать. Удивительно, что вай-фай в этом странном отеле работал идеально, просто летал. Макс положил руки на клавиатуру и вздрогнул. В спешке начал расстегивать пуговицы рубашки, потом, не выдержав, сдернул через голову. Пошел в ванную и долго стоял перед огромным зеркалом, не веря собственным глазам.

Да, торговец из лавки был прав – Макс был болен, но не душевной болезнью. Он давно, еще со студенческих времен, мучительно страдал от псориаза. Запястья, локти, шея, подмышки, пах почти всегда были покрыты язвами, которые нестерпимо зудели и уберегали его от случайных командировочных связей. Да и вообще от каких бы то ни было человеческих связей за исключением рабочих. Макс был одинок. Он боялся любой близости. Рукопожатия, которые следовали до и после его лекций, изматывали, заставляли страдать под вежливой улыбкой. Личная жизнь тоже была под вопросом. Некоторые женщины пугались, думая, что это заразно, и сбегали сразу же. Другие его жалели и немедленно начинали считать себя чуть ли не матерью Терезой, собираясь ухаживать за неизлечимо больным. Какие-то связи длились немногим дольше, но рано или поздно всегда находился уважительный повод для расставания. Макс считал, что всему виной его измученное болезнью тело. Под рукавами рубашки, которые были длиннее положенного – из-за этого он покупал их на размер больше, – красные прогалины кожи были не так заметны. Ему приходилось всегда иметь под рукой дорожную косметичку, забитую мазями, кремами, таблетками. Но болезнь отступала лишь на время, давая небольшую передышку, облегчение, чтобы сразить новым сильным приступом. Исхоженные вдоль и поперек кабинеты врачей официальной медицины и целителей, использующих нетрадиционные методы, уже не вселяли надежду на излечение. Один шарлатан за огромные деньги выдвинул нестандартный диагноз: «На вас лежит

проклятие». Макс расхохотался, пообещал подать на псевдоцелителя в суд, но потом задумался – может, и вправду проклятие? Тогда за что? За грехи предков? За род, о котором Макс ничего не знал и знать не хотел?

И вот сейчас он стоял перед зеркалом и видел, как старые пятна, которые въелись в кожу, побледнели, стали почти незаметны. Уже сутки он не чувствовал привычного зуда. А кожа на запястьях, локтевых сгибах, шее, как по волшебству, выглядела абсолютно нормальной. «Так не бывает», – подумал Макс, снова натягивая рубашку. В номере зазвонил телефон:

– Да, – испугался Макс. Он всегда боялся неожиданных звонков.

– Максим Витальевич, мы вас ждем через полчаса в зале для конференций, – прощепетала в трубку девушка-организатор, которая, договариваясь о лекции, переходила грань делового общения и чуть ли не напрашивалась на кофе, чтобы «обсудить все моменты».

– Хорошо, – ответил Макс и положил трубку, хотя девушка продолжала что-то говорить.

Оля? Да, девушку звали Оля. Или Лена? Или Лена. Не симпатичная, даже не миловидная, явно за тридцать. Неулыбчивая, всегда слегка обиженная приблизительно на все – от погоды до работы, которую вынуждена выполнять. Безосновательно надменная и излишне разговорчивая. При этом с идиотской верой в принца, который ее ждет. И в то, что этот принц должен прилично зарабатывать, уметь готовить, иметь квартиру, машину, а она – принцесса – будет приходить после работы домой, есть ужин, который специально для нее приготовил принц, расседлав белого коня. Помимо ужина он не забудет подарить ей свежие розы, потому как прошлый букет уже стоит три дня. Что будет делать она? Класть голову на его плечо, замирая от счастья. Оля-Лена успела поделиться с Максом своими мечтами, давая понять, что вполне видит его в роли того самого долгожданного принца. И он должен быть польщен. Когда Макс не очень вежливо, но вполне дружелюбно ответил «удачи», Оля-Лена обиделась. Но, кажется, великодушно решила дать профессору еще один шанс завоевать свое сердце. Об этом она тоже успела ему сообщить. Макс тяжело вздохнул. Так было всегда – девушки, женщины, пока не узнавали про его болезнь, были готовы буквально

на все – неженатый профессор, привлекательный, востребованный, интеллигентный.

Это был один из первых его походов к врачу. Макс стеснялся, чувствовал себя ужасно, руки и пах зудели нестерпимо. Рядом с ним в очереди перед кабинетом сидела девушка. Он невольно увидел следы от прыщей на ее плечах, красную полосу, шедшую вдоль линии роста волос, грязные волосы – наверняка ей было больно мыть голову из-за шелушения и раздражения. И губы – обветренные, с алой окантовкой, какая бывает у детей с диатезом. Девушка ему была неприятна – она то чесала ногу, то терла запястье. И при этом улыбалась ему и пыталась кокетничать, почувствовав родство, общую проблему. Дождалась его на той же банкетке, хотя он, как ему казалось, не делал никаких знаков, указывавших на симпатию или дававших хоть какой-то повод. Но она его дождалась и пошла за ним вниз по лестнице. Что-то занудно рассказывала, неуместно смеялась. Макс не слушал. Ему было противно. Не от того, как она выглядела, вовсе нет. Он ни с кем не собирался обсуждать собственное лечение, тем более с первой встречной девушкой, у которой к тому же неприятный, слишком высокий тембр голоса и слегка истеричный смех. Та же назойливо спрашивала, что ему назначили, какие препараты. А ей вот такие, но не помогли. Сейчас вот такие. Какую девушку он хотел бы видеть рядом с собой? Если бы кто-то мог ответить на этот вопрос.

Макс прочел лекцию. Впервые спокойно пожимал руки, не переживая, что его болезнь станет заметна. После выступления отсидел скучный обед, который показался ему вовсе не скучным, а даже приятным. И позволил себе съесть десерт – его хорошая физическая форма была вовсе не результатом диеты, а следствием болезни. Жирное, острое, сладкое оставались под строгим запретом. А регулярные пробежки помогали привести в порядок голову, переключиться, получить необходимую энергию для работы, выдерживать бесконечные перелеты, поездки, не всегда оказывавшиеся легкими и приятными.

Он даже мило пообщался с Олей-Леной и сделал ей дежурный комплимент. Кажется, она напрашивалась к нему в номер, но его удачно отвлекли коллеги, чтобы обсудить лекцию. После обеда Макс спокойно дошел до номера и уснул. Спал крепко, сладко и без

сновидений, хотя от дневного сна отказался раньше, чем положено, – года в три, чем сильно осложнял жизнь матери и воспитательницам в детском саду.

Вечером он решил прогуляться и вышел на улицу. Снова удивился сам себе – обычно не устраивал вылазок в темное время суток. Но здесь ему было не страшно. На этих средневековых улочках, в закоулках, вдруг стало хорошо и спокойно. Он дошел до главной площади, радуясь, что обнаружил новую, еще более короткую, дорогу от гостиницы, и разрешил себе поужинать в ресторане. Что, вообще-то, считал дурным тоном – на площадях, в заведениях, рассчитанных на туристов, никогда хорошо не накормят. Но еда была на удивление приличной, да что говорить – очень вкусной. И Макс заказал себе еще вина. То ли на него так подействовала еда – он и забыл, когда позволял себе поздний, да еще сытный ужин, то ли вино – за первым бокалом последовало еще два, но он зашел в сувенирный магазинчик и купил магнитов, тарелок и брелоков – сувениры для коллег, что всегда считал пошлостью.

Назад шел легко, как по родному городу, не глядя по сторонам, не сверяясь с табличками на фасадах домов. Прекрасно знал, куда идти. И, выйдя, как он считал, на маленькую площадь, пяточок, зажатый между домами, понял, что потерялся. Гостиница не появилась там, где рассчитывал, – буквально за поворотом, в нескольких метрах. Вернувшись на боковую улочку, Макс свернул за домом, который показался знакомым ориентиром, и снова ошибся. Он шел незнакомыми дорогами, сворачивая, плутая, в надежде вдруг случайно выйти к гостинице, но, кажется, отдалялся все больше. Раздражение на себя, выпитое вино, на городок, архитекторов сменилось апатией. Ну и ладно – уже было все равно, куда идти. Ботинки, которые он надевал только на лекции – и в этот раз забыл переобуться в старые, удобные кроссовки, – натерли ноги. Стало вдруг холодно, хотя днем можно было ходить в рубашке. Телефон не подавал признаков жизни, мобильная связь исчезала. Не было ничего – ни карты, ни навигатора. Прохожие, у которых можно было бы спросить дорогу, исчезли. Как и места, которые должны были работать круглосуточно, – аптеки, полицейский участок, больницы. Только темные здания старого города.

После очередного поворота Макс наконец наткнулся на открытое заведение – вроде как бар для полуночников. На улице стояли бочки из-под вина, заменявшие столы. Ни барных стульев, ни скамеек не предусматривалось.

– Налейте что-нибудь покрепче, пожалуйста. Чтобы согреться, – попросил Макс, зайдя внутрь.

Девушка, стоявшая за стойкой, меньше всего походила на барменшу, да еще в таком полуночном заведении. Она улыбнулась и выставила на стойку стопку с прозрачной жидкостью и тарелку с канапе.

Макс решил, что заказ сделал другой посетитель, который, возможно, отлучился в уборную. Но девушка пододвинула стопку и тарелку.

– Я это не заказывал, – сказал в пространство Макс, решив, что девушка не понимает по-английски. Но стопку опрокинул – это была настоящая на травах водка, – и с удовольствием закусил канапе, которых ему показалось маловато. Не дожидаясь просьбы, девушка налила еще и добавила бутербродов.

– Вкусно, спасибо, – поблагодарил Макс.

Девушка хмыкнула.

– Я всегда знаю, что нужно нашим гостям, – сказала она.

– Вы меня понимаете? – Макс чуть не поперхнулся.

– Конечно. Если вы хотите курить, вот вам пепельница. Только не разбейте, она у нас последняя. – Девушка пододвинула к нему здоровенную, явно хрустальную, пепельницу. Макс невольно улыбнулся – почти такая же была у его мамы. Он все боялся, что эта массивная бандура, по-другому не скажешь, упадет ему на ногу – мама всегда ставила на самый край стола.

Макс не стал гадать, как девушка догадалась, что он очень хочет курить, хотя в поездках старался себя ограничивать. Он с благодарностью взял пепельницу и вышел на улицу.

Там, облокотившись на бочку-стол, стоял мужчина и при свете маленького фонарика читал книгу. Он светил на страницы, хотя что-либо разглядеть при таком жалком освещении было практически невозможно. Мужчина перевернул страницу и пошатнулся, в последний момент схватившись за бочку и удержав равновесие. Он был пьян. К нему подошла барменша и поставила стопку.

– Осторожно, это последняя пепельница, – сказал мужчина Максу и поприветствовал его рюмкой.

– Да, меня предупредили, – ответил Макс.

– Кто этот мужчина? – спросил он, вернувшись к барной стойке, чтобы попросить еще стопку настойки.

– О, это, хранитель нашего бара, – улыбнулась девушка, – завсегдатай. Он, можно сказать, стоял у истоков и был первым нашим посетителем, когда мой отец открыл этот бар. Папа, правда, уже умер...

– Пивная фея? – рассмеялся Макс.

– Фея? Пивная? – Девушка расхохоталась в ответ. – Вы правы! Очень поэтическое название! Можно я тоже буду его так называть?

– Пожалуйста, – улыбнулся Макс.

– Франческо. Он поэт, настоящий. То есть был когда-то поэтом. Папа говорил, что очень хорошим и знаменитым. Если бы столько не пил, стал бы великим.

– Да... Так бывает. Спасибо за угощение. Вы меня буквально спасли. Думал, что проведу ночь на улице. Заблудился, чего со мной никогда не случалось, а в вашем городе ни одной дороги не смог запомнить. Мне пора, завтра самолет, улетаю домой, – поблагодарил Макс, оставляя щедрые чаевые.

– А в какой гостинице вы остановились? – уточнила девушка.

И тут Макс понял, что совершенно забыл название. То ли так действовала настойка, то ли усталость, то ли девушка, но он правда не помнил, как называлась гостиница. Ему даже стало нехорошо.

– Я не помню. Правда. Забыл, – признался с ужасом он.

Девушка засмеялась.

– Там ангел или святой над дверью висит! Ну, не висит, а парит. Скульптура в стене! – воскликнул, вспомнив приметку, Макс.

– Он не святой и не ангел, – улыбнулась девушка, – обычный человек. Монах. И кстати, поэт. Основатель монастыря. Вы не очень сильно заблудились. Гостиница прямо за нами. Вам нужно всего лишь обойти дом, и сразу же увидите ворота. Это очень хорошее место. Там особая атмосфера. Даже если просто зайти во дворик и постоять немного, все плохие мысли улетучиваются. Вы этого не заметили?

– Да, наверное, только я все время теряю дорогу. Никогда со мной такого не происходило. Не могу дойти до номера, до ресторана.

Сворачиваю в разные закоулки, – признался Макс.

– О, вы тоже там потерялись? Это нормально! Мой папа, когда был жив, работал в гостинице. Был первым баристой. Кофе варил, понимаете? Так вот, я, маленькая, любила играть в том отеле. Мы с друзьями устраивали целые приключения с поисками пропавших сокровищ. На самом деле все просто. Вы ведь не математик?

– Нет, я профессор-историк. Лекции читаю.

– Тогда понятно. Здание очень логично организовано. Оно построено с математической точностью. Нет ни одного лишнего угла. Во всяком случае, раньше не было, до того, как его превратили в гостиницу и перестроили. Все подчинено логике. Строили ведь монахи. А они разбирались в архитектуре. Очень красивое здание. И там есть гобеленовая комната, – рассказывала девушка, и Макс уже не хотелось никуда уходить. Она оказалась удивительной рассказчицей. Ему бы так читать лекции – легко, с юмором, не сходящей с лица улыбкой. И голос просто завораживал.

– Да, я туда попадал, – признался он, – в эту комнату. Если честно, готов был молиться всем богам, чтобы оттуда выбраться. Там холодно, хотя должно быть тепло. И гобелены пугают, а не завораживают. Они должны привлекать внимание к деталям. Так и есть. Но когда всматриваешься, тебя будто засасывает в кошмар, на душе становится тоскливо, вспоминаются все пережитые беды и несчастья. Не знаю, такова ли была задача мастериц, которые их создавали. И людей, которые повесили гобелены в одной комнате. Чтобы человек наверняка почувствовал свою никчемность, беспомощность, сиюминутность и бессмысленность собственного существования. В общем, ничего хорошего я в той комнате не испытал. Разве что еще раз убедился в собственных комплексах.

– Ой, правда? – воскликнула девушка. – Вы там были? Она вам открылась? Как? Мы в детстве много месяцев тратили на то, чтобы найти туда дверь! Это был наш главный квест! Мы даже карту пытались нарисовать! Но те из нас, кто туда попадал, потом молчали, ничего не рассказывали и больше с нами не играли. Они в тот отель вообще боялись заходить. Так что не каждому удается найти гобеленовую комнату. Тем более иностранцу, туристу.

– Я не совсем турист, – признался Макс, не зная, то ли радоваться, то ли пугаться, что нашел тайную комнату как в детских книжках

именно здесь.

– Согласно легендам, эта гобеленовая комната исполняет желания – если в нее попадешь и загадаешь самое сокровенное, оно обязательно сбудется. Но комната все время прячется. Я, кстати, два раза ее находила и загадывала желания, и оба раза они исполнились. Попробуйте. Если еще раз ее найдете.

– Вы верите в эти легенды? – рассмеялся Макс.

– Когда была маленькая, верила. Сейчас думаю, что гобелены просто переносили – в здании часто крыша протекала, и их размещали в разных комнатах, спасая от сырости. Но мне нравится эта легенда. Может быть, еще стопочку?

– Нет, спасибо, лучше скажите, где можно помыть руки.

– До конца и направо. Уверю, здесь вы не заблудитесь, – опять рассмеялась девушка.

Макс прошел в туалет – ему хотелось помыть руки и вообще умыться, учитывая, что он должен был вернуться в отель в «приличном» виде. Мало ли кого встретит в гостиничном баре? Собственной безупречной репутацией Макс дорожил. Но в уборной не оказалось ни мыла, ни бумажных полотенец. Он, из-за болезни чувствительный к средствам гигиены, снова впал в панику. До такой степени, что у него начали чесаться запястья.

– Что-то случилось? – спросила девушка, когда он вышел из уборной.

– Да, мне нужно помыть руки. Обязательно. – Макс сам того от себя не ожидая, показал девушке ладони. Рукава рубашки задралась и обнажили следы псориаза.

– Сделайте вот так. – Девушка сложила ладони ковшиком. Макс ничего не оставалось, как повторить этот жест. Девушка плеснула на его руки из стопки, которую только что налила, – а теперь разотрите. Мой папа всегда так руки мыл. И вот еще, – она налила ему в ладони оливковое масло, – протрите запястья. Не бойтесь испачкать рубашку. Все отстирывается.

Макс растер оливковое масло и сразу почувствовал облегчение.

– Очень хорошее средство, попробуйте. – Девушка вручила ему маленькую бутылочку с маслом. – Подарок от заведения.

– Спасибо. Был очень рад пообщаться, – искренне ответил Макс.

– Я тоже. Заходите еще, – улыбнулась девушка.

Макс вышел на улицу и кивнул на прощание пивному фею.

– А знаете, почему вы теряетесь? – спросил тот.

– Почему? – Макс застыл от неожиданности. Мужчина никак не мог слышать их разговор с девушкой.

– Потому что у каждого свой путь домой. Слышите? Я точно знаю. У кого-то короткий, по ровной дороге. У кого-то – длинный, по ухабам. Подумайте об этом. Каков ваш путь? И сразу найдете дорогу. Вернитесь домой. Иначе закончите как я. Здесь. Приехал сюда много лет назад, обрел семью – потерял. Нашел друзей – многих потерял. Думал обрести славу, но просчитался. В каждом городе своих великих поэтов хватает. Так что не обольщайтесь прелестями нашей прекрасной Луизы. Она многих с ума сводила, как и этот город, церковь, ваша гостиница. Возвращайтесь домой. – Мужчина улыбнулся и поднял рюмку. – Ваше здоровье.

Бабушка, которая решила стать деревом

– Маргарита, я умираю, – позвонила мне мама, что делает крайне редко.

– Как скоро? – уточнила я, поскольку привыкла к маминему переменчивому настроению. Сегодня умирает, завтра уже передумала. Вообще-то меня зовут Мария, но еще с детства, когда мама была мной недовольна, называла Маргаритой. Впрочем, когда она была недовольна окружающим миром, я тоже превращалась в Маргариту. Иногда казалось, мама забывала, какое имя дала мне при рождении. Кажется, утром она собиралась назвать меня Маргаритой, но к вечеру передумала и назвала Марией. Но когда мама совершает действительно нечто по-настоящему неожиданное, что требует немедленного вмешательства, я превращаюсь в Манечку. Так меня только бабушка называла. Так что я пока не очень нервничала.

– Я ходила к нотариусу и оставила завещание, – сообщила мама. – Дачу я переписала на внука.

– Это прекрасно, только ты помнишь, что дом, стоящий на участке, и прочие строения ты так и не зарегистрировала. По сути, ты оставляешь своему любимому внуку клочок земли и сарай. А дом, гараж и пристройка пойдут бонусом будущим покупателям, – напомнила я.

– Какая ты все-таки неприятная бываешь. Все настроение мне испортила. Опять, – заметила мама и нажала отбой.

Ну да, как всегда. Мама мне не звонит, потому что я своими придирками порчу ей настроение. Она пошла в магазин, ей стало жарко, она расстегнула куртку, села покурить на бордюр, после чего заболела. Удивительно, не правда ли? Говорю, зачем было сидеть в осенней куртке зимой на обледенелом бордюре? Ну еще бы голая посидела в сугробе.

– Ты меня никогда не понимала! – обижается она и бросает трубку.

Да, многое из того, что приходит в голову маме, мне не очень понятно. Разумным поведением она никогда не отличалась.

Например, решила, что ей непременно нужно поставить квартиру на охранную сигнализацию. Идея, конечно, хорошая, если не учитывать конкретную ситуацию и, так сказать, бэкграунд. Во-первых, маму знают все соседи всех окрестных домов. И если появятся воры, соседи выйдут и предупредят – в эту квартиру точно не стоит вламываться, себе дороже. У мамы репутация бежит впереди нее. Это, скорее, она вломится в любую квартиру, если ее будет тревожить шум, например. В мамином подъезде даже соседские собаки стараются не лаять и не бегать по квартире. А то вдруг Ольга Ивановна услышит? Все ремонты в нашем и соседних подъездах заканчиваются раньше срока – чтобы успеть за те месяцы, пока мама живет на даче. Иначе она ворвется с перфоратором наперевес, и строителям будет кирдык. Так один раз было, и слухи разошлись по всем окрестным домам. Кажется, мама обещала прорабу присверлить руку к стене. А заодно выяснила, что хозяев он уже успел обмануть тысяч на триста и не собирался останавливаться на достигнутом. Пользуясь статусом пенсионерки, женщины в преклонном возрасте, но с активной жизненной позицией, мама провела собственную проверку личности прораба. Конечно же, оказалось, что органы власти давно хотят с ним встретиться – кредиты, многочисленные жалобы, незаконная деятельность, просроченное разрешение на работу. Мама не стала сдавать прораба органам – не в ее стиле. Доносы и что за ними следует, она, сорок девятого года рождения, помнила по собственному детству. Только нежно попросила его выплатить хозяевам неустойку. Тот не только вернул деньги, но и доделал ремонт в рекордные сроки, не взяв больше ни копейки. Хозяева благодарили маму за содействие. С тех пор, когда у окрестных владельцев имущества возникали вопросы к качеству и стоимости материалов, они откладывали ремонт, дожидаясь, когда Ольга Ивановна вернется с дачи. И тогда она появлялась на пороге. Дальнейшее развитие событий было понятно всем, кроме очередного нечистого на руку прораба. Короче говоря, если кому-то пришлось бы в голову ворваться в ее квартиру, этот кто-то рисковал быть присверленным перфоратором к стене.

Когда у мамы меняли входную дверь, она, видимо, отвлеклась на более интересные события. Поэтому замки вкрутили неправильно. Я ни с первого, ни со второго раза не могу попасть в квартиру. Верхний замок открывается как обычно, а нижний в другую сторону. Причем,

дверь нужно прижать определенным образом, чтобы повернуть ключ. Но и сама дверь открывается внутрь квартиры, а не наружу. Домофон отключен, дверной звонок тоже, как и домашний телефон. Мобильный мама, как обычно, где-то оставила на беззвучном режиме. Захочешь – не дозвонишься и не попадешь в квартиру. Я вот однажды случайно оказалась в мамином районе и решила заехать домой. Вообще-то это квартира, в которой я выросла, так что имела полное право. На звонки мама не отвечала. В магазине я накупила продуктов, потом долго стояла под подъездом, потому что ключ от домофона, видимо, размагнитился за давностью лет. К счастью, вышла соседка, и я успела войти. Потом стучала в дверь квартиры, кричала. Сидела на лестнице. Потом опять стучала, уже, кажется, ногами, а не вежливо. Дверь наконец открылась, и я тут же поняла, что ослепла. Мама прыснула мне в лицо из перцового баллончика. Надо заметить, что в итоге это я осталась виноватой в произошедшем – приехала без предупреждения. Согласно маминой логике, она имела полное право прыскать родной дочери в лицо, не разобравшись, кто стоит за дверью. Пока я пыталась умыться и хоть как-то прийти в себя, она возмущалась моим поведением – ну как можно оказываться на пороге вот так? И я еще должна сказать спасибо, что она не воспользовалась электрошокером!

– У тебя есть электрошокер? – уточнила я, заливаясь слезами.

– Конечно! Я же беззащитная пенсионерка! Мне страшно ходить одной по улицам!

Не хотела бы я оказаться на пути такой пенсионерки в темном переулке.

– А как тебе удалось купить электрошокер? Их пока в магазине вместе с молоком не продают вроде бы.

– Ой, ну что ты как маленькая? – отмахнулась мама. – Ну что, я себе электрошокер не в состоянии достать?

Опять же, оставалось надеяться, что не каждая беззащитная бабулька, какой представляет себя всем моя мама, ходит с электрошокером наперевес. Даже подумать страшно, что вдруг все одинокие пенсионерки начнут вести себя как она, пшикая из газовых баллончиков и давая разряды электрошокера направо и налево.

Кажется, мошенники, которые представляются следователями, сотрудниками банков и прочих контор, ее номер телефона внесли в свой в черный список. Мама очень любит с ними разговаривать и

умело доводить до белого каления. Вот недавно пожаловалась, что ей перестали звонить, а раньше по три раза на дню телефон обрывали, одно удовольствие. Хоть как-то развлекалась.

Я советовала ей найти новое увлечение – клубы по интересам, от вышивки до скандинавской ходьбы. Но мама сказала, что ей скучно общаться с ровесниками – они обсуждают «гробовые», а мама хочет обсуждать «газовые». Она откладывает деньги не на собственные похороны, а на провод газовой трубы в дачный поселок. Кажется, персональной газовой трубы, потому что дача находится в заповедном районе, на берегу реки, и с газопроводом, как и с другими масштабными проектами, там проблемы. Но мама поставила себе цель – добыть газ любой ценой. Не удивлюсь, если она еще нефть в том районе найдет.

Возвращаясь к звонку, когда мама решила умереть... Конечно, я занервничала. Смерть – это же не газ и не телефонные мошенники. Поэтому, выпив сразу две таблетки пустырника две – валерьянки и запив все каплями Баха, перезвонила.

– Мама, что ты хотела сказать про смерть? – уточнила я. Уж как смогла, так и сформулировала вопрос, учитывая действие успокоительных.

– Про смерть я много могу сказать, – ответила, хохотнув, мама. – Что конкретно тебя интересует?

– То, что ты собиралась сообщить утром, – напомнила я.

– А, это? – Кажется, мама уже передумала умирать. – В общем, я зарегистрировала дом на участке! Теперь он есть в госреестре! И моему внуку достанется не только клочок земли и сарай, как ты утверждаешь! Ну что ты молчишь? Могла бы и похвалить!

– Это хорошо, – ответила я. – Только никак не уловлю логическую связь.

– Ой, какая ты все-таки странная! Все у тебя должно быть логично и правильно! – опять возмутилась мама. – В общем, я позвонила, чтобы сказать, что тебе сейчас будет звонить Сережа. Он объяснит, что делать дальше. Я же знаю, что ты не отвечаешь на незнакомые номера, поэтому и предупреждаю. Сереже надо ответить.

– Вообще-то это я тебе позвонила, но не важно. Кто такой Сережа, можно узнать? – Кажется, я начала заикаться. – И почему именно он

мне должен сообщить, что делать дальше? Ты решила устроить какой-то квест? Мне искать ключи-подсказки?

Говорила я уже в пустоту или во вселенную. Мама отключилась. Когда раздался звонок с неизвестного номера, я отвечать не собиралась. Почему какой-то Сережа должен мне что-то объяснять? Я вообще не хочу знать никакого Сережу, учитывая, что речь идет о моей маме. Будущий, еще один, муж? Пожалуйста, не надо. Я пережила пятерых, остальных в силу младенческого и детского возраста не помню. Мама, когда я ей говорю, что ее шестой муж мне не нужен, вот вообще не вовремя и не до него сейчас, других проблем хватает, кокетливо обижается: «У тебя всегда было плохо с математикой. Даже в школе. Почему ты решила, что всего шестой?» После этого мне хочется пойти и удариться головой об стену.

Но после некоторых раздумий – мало ли что еще мама придумала, необязательно выйти замуж – я ответила на звонок.

Звонила перепуганная женщина, представившаяся Еленой. Пока она говорила, что мой номер ей дала Ольга Ивановна, голос ее заметно трясся. Если честно, я вообще не поняла, что именно хочет Елена. И поскольку уже успела перенервничать из-за некоего Сережи, спросила чересчур строго:

– Простите, можно, пожалуйста, конкретнее? По какому поводу вы звоните?

Да, у меня есть такая особенность. Когда мне страшно, беспокойно или я нервничаю, говорю как Железный Дровосек, в смысле железным голосом. Сравнение с Железным Дровосеком принадлежит моему сыну. Он, когда был маленьким, так и сообщал, что мама сейчас Железный Дровосек, поэтому лучше помолчать, пока она заржавеет, то есть успокоится.

Но Елена про семейную шутку и мои нервы не знала, поэтому начала лепетать на удвоенной скорости. Так бывает в рекламе по радио, когда все данные об организации произносятся скороговоркой в ускоренном темпе. Или как на экзамене по аудированию – слушаешь диалог или текст и понимаешь только отдельные слова, а остальные сливаются в одну бессмысленную фразу. Из фонетического потока мне удалось вычлениить фразы про дом на участке, речь шла о даче, госреестре, то есть дом стал законным имуществом, наклейки в количестве двух штук, которые выдаются бесплатно, и бюджетное, то

есть законное, предприятие. Но даже по этим выражениям я не улавливала контекст. А ведь у меня очень хорошо всегда было именно с аудированием и контекстом!

– Елена, простите, какие наклейки? – задала я самый дурацкий вопрос из всех возможных. Но это тоже моя особенность – когда ничего не понятно, я цепляюсь за понятные бытовые детали.

– Не волнуйтесь, они заметные, – ответила Елена, кажется, обрадовавшись дурацкому вопросу.

– А куда их нужно клеить? – очень строго уточнила я.

– Ну, куда хотите. На ворота обязательно и на дверь дома, – ответила она тоже строго и ответственно.

Тут я сломалась окончательно. Какие наклейки мама собралась клеить на ворота дачи и при чем тут я, в конце концов?

– Елена, а что вы от меня хотите? – спросила я.

– Подписи, – честно ответила бедная женщина, которой, кажется, было так же плохо, как и мне.

– Подписи под чем, простите, каким документом?

– Нет, нет, не вашей подписи, а Ольги Ивановны. Вам вовсе не нужно беспокоиться и куда-то ехать! Меня предупредили! Но вы же не будете возражать, если Ольга Ивановна за вас распишется? Она же ваша мама, в конце концов, – снова залепетала Елена.

Вот с чего мне следовало начать объяснять? Что я вовсе не собиралась куда-то ехать и тем более что-то подписывать. Что, конечно же, буду возражать, если моя мать, которая «в конце концов», подделает мою подпись не пойми под каким документом. И что вообще-то она сомневается в нашем родстве, а не я.

– Я против, потому что ничего не понимаю, – ответила я, стараясь быть вежливой и сдержанной. Опять вышло излишне строго. – Давайте я все уточню у Ольги Ивановны и вам перезвоню.

Мамин телефон был хронически занят. Она сбрасывала мои звонки. Как всегда. Наконец дозвонилась.

– Мама, что происходит? Можешь мне объяснить? Ты же в прошлом юрист, зачем тебе понадобилась моя подпись? – закричала я.

– Потому что у тебя генеральная доверенность от моего внука. И только ты имеешь право подписывать документы от его имени, – ответила деловым тоном мама.

– Я в курсе! И что?

– А то, что я хочу поставить охранную сигнализацию на дом, раз не поставила на квартиру! Меня всю зиму там не будет, мало ли что. Мне так спокойнее, – объяснила мама. – Охрана официальная, не переживай. Приезжают сразу же. Не могу же я рисковать наследством любимого внука! Я могу расписаться за тебя, вот и все.

– Хорошо, а сразу нельзя было это объяснить? Мне позвонила какая-то Елена, и я вообще ничего не поняла.

– Да, я разговаривала с Еленой, ты ее напугала своим тоном. Ей пришлось пить капли от сердца после разговора с тобой. Ты все-таки совершенно не умеешь общаться с людьми. Хоть понимаешь, до чего довела женщину? Я ее еле успокоила. Сказала, что я тебя тоже боюсь и ты со всеми такая жесткая. Даже муж от тебя страдает.

– Муж от меня не страдает, и я не жесткая! – закричала я. – Просто не знаю, что ты в очередной раз придумала!

– Ой, а что такого ужасного я могла придумать? – возмутилась мама.

– Например, позвонить и сообщить, что умираешь, – напомнила я. – А теперь вдруг передумала и решила поставить охранную сигнализацию на дачу. Никогда не собиралась.

– Ты вообще женщину до инфаркта чуть не довела! – объявила мама.

Выяснилось, что Елена до того, как стать сотрудницей охранного предприятия, отвечающего за безопасность граждан и их имущества, работала в школе учителем начальных классов. И все было бы у нее хорошо, если бы не директор школы Светлана Ивановна. Та была женщиной строгой и требовательной. А главное, никогда не кричала, но говорила таким голосом, что волосы даже на руках становились дыбом. И вот когда Елена услышала мой голос, сразу же вспомнила Светлану Ивановну. Ну один в один тон. Поэтому ей стало так нехорошо, будто она снова попала на педсовет и там ее Светлана Ивановна называет мямлей и призывает говорить четко и исключительно по делу.

– Ну прямо как ты, – объяснила ситуацию моя мама.

– И что такого? Да, я вообще ничего не поняла из того, что эта Елена сообщила. – Я категорически отказывалась чувствовать себя виноватой.

– Очень ты жесткая и неприятная. Как тебя муж терпит? – завела мама свою любимую пластинку. Она убеждена, что мой супруг, ее драгоценный зять, – счастье, свалившееся мне на голову, причем по ошибке. То есть мой муж должен был свалиться на чью-то другую голову, но судьба ошиблась адресатом. И я его, то есть такого замечательного мужа, совершенно не заслуживаю. О чем мама напоминает мне в каждом разговоре. Да, кстати, она дала мне прозвище – Пентагон. Так и называет, когда общается с зятем и внуками. Мол, ну как Пентагон, совсем вас замучил? То есть я составила невыносимый график тренировок, репетиторов и так далее. У зятя мама не спрашивает, как дела у ее любимой доченьки. Она уточняет: «Пентагон как, работает?» Я каждый раз жду, когда она позвонит и произнесет классическую фразу из фильма: «Хьюстон, у нас проблемы».

– Мама, а почему тебя бабушка так странно называет? – спросила как-то маленькая дочь, которой я, в силу ее возраста, не могла объяснить ни про Пентагон, ни про Хьюстон, ни про бабушку, которая считает меня занудой, а пунктуальность – расстройством психики. И именно поэтому очень ценит зятя, который столько лет терпит рядом с собой зануду с психическим расстройством.

– Потому что бабушка другая, ты же знаешь. Она не любит правила, ограничения, режим и думает, что я вас в них вгоняю, – объяснила я.

– Я тоже себя вгоняю в правила и режим каждый день, – пожалала плечами дочь, – ты-то тут при чем? Бабушка просто не знает наших учителей. Вера Владимировна точно монстр по сравнению с тобой. Ты бы точно поставила пятерку за красивые глаза, я тебя знаю, а Вера Владимировна требует, чтобы мы на каникулах пришли и написали дополнительные работы, если хотим дополнительной пятерки.

– Да я бы тебе пять пятерок поставила за твои красивые глаза! – воскликнула я.

– Бабушка просто не знает, какие сейчас нравы в школе, – сказала дочь. Меня потрясло слово «нравы», и я ушла, не уточнив, откуда оно взялось у современного поколения.

– Ты бы себе хоть грудь сделала, – иногда советует мама.

– Зачем? – уточняю я.

– Ну так, хоть какое-то разнообразие. – Мама считает, что новая грудь очень порадует ее зятя.

– Меня устраивает моя грудь.

– Ну, не хочешь грудь, сделай попу. Как сейчас модно, – не отстает мама.

– Зачем? – снова уточняю я.

– Какая ты все-таки скучная, – обижается на то, что я ее не понимаю, мама. Она в свои семьдесят четыре года очень хотела сделать себе и грудь, и попу. К счастью, ни одна клиника не согласилась иметь с ней дело. Да и никто в здравом уме не согласился бы. Маму и из государственной больницы «отчислили» раньше времени за плохое поведение – курение в неположенных местах, распитие спиртных напитков в палатах, азартные игры и угрозу жизни другим пациентам. Я все время с ней чувствую себя матерью сложного подростка. Не знаешь, когда бежать в школу и за что отвечать.

– Муж меня прекрасно терпит! – заорала я. – Хочешь сигнализацию, ставь, хочешь подделать мою подпись – пожалуйста!

Тут уже я бросила трубку. На следующий день опять раздался звонок с неизвестного номера, и я на него ответила. На часах было ровно восемь тридцать утра.

– Простите за ранний звонок...

Я узнала Елену по голосу.

– Да, понимаю. У самой дочь – школьница. Что-то случилось? Я дала разрешение маме подписаться за меня, – ответила я насколько возможно дружелюбно, учитывая, что по утрам я вообще не милая женщина.

– Я хотела уточнить, на кого мы ставим сигнализацию – на Ольгу Ивановну или на дом? – спросила Елена.

– А что сказала на этот счет Ольга Ивановна?

– Если честно, я не очень поняла. – Елена чуть не плакала.

– Давайте ставить на дом. Ольге Ивановне сигнализация с наклейками точно не нужна, – заверила ее я. – Поверьте, она вполне может за себя постоять.

– Но она же женщина в возрасте, у нее никого нет...

– Елена, послушайте, у Ольги Ивановны есть семья – я, дочь, любимый зять, внуки, сиделка, домработница и так далее. Просто мама очень любит устраивать квест для родственников – кто первый ее

найдет, если она перестанет выходить на связь. Понимаете, развлечение такое. Уехать не пойми куда, и пусть родные стоят на ушах. А она прикинется сиротинушкой. У нее есть перцовый баллончик и электрошокер. Баллончик отлично действует, я его на себе испытала. Извините, но шокер не попробовала. Так что за безопасность мамы я бы не тревожилась. Ставьте защиту на дом.

– Да, Ольга Ивановна рассказывала, что в детстве вы придумывали разные небылицы, выдавая их за реальность. Из-за этого вас из школы отчисляли, – поделилась Елена.

– Ольга Ивановна обеспечила мне писательскую карьеру, поскольку я была свидетелем ситуаций, которые она называет небылицами. А из школы меня не отчисляли. Просто мама решила вдруг изменить жизнь, свою и мою заодно, уезжая бог знает куда и бог знает зачем.

– Удивительная женщина! – восторженно воскликнула Елена.

– Да, если это не ваша мама! – рывкнула я. – Куда хотите, туда и ставьте вашу сигнализацию. Хоть на маму, хоть на дом.

– Но Сергей Анатольевич сказал, что я должна с вами согласовать...

– Сергей Анатольевич? Это тот самый Сережа?

Кажется, Елена упала в обморок.

– Простите, мама мне говорила, что будет звонить некий Сережа. И он отвечает за сигнализации, – пояснила я.

– Сергей Анатольевич – наш начальник... – с дрожью в голосе сказала Елена. – Мы-то что, только документацию ведем...

Кажется, Елена была тайно влюблена в начальника и не понимала, почему какая-то женщина в возрасте уже называет его Сережей, а она даже мечтать о таком не смеет.

– То есть если что-то случится, если в дом кто-то влезет, сигнал поступит вам и придет наряд? – Я попыталась отвлечь Елену от мыслей о ее незадавшейся женской судьбе. Мало того что я ей напоминала бывшую директрису, не хватало еще, чтобы она ревновала начальника к моей маме. Аргумент, что мама старше Елены лет на тридцать минимум, точно бы не подействовал.

– Да, еще у нас будет дубликат ключей, так что мы сможем все проверить в доме. – Елена, к счастью, быстро переключилась.

– Это хорошо, спасибо большое. Очень вам благодарна, – как можно теплее сказала я.

– Ну что, поставили сигнализацию? – спросила я через несколько дней у мамы.

– Да, конечно, сразу же.

– Как там Сережа?

– Какой Сережа? Серега, что ли? Нормально. Заехал проверить, как я тут. Беляши ест. Все, не могу говорить. Ты, как всегда, не вовремя позвонила.

Беляши были плохим знаком. Очень плохим. Мама умеет обращаться с тестом так, как никто. Лепит манты, чебуреки, беляши. Я много раз пыталась узнать рецепт теста и фарша. Мама хранит его в тайне. Но если она хоть какого-то мужчину накормит чебуреками или беляшами, – все, он на ней точно женится. Собственно, все ее скоропалительные замужества происходили после застолий – с домашними пирожками, пирогами и особенно с беляшами. Беляши предполагали поход в загс на следующий день.

Но, кажется, Серега выстоял после беляшей. Мама, приладив на ворота грозные наклейки, предупреждающие о том, что дом находится под видеонаблюдением, вернулась в московскую квартиру. Все шло более или менее спокойно, не считая нескольких скандалов в поликлинике, куда она пришла сделать прививку от гриппа. Все бы ничего, если бы она в тот момент не кашляла, как туберкулезник, и не заливалась соплями по колено. Прививку ей делать отказались, мама, кажется, собиралась писать петицию в Министерство здравоохранения. Еще она обнаружила, что на месте салона красоты, в который ходила последние лет двадцать, появился магазин, торгующий пивом. Вынести это неудобство мама не смогла – пиво она не пьет, а маникюр и стрижку привыкла делать именно в этом заведении, несколько десятилетий отвечавшем за ее красоту. Кажется, мама наслала проверку на магазин, и он закрылся, толком не открывшись, а салону красоты предложили вернуться на таких выгодных условиях, что не стоило и вникать в причины столь щедрого предложения.

В общем, я жила спокойно, пока мама устраивала проблемы другим.

И тут вдруг в один прекрасный день, точнее утро, промозглое и серое, когда мне самой хотелось застрелиться, мама позвонила.

– Маргарита, тебе совсем на мать наплевать? – спросила она.

– Да, мам, и тебе доброе утро, – промямлила я.

– Ты забыла, что я при смерти?

– Да, помню, но потом ты вроде бы передумала, – напомнила я.

– Какая ты все-таки бессердечная! Как тебя муж такую терпит? Я умираю, а тебе наплевать! – Мама наконец нашла повод возмутиться и заодно обидеться. А между делом напомнить, что я плохая жена.

– Мам, я слушаю. Что ты хотела сказать в связи с тем, что умираешь? – уточнила я. Отчаянно хотелось спать, кофе и умереть самой, чтобы не вести подобные разговоры с собственной матерью.

– Нет, ты все-таки не моя дочь, – объявила мама.

– Да, я помню. – Это было не в первый раз, когда она сообщала, что меня ей наверняка подкинули, перепутали в роддоме или что-то вроде того. – Так что со смертью?

– Я хочу кремацию. Не надо меня хоронить. И участок не нужен. Лучше на эти деньги проведи газ на даче, – объявила мама.

– Хорошо. Кремацию обещаю, газ на даче – нет. Не в моей сфере ответственности, – ответила я.

– Деньги я оставлю! На газ! Надеюсь, кремацию матери ты сможешь оплатить? – с вызовом уточнила мама.

Тут в комнату вошел муж, показывая мне сообщения. Оказывается, мама написала ему, что хочет кремацию и надеется, что он ее оплатит.

Я отмахнулась и от мужа, и от его телефона. Точнее, сообщения в нем.

– Хорошо, где ты хочешь, чтобы я захоронила урну? – уточнила я, понимая, что сейчас начну обсуждать форму сосуда, который желает мама для своего пепла. Кажется, в тот момент я мечтала вернуться в тот кошмар, который мне снился. Реальность казалась абсурднее. В голове всплывали кадры из фильмов (все-таки я слишком много смотрю кино и сериалов) – то прах находится в урне в виде вазы, то в кувшине, то в виде чего-то, похожего на сахарницу. И все эти урны стоят на полке над камином или на прикроватной тумбочке. Потом, конечно, непременно, по законам жанра, разбиваются, и прах

разлетается во все стороны. Главная героиня силится его собрать, но безуспешно.

– Урну... какое ужасное название. Ты уверена, что именно так это называется? – возмутилась мама, возвращая меня к действительности.

– Да, именно так. Урна для захоронения. Прислать тебе ссылку на образцы? Наверняка есть разные варианты. Вазы какие-нибудь или другие емкости, – терпеливо ответила я.

– Какая ты все-таки бываешь неприятная. С тобой невозможно разговаривать. Настроение мне с утра испортила.

– Да, мам, и тебе хорошего дня.

Ненавижу эту фразу, но ничего лучше в тот момент я не смогла подобрать, учитывая контекст разговора. Ну а что я должна была сказать? «И я тебя люблю, мамочка»? «Созвонимся, когда я буду выбирать для тебя урну»? «Напишу, когда будут новости о вариантах захоронения»? Или «Как ты смотришь на то, чтобы лежать в ключнице или джезве»? По мне, так самый удачный дизайнерский вариант. Неброско, вписывается в любой интерьер, места много не занимает. Мама перезвонила через два дня. Если честно, я пропустила несколько звонков, чтобы успеть закинуть в себя таблетку усиленного валерьянкой пустырника. Кажется, за подобное сочетание я и купила эти таблетки.

– Все-таки у меня гениальный внук, – объявила мама.

– Да, я знаю. Это он в тебя, – повторила я, как заученную мантру.

Мама убеждена, что всеми талантами – от художественных до спортивных – внуки пошли в нее. Внук-физик? Точно в бабушку. Внучка в ай-ти-классе? Естественно, в нее же. Рисуют, играют на гитаре, поют? Ну а в кого еще они такие? В бабушку, конечно! Родители вообще ни при чем. Тут я с ней не спорю, потому что сама вела себя не совсем разумно после рождения детей. И сын, и дочь были копией мужа. Кажется, они размножились почкованием. Все, кто приходил в гости, дружно восклицали: «Ой, ну надо же! Копия Андрея!» Еще были варианты: «не надо делать анализ ДНК», «клонирование» и «мать вообще не участвовала». После очередного замечания про ДНК я закрыла дверь перед носом гостя. Очень невежливо, но все списали на гормоны кормящей матери. Правда, после этого мой супруг всех гостей жарким шепотом предупреждал,

что они должны громко уверять, что дети очень на меня похожи. Вот просто копия мама!

– Я поняла, что не хочу все эти банальности – урны какие-то. Хочу, чтобы ты и внуки меня помнили и после моей смерти, – объявила мама.

– Тебя сложно забыть, – заметила я.

– О, это конечно! – радостно согласилась мама. – Но понимаешь, я хочу вам все время о себе напоминать. И мой гениальный внук подобрал несколько вариантов. Мне многие нравятся. Пусть он тебе покажет, потом согласуем. Хотя я знаю, что ты все равно будешь против. Но, в конце концов, это мое последнее желание, так что тебе придется согласиться.

– Мам, последнее желание бывает у заключенных перед виселицей, – напомнила я.

– Ой, все. Какая ты все-таки занудная. Моя кремация, что хочу, то и делаю! – объявила мама.

Тут же в дверях появился мой сын с ноутбуком в руках. Тоже, конечно, прекрасная идея – попросить внука подобрать варианты, что делать с прахом любимой бабушки. Ну действительно, а что такого? К счастью, дети привыкли, что бабушка у нас не совсем обычная, поэтому не начали немедленно переживать, что она вот-вот отправится на тот свет. Внуку бабушка сообщила, что, пока не одобрит его будущую жену, не умрет. А внучке – пока не выдаст ее замуж. При таком раскладе бабушка собиралась прожить еще лет пятнадцать как минимум, а лучше двадцать для верности, чего мы ей все желаем. Учитывая, что внук жениться не собирается, а внучке школу бы окончить для начала.

– Ну и какую ссылку ты отправил бабушке? – спросила я.

– Да я просто ее посмешить хотел! – Кажется, сын нервничал. – Я же не думал, что она все всерьез воспримет!

В тексте, который внук отправил бабушке, перечислялись способы не дать забыть о себе потомкам. Самый невинный – посадить на месте захоронения праха дерево. Самый, на мой взгляд, радикальный – запустить салют, вложив в пиротехнику прах. Еще можно сделать кольцо, брошь или вазу для фруктов. Моя фантазия с сахарницей была не такой уж и большой, как оказалось. А как насчет песочных часов или стеклянного шара? Там вместо песка в часах и

снега в шаре сыплется прах. Даже представлять страшно, но авторы текста утверждали, что это очень распространенный и самый трогательный вариант. В случае часов – напоминает о скоротечности времени. А в случае шара – вообще идеальный вариант для семейной коллекции. Можно начать собирать шары с прахами родственников, ставить их на определенную полку и, когда захочешь вспомнить любимую тетю или бабулю, просто подойти и потрясти шар. Детям можно про предков рассказывать, показывая на шары: вот здесь дедушка покоится, а вот здесь – прадедушка. Ну а вот здесь – Дед Мороз. А этот шар мы привезли с папой из путешествия. Нет, там нет праха, просто сувенир. Идеальный способ травмировать детскую психику, если родители еще этого не сделали.

Можно отправить колбу с прахом в космос, но это очень дорого. Или сделать обычный карандаш – прах как-то перерабатывается в грифель. Ну да, живо представила свою дочь, которая рисует прахом бабушки. Еще можно упаковать прах в миниатюрную копию музыкального инструмента, если вдруг покойный был музыкантом.

– И к какому варианту склоняется бабушка? – утончила я у сына.

– Кажется, ко всем сразу. Хочет разделить прах. Одну часть фейерверком запустить, из другой сделать карандаш для внучки, из третьей – кольцо для тебя и так далее, – ответил он. – Прости, я не хотел, честно.

– Да я знаю. Но это же наша бабушка.

– Ага, а еще она спрашивает, сколько именно праха от нее останется. Я же физик, поэтому могу рассчитать вроде как. И на что точно хватит, а на что нет, – признался сын.

– Давай ты не будешь рассчитывать бабушку на прах, – попросила я. – Просто скажи ей, что на все точно не хватит. Только на что-нибудь одно. И скажи, что на блюдо для фруктов и запуск в космос точно нет денег. Да и карандаш – дорогое удовольствие. Пожалуйста, уговори ее на дерево. И пусть выберет любое. Хотя нет, она ведь может пожелать какой-нибудь бамбук или еще что-нибудь экзотическое. Я придумала. Скажи бабушке, что праха хватит на елку или на тую, на худой конец. Не знаю – заугли, что у нас произрастает без особых проблем. Ну почему у всех бабушки как бабушки, а у нас с фейерверком?

– Бабушка на елку не согласится, – предположил сын.

– Тогда придумай умное убедительное доказательство. Ты же физик, в конце концов. Расскажи ей про то, как ДНК дерева перемешается с ее ДНК, и она возродится в елке. Мы ее под домом в цветнике посадим и будем вспоминать каждый раз, выходя из подъезда. Ну что-нибудь в этом роде, – лихорадочно размышляла я.

– Мам, это химия, а не физика, а про перерождение – это буддизм. Бабушка у нас не буддистка. Вряд ли я смогу рассчитать формулу, а бабушка вдруг уверует в реинкарнацию, – заметил сын.

Мама позвонила еще через два дня. Очень возмущенная.

– Что случилось? – спросила я.

– То, что ты не хочешь оставить после меня память, вот что случилось!

– Мам, очень хочу. Только не в восемь утра, пожалуйста. Я сейчас после себя готова память оставить, если что. Работала полночи.

– И чем тебе не понравился вариант со стеклянным шаром? – возмущенно поинтересовалась мама. – Потом бы и из вас сделали шары, дети бы смотрели и вспоминали предков.

– Ага, и трясли бы шары для своих детей, рассказывая, что это не снег сыплется, а прах бабушки или прабабушки. Отличное воспоминание детства.

– Я так и знала, что тебе не понравится! – обиделась мама и бросила трубку.

Про шар я сыну ничего не говорила. Видимо, он сам исключил этот вариант. Все-таки у меня очень разумные дети. Не в бабушку. Точно в меня.

– Мам, я придумал, как объяснить бабушке про дерево, – зашел на кухню радостный сын. Я чуть борщом не обварилась от неожиданности. – Действительно, можно закодировать ДНК предка в ДНК дерева. Так что бабушка станет каким-нибудь листочком или щепкой. Это не твоя фантазия, такое делают, представляешь? Я нашел статьи.

– И сколько стоит сделать бабушку щепкой? – уточнила я.

– Очень дорого, и у нас такое пока не делают, – признался сын.

– Не важно. Дерево – идеальный вариант. Ты же помнишь, что было с ее туей! Давай, объясняй бабушке про ДНК и щепки с листиками! – воскликнула я.

Тую бабушка привезла в подарок внучке на Новый год. Сказала, что все наши елки – не то, а туя, похожая на кипарис, – то. Туя росла в горшке. Мы ее украсили елочными игрушками, поставили рядом с елью, которая не то. Но туя начала загибаться раньше ели. Пришлось отдать ее нашей консьержке Эле, у которой легкая рука. Мне кажется, она палку воткнет, и та заколосится. Эля каким-то чудом вернула тую к жизни и весной посадила в палисаднике рядом с подъездом. Палисадник у нас цветет чуть ли не круглый год стараниями консьержки. Но туя оказалась строптивой. Что бы Эля с ней ни делала, дерево все равно не желало приживаться. Бабушка же требовала регулярного фотоотчета – как там поживает ее туя. Когда ее туя все-таки решила, что не готова расти в палисаднике, а время фотоотчета для бабушки припирало, я поехала в какое-то хозяйство и купила новое дерево. Продавцы смотрели на меня как на сумасшедшую, потому что я сверялась с фотографией маминой туи. Чтобы было один в один. Кое-как нашли похожую на замену, старую выкопали, новую высадили и сфотографировали. Бабушка радовалась – вот какую тую подарила, цветет и пахнет. А еще предупреждали, что климат не подходит. Все подходит. Зависит от того, кто подарил. Если бабушка – то туя лучше прежней стала. Конечно, лучше. Она же свежая, только из питомника. В общем, тую мы подменяли еще раза три – ни одна не желала колоситься. Наконец нашли какой-то гибрид, подкормку и так далее. Наш палисадник благодаря маминой тую стал лучшим во дворе. Неудивительно, учитывая, сколько денег я потратила на удобрения и сколько с этой тую возилась Эля, кляня все на свете. Туя до сих пор живет. Не колосится, но держится. Растет медленно, но пока не сдается. Как и Эля, которая мучает ее регулярным уходом. Кажется, дерево обалдело от количества влитых в нее удобрений и решило оправдать ожидания. Так утверждает Эля. Мол, деревья и цветы все чувствуют и не хотят расстраивать людей, которые о них заботятся. Даже береза, которая не очень была рада соседству с туюй, смирилась. Я очень благодарна за терпение и всем туюм, и Эле, которая меняла засохшее дерево на новое. Когда в гости приезжает мама, мы ей сначала демонстрируем палисадник с ее туюй и только потом поднимаемся в квартиру. Эля вслед клянется, что туя точно скоро станет кипарисом.

– Да, это – вариант. Не в первый раз пересаживаем, – заметил сын. – Фотоотчет ведь не придется отправлять.

– Да, согласна. Пусть будет туя с ДНК нашей бабушки.

Видимо, мама взяла время подумать, поэтому и не звонила. Наконец я позвонила сама, чтобы предупредить о гололедице и снеге. Что не стоит выходить на улицу в тонкой куртке и легких кроссовках. Мама сообщила, что не собиралась выходить, потому что у нее других забот полно. Например, подготовка к собственной смерти. Она решила, что туя ее не устраивает, она хочет, чтобы ее прах развеяли. Над тем местом, которое для нее дорого.

– И какое конкретно место? – Я даже перестала дышать, потому что не знала, какой из пунктов своей бурной жизни мама выберет.

– Хочу летать над Терекком. Хочу о себе им напомнить.

– Мам, может, над Тихим океаном? Ледовитым? Да любим! Зачем тебе Терек понадобился? Ты же говорила, что никогда туда не вернешься! – Я была даже не удивлена, а шокирована.

Мама уехала из Северной Осетии, из села, в котором выросла, в шестнадцать лет. И никогда в жизни не желала туда вернуться. То место над горной рекой, над которой она вдруг пожелала развеять собственный прах, было непростым. С того обрыва бросались в реку обесчещенные девушки, те, которые, как считалось, опозорили семью. Разгневанные односельчане собирались сбросить мою маму с этого обрыва трижды. Именно поэтому ей пришлось уехать из родного села, сбежать. И вдруг она решила туда вернуться. Пусть и в виде праха.

– Не думаю, что там существует церемония развеивания, – заметила я.

– О, я тебя умоляю. Заплати, и тебе любую церемонию устроят, – отмахнулась мама. – Только барашка не режь!

– Я что, согласно традициям, должна лично зарезать барана? Что-то я такого не припомню, – удивилась я маминому запрету на баранину.

– На поминки всегда барана режут. Мне не надо! Даже не думай! Все равно старого подсунут. И вообще я баранину с детства не люблю.

– Хорошо. А мы сейчас с тобой меню на поминки обсуждаем? – уточнила я. Кажется, на моем лице отразились все эмоции, несмотря на свежую порцию ботокса, который вроде как не позволял двигать мышцами лица.

– Да, а что такого? Лучше закажи речную форель. Она такая вкусная, ты не представляешь. Пусть на мангале сделают. И пироги обязательно. Только не с картошкой. С фасолью и с ботвой. Ну с мясом тоже можно. Еще хочу черемшу, только свежую, а не маринованную.

– Мам, я так, только уточнить... А если в момент развеивания праха будет не сезон ботвы и черемши, что делать? – Я решила записаться к косметологу для внеплановой порции ботокса во все места.

– Ой, заплати – и все. Тебе тут же все достанут! – Мама не видела никаких причин не достать свежую черемшу вне сезона. А также форель, которая вполне могла уплыть в другое место для нереста, или не знаю, какие там еще у форели бывают личные дела. Я допускала, что рыба не будет дожидаться момента, когда моя мама решит распорядиться собственным прахом, и дать себя выловить, чтобы поминки прошли достойно. И чтобы без барана, но непременно с речной рыбой.

– Мам, я не готова сейчас обсуждать твое поминальное меню, – призналась я.

– А что такое? – удивилась она.

– Ну хотя бы то, что ничего из заказанного ты не попробуешь. В силу естественных причин. Мам, какая тебе разница, что будут есть люди? Форель или барашка? Ты уже пеплом станешь к тому моменту, согласно твоим же пожеланиям! – заорала я. Ну согласитесь, очень непросто обсуждать подобные вопросы с собственной матерью, которая еще не летает пеплом, но хочет все контролировать.

– Ты хочешь сэкономить на поминках? Нет, ну не до такой же степени ты меня не любишь! – обиженно воскликнула мама и отключилась.

Ну да, не люблю. Не хочу обсуждать, что подавать на поминках – мясо или рыбу. Спасибо, что салат «Цезарь» не потребовала. И рулеты из баклажанов. Тогда можно было бы свадьбу устраивать. Свадьбы, поминки – везде салат и рулеты.

– Мам, я не хочу туда возвращаться. Ты же помнишь, как я ездила на могилу бабушки. Мне было тяжело. Это было не мое село, – напомнила я, когда мы созвонились в очередной раз.

– Ну ты же меня не слушала! Я предупреждала! Там давно никого не осталось, ни друзей, ни родственников! – воскликнула мама.

Да, это правда. Бабушка похоронена в осетинском селе, в прошлом мусульманском, что редкость для республики, на старом кладбище. Она русская, не мусульманка, не осетинка. Но кладбище находится рядом с редакцией газеты, где бабушка проработала всю жизнь. И всегда мечтала лежать по соседству. Тут же, рядом, типография – второй дом, в котором и я, по сути, выросла. Мама запрещала мне возвращаться в село. Точнее, не запрещала, но отговаривала.

Мне было восемнадцать, когда я захотела поехать на могилу бабушки.

– Тебе нельзя, – ответила мама. – Как ты появишься там без мужчины, без мужа? Что о тебе подумают? Бабушка была уважаемым человеком, ты не можешь ее опозорить. Выйди замуж, тогда поезжай, куда захочешь.

Я вышла замуж. Очень рано по нынешним временам.

– Мам, я хочу поехать на могилу бабушки, – сообщила я.

– Нет, ты не можешь. Что о тебе подумают? Да, муж есть, но нет сына-первенца. Бабушка была уважаемым человеком, ты не можешь ее подвести. Сначала роди мальчика.

Я родила мальчика-первенца. Когда сыну было года четыре, я опять собралась в село.

– Ты не можешь, – ответила мама.

– Сейчас почему?

– Бабушка была таким уважаемым человеком. Да, у тебя есть муж и сын, но что о тебе подумают? Скажут, больная, больше не можешь родить. Надо девочку. Помощницу по хозяйству, – объявила мама.

– А просто девочку можно? Не помощницу? – уточнила я.

Я родила дочь и, когда уже ей было года четыре, все же поехала искать могилу бабушки. Звонила маме, и она уводила меня в другую сторону кладбища. Специально. Но могилу я нашла. Ухоженную, не заброшенную. Значит, мама обманывала, говоря, что никого не осталось. Кто-то же ухаживал за могилой. Но я знала, что задавать маме вопросы бессмысленно. Не ответит. Она после похорон на могиле бабушки не была ни разу. Впрочем, как и на могилах своих мужей – мама вдова официально трижды, а неофициально я даже знать

не хочу сколько. Впрочем, этот статус позволяет ей вести себя неразумно. Когда она пытается прорваться без очереди в аптеку, например. Гордо объявляет, что она трижды вдова. Очередь расступается. Ну так, на всякий случай. Мало ли, может, это передается как вирус. Я бы тоже не стала связываться.

Последний мамин поклонник, которого она предупредила, что у него есть все шансы умереть раньше нее, объявил, что готов.

– Зато я умру счастливым, – заявил он.

Но мама отказалась выходить за него замуж. Ей нужен драматизм, а не розовые единороги. Кажется, историю с кремацией она придумала, чтобы добавить в свою и заодно мою жизнь каких-то эмоций – волнений, переживаний, споров, криков. Мама не может жить в состоянии покоя. Никогда не могла.

– Рано или поздно тебе придется столкнуться с тем, что тебя все предадут и ты останешься одна. Придется научиться выживать самостоятельно, принимать решения, – твердила она мне с детства. Тебе придется делать то, се, пятое, десятое. Но она имела в виду не бытовые трудности, финансовые проблемы, сложности переездов, а исключительно эмоции. Сжечь мосты и построить новые – это ведь так увлекательно. Переехать в другой город и жить во временке, бытовке, а не в московской квартире – это же так интересно. Для мамы, но не для меня. Когда она однажды сказала, что моей дочери, ее любимой внучке, придется научиться готовить, я чуть не задохнулась. Не могла говорить. Меня трясло. Да, мне еще в детстве пришлось научиться отрубить курицам головы, промывать бараньи кишки, готовить из ничего. Но я ни за что в жизни не пожелала бы такой судьбы своей дочери.

– Ей не придется, и я все для этого сделаю, – сказала я тогда маме.

– Зато ты все умеешь, разве это плохо? – удивилась она.

Да, я умею делать уколы, ставить капельницы на швабре, складывать рубашки, как в магазинах, завязывать галстуки разными узлами, клеить обои, шпаклевать, класть плитку и перетягивать мебель. Шить, вязать, штопать, вышивать крестиком тоже могу. Но не хочу. Меня жизнь заставила этому научиться. Но своим детям я такого опыта ни за что не пожелаю.

– Мам, почему ты все-таки решила, что нужна кремация? – спросила я.

– Не хочу, чтобы ты ко мне таскалась и тем более внуки, – ответила мама. – Ты же ответственная, будешь приезжать, цветы сажать, зачем тебе? Ты должна работать, делом заниматься. А проведешь полдня на кладбище, потом еще три лежать пластом будешь. Я знаю, еле бабушкины похороны перенесла. Думала, сама рядом лягу. Ты маленькая была, не на кого было тебя оставить. Вряд ли помнишь.

Я помнила, и очень хорошо. Мы тогда жили на Севере в только строящемся городке. Помню нескончаемый холод, свои отмороженные руки, пальцы, похожие на сосиски, примерзшие к ногам колготки. Вечно пьяную учительницу музыки и руководительницу хора, оказавшуюся шизофреничкой. Впрочем, все об этом знали. Никто не удивился, когда ее забрали прямо с урока. Мама вдруг сообщила, что уезжает. Я не удивилась – она так поступала всегда. Я осталась на попечении соседки по квартире: нам довелось жить в подобии коммуналки – мы с мамой в одной комнате, в другой – тетя Галя.

Тетя Галя вспомнила, что должна за мной вроде как приглядывать, когда пришлось вызывать сантехника – унитаз засорился. У меня началась менструация, я думала, что умираю. Мама со мной никогда об этом не разговаривала. Кажется, она думала, что я должна знать обо всем с рождения. Простыню я кое-как застирала, а разрезанное на куски полотенце смыла в унитаз. Про менструацию мне рассказывала не тетя Галя, а сантехник дядя Леша – отец трех дочерей. Как он говорил, у него все время над головой тряпки в доме висят. Он показал, как складывать марлю, как вкладывать вату. Как и чем лучше стирать – именно холодной водой и хозяйственным мылом. Только не горячей. Он же строго велел тете Гале дать мне вату и марлю – мол, мать приедет, с ней и рассчитаетесь. Дядя Леша же научил сворачивать вату аккуратно, заматывать в туалетную бумагу и после этого выбрасывать. Рассказал про цикл, велел обводить в календаре дату начала менструации, следить за регулярностью и обильностью. Я была в шоке, по-другому и не скажешь. Узнать от мужчины-сантехника то, что должна была узнать от матери, – это точно удивительный опыт.

Дядя Леша заходил в дом часто – то в одном подъезде прорвало трубу, то в другом засорилась раковина. Всегда поднимался к нам в квартиру и спрашивал, как я себя чувствую. Расспрашивал про

менструацию, есть ли боли, насколько обильные выделения. Однажды разговор подслушала тетя Галя и решила, что дядя Леша – маньяк. Рассказала моей маме про тот случай, когда она была в отъезде. Мама тут же оправилась в милицию, и дядю Лешу вызвали на допрос. Он со всем соглашался: да, интересовался, да, спрашивал. Почему? Потому что на Большой земле работал врачом-гинекологом. Был уволен с «волчьим билетом». Умерла его пациентка, больнице не нужны были проблемы. Он не был виноват. Переехал на Север, чтобы заработать. Гинекологи в новом поселении пока не требовались, а сантехники оказались очень нужны. На меня он обратил внимание, потому что выделения были слишком обильные и нехарактерные. Я была бледной, явно страдала от боли. Требовались анализы. Проверить. Риск геморрагического шока. Во время родов – огромной кровопотери. Какой резус-фактор? Какой семейный анамнез? Есть ли случаи срочных родов? Все это дядя Леша спрашивал у моей мамы в ледяном подвале, который временно приспособили под тюремную камеру.

Дядю Лешу я вспоминала часто. Он во всем оказался прав. Роды были срочные, и первые, и вторые. Но я настаивала на госпитализации заранее, за любые деньги, под любым предлогом, что списывали на нервное состояние. Резус-фактор – отрицательный, то есть еще и резус-конфликт. После первых родов мне делали переливание крови, после вторых еле восстановили, велел больше не показываться на пороге роддома. Не выходят. Меня. Я до сих пор сижу на гормонах.

Надо отдать должное моей маме. Дядю Лешу тогда отпустили, и, когда в поселке, быстро получившем звание «городского типа», появилась больница, он стал заведующим гинекологическим отделением. Спас много жизней – и младенцев, и женщин. Требовал оборудование, скандалил. С мамой они дружили все время, пока мы там жили. Когда маме уже в Москве поставили диагноз – рак матки, она позвонила дяде Леше. Он приехал, ругался матом. Никакого рака не оказалось. Потом они несколько дней пили коньяк и разговаривали. Беспробудно пили и так же беспробудно говорили. Обо всем. Больше дядю Лешу я не видела, не знаю, что с ним.

– Мам, а можно без лишнего драматизма? Допустим, я не буду бегать с тряпкой по твоей могиле, а просто закажу круглогодичный уход – сейчас на всех кладбищах есть такая услуга. Внуки приедут раз

в несколько лет, цветочек положат. Что такого? В чем трагедия? – спросила я.

Если честно, говорила с трудом. Пыталась шутить. Но я не могла признаться, что мне как раз нужно место, куда я смогу приходить хотя бы раз в год. Посадить цветы, провести рукой по памятнику, смахивая пыль или снег. Именно мне, дочери, хочется смотреть на мемориальную доску и знать, что разговариваю с мамой, рассказывать про внуков, советоваться. Да, я такая, занудная, приземленная. И да, из-за мамы я узнала, что такая доска называется мемориальная, а не могильная, как думала. Хочется спросить у мамы – зачем она заставила меня узнать об этом раньше времени?

А как я буду разговаривать с прахом, развеянным над Тереком? Это уже совсем странно. Мне что, к небесам обращаться? Зачем пугать близких? А что я скажу детям? Почему у всех бабушки лежат в земле, а наша летает не пойми где. И прийти на могилу не получится, потому что и могилы-то нет. На могилу цветы можно положить, а что полагается развеянному праху? Воздушный шарик запустить?

В общем, я очень надеялась, что мама передумает, как с ней случается почти всегда. Сегодня у нее кремация, а завтра она захочет стать частью ДНК дерева. Послезавтра решит упокоиться в земле в самом дорогом гробу, а еще через день вернется, например, к идее с фейерверком. Но нет, моя мама опять оказалась в своем репертуаре. Я точно решу стать ДНК дерева, фейерверком раньше нее.

– Мам, помоги выбрать эскиз, – пришла ко мне дочь. Ей четырнадцать, она все еще нежный цветочек, который я хочу оберегать от всех бед мира столько, сколько смогу. Учится в знаменитой художественной школе имени Серова. Обожает скульптуру.

– Для чего? – уточнила я.

– Бабушка попросила сделать ей эскиз для памятника. Только ты же знаешь, мы пока носы лепим, я целиком плохо фигуры леплю, – объяснила дочь.

– Какого памятника? – У меня внутри все похолодело.

– Бабушка хочет себе памятник поставить. Но они такие разные. Во дворе художки стоит бюст Сурикова. Но мы еще головы целиком не лепим. – Сима, кажется, была расстроена, что не может помочь бабушке с бюстом.

– Хорошо, я уточню у бабушки, что конкретно она желает видеть в эскизе, – пообещала я.

– Да, у меня еще физика и география, – ответила с облегчением дочь. Она очень ответственная девочка, чем пользуются не только учителя и одноклассники, но, оказывается, и бабушка. Если Симу о чем-то попросить, она не успокоится, пока не исполнит просьбу.

– Мам! Ты в своем уме? – позвонила я и начала кричать. Ну ладно, Вася, любимый внук привык к причудам бабушки, но зачем привлекать к собственным развлечениям еще и внучку?

– И что я опять сделала? – Мама говорила томно.

– Что сделала? Попросила собственную внучку нарисовать эскиз памятника! Это нормально, с твоей точки зрения? – орала я. – Ты бы еще ее попросила выкопать тебе могилу и потом закопать!

– Но она такая талантливая! А кого еще мне просить? Какие варианты? Симочка сделает лучше всех! У нее дар – в меня! – ответила мама, не понимая, чего это я воплю с утра пораньше.

– Мам, ты не рисуешь и не лепишь! Ты хоть понимаешь, что ребенок не может рисовать эскиз памятника на кладбище для своей бабушки? – У меня начал дергаться глаз.

– Ой, ну какая разница, какой эскиз делать? Это же творчество! – Мама искренне не понимала, в чем проблема. – Она такие прекрасные барельефы лепит. Присылала мне фотографии.

– Барельеф – это не надгробный памятник! – закричала я.

– Ой, ну что ты такая нервная уже с утра? Она же видела бюсты писателей, художников, которые уже умерли.

– Ты не Суриков и не Серов, и даже не Вера Мухина! – продолжала кричать я.

– Какая ты все-таки с утра неприятная. Не хочу с тобой говорить. Позвони позже! – Мама бросила трубку.

Ну да, я неприятная, а мама обиделась, что я не считаю ее Верой Мухиной или Серовым. Нормальная позиция. И моя дочь вполне может слепить бюст бабушки для ее надгробия. Все в порядке вещей.

У меня дергался не только глаз. Я разодрала себе шею. Начинаю расчесывать язвы под волосами. Едва успевают зажить, как снова что-то случается. Однажды я откинула волосы и показала язвы маме, чтобы она уже начала вести себя разумно. Все врачи в один голос

заявили, что все от стресса. Посоветовали лечить внутренне – антидепрессантами, а не наружно.

Мама посмотрела на мою шею и объявила:

– Ну, посыпь присыпкой или крахмалом. Крахмал даже лучше.

– Это не раздражение на попе младенца. Я нервничаю, поэтому расчесываю, – ответила я.

– Ну, намажь руки горчицей, я не знаю... – посоветовала мама.

Ну да, как в моем детстве. Если кто-то из детей сосал палец, ему мазали палец горчицей, чтобы отучить. При чем здесь нервы? Вообще ни при чем. Если кто-то из девочек накручивал на палец волосы, тербил кончик косы, их брили налысо, машинкой. Ну а зачем разбираться? Нет волос – нет проблемы.

– Мама, пожалуйста, я похороню тебя как захочешь и где захочешь, только не вовлекай в это внуков, – попросила я, уже расплакавшись.

В селе, том самом, где я выросла, к похоронам относились поделовому. Требовалось непременно соблюсти приличия. Мы всем классом ходили прощаться с нашей одноклассницей Зариной, умершей от менингита. Гроб стоял в доме на столе, и мы по очереди подходили и прощались. Обязательно нужно было плакать и целовать покойницу в лоб. Плакала я искренне и очень горько, а поцеловать так и не смогла, только наклонилась для вида. Потом мы отходили в сторону и ждали, когда остальные простятся. Я оказалась рядом с бабушкой Софой. Она была прабабушкой Зарины. Не знаю, что меня тогда потрясло больше всего: Зарина, лежавшая в гробу и совсем на себя непохожая, будто другой человек, или бабушка Софа, причитавшая, что Зариночка замерзнет в одном платице. Почему два или три на нее не надели? И платок не положили! Как она без платка-то? Бабушка Софа вставала и шла к шкафу. Поскольку я была рядом, то должна была ее поддерживать, помогая подняться и ходить.

– Платье надо на Зариночку еще одно, помоги снять с плечиков, – просила меня бабушка Софа. – Раз уж не надели, то хоть в гроб положим. Как она там в летнем-то?

Подбегала одна из родственниц и уводила бабушку Софу назад, усаживая на стул.

После этого я не спала несколько дней, без конца плакала, и моя бабушка запретила привлекать меня к участию в прощаниях и

поминках. Все соседи готовили поминальный стол, поскольку в доме покойного, согласно традициям, нельзя разжигать огонь, кипятить воду, готовить горячую еду. Так что девочки оказывались незаменимыми помощницами. Но мне не давало покоя поведение прабабушки Софы – почему она хотела надеть на Зарину несколько платьев? Мне снилась Зарина в гробу, облаченная сразу во все ее платья, и я просыпалась со слезами и криками. Наконец набралась смелости и спросила у своей бабушки, почему прабабушка Софа так переживала. Бабушка объяснила, что в те времена, когда прабабушка Софа была молодой, действительно существовал обычай надевать на покойного сразу несколько вещей, чтобы на том свете ему было во что переодеться. Поэтому прабабушка Софа так переживала, что Зарина замерзнет в летнем платье. Потом этот обычай ушел, но прабабушка Софа от переживаний про него вспомнила.

– А почему надо обязательно плакать? – спросила я. – Ты ведь никогда не плачешь на похоронах.

– Считается, что чем больше слез прольют по покойному, тем счастливее он будет на том свете. А я плачу, только не напоказ. Можно и внутри себя плакать так горько, что любую плакальщицу переплачешь, – ответила бабушка.

– А почему все так много едят на поминках? – уточнила я, много раз наблюдая за тем, сколько еды готовится.

– Это тоже из прошлого. Все, что съедают гости, достается покойному на том свете. Чем больше они съедят, тем сытее он будет там.

Моя бабушка всегда считала, что детям, особенно маленьким, и беременным женщинам нельзя ходить на похороны. Она написала статью в газете, где осуждала родственников, которые заставляли своих невесток, дочерей, находящихся в положении, готовить, подавать, ходить на кладбище. Бабушка была категорична в этом вопросе после того, как сначала Мадина потеряла ребенка, убиваясь по хозяйству после поминок, которые длились несколько дней, а потом Зарема, которую увезли в роддом прямо с кладбища. Она тоже потеряла ребенка. Мне бабушка ничего никогда не говорила, но все это происходило на моих глазах.

Когда я только забеременела сыном, умер мой свекор. Я сидела за рулем, развозила родственников, друзей. Работала такси. Выползала из

машины, добегала до ближайшего куста, где меня рвало. Если честно, я сама прощалась тогда с жизнью, не зная, от чего конкретно умру – от раннего сильнейшего токсикоза или чудовищной усталости. После этого попала в больницу на сохранение. Потом еще дважды. Сына пришлось вылеживать в буквальном смысле слова. Когда умерла свекровь, я была на восьмом месяце и не поехала на похороны. Отказалась наотрез. Родственники не поняли, но мне было все равно. Я хотела доносить сына, действовала интуитивно. Еще много лет спустя знакомые судачили, что я так и не появилась на кладбище.

Бабушка говорила, что беременным и влюбленным не место на кладбище. Нельзя туда заставлять ходить тех, кто ждет ребенка или свидания. Странное сравнение? На самом деле нет. Говорят же, что в катастрофах выживают или сумасшедшие, или влюбленные. Беременные – те же сумасшедшие, а у влюбленных вообще своя вселенная. Но и тем, и другим не стоит напоминать о том, что есть реальная жизнь. Они должны жить своими чувствами, пусть и вызванными переизбытком гормонов. Если это не прожить, не сможешь потом сострадать, переживать. Чтобы понимать, что чувствует преданный влюбленный, нужно испытать любовь. Чтобы понять чувства матери, на что она способна ради ребенка, как ни крути, нужно стать матерью. Чтобы описать трагедию, нужно иметь соответствующий опыт. Нужно страдать, чтобы понять. По-другому не бывает.

Бабушке в результате удалось убедить местное население, напомнив о древних традициях – детям и беременным не место на кладбище.

Возможно, мама, решившая устроить торжественное развеивание собственного праха, действовала из тех же древних побуждений – не заставлять детей и внуков участвовать в похоронах, не заставлять их переживать боль. А потом еще раз, снова и снова, приходя на кладбище, убирая могилу. У каждого свой способ общения с умершими – я с бабушкой разговариваю если не каждый день, то через день точно. Спрашиваю у нее, как справиться с нагрузкой, как написать текст, который не пишется. Мама как-то призналась, что разговаривает с бабушкой дважды в день – про меня рассказывает, про внуков, ее правнуков, просит проследить за нами оттуда, с небес. Если что, мама не верит ни в бога, ни в черта. Но верит в бабушку, которая

способна с небес отвести от нас все беды. А я верю, что у нее это получается. Если у меня и есть ангел-хранитель, то это моя бабушка.

Мама, когда я забеременела сыном, твердила: «На няню ты должна заработать сама, нельзя допускать, чтобы ты просила деньги на молоко у мужа». Да, в декрете я была месяц. И на няню всегда зарабатывала сама. Когда родилась дочь, я не работала две недели. Мой муж ушел в официальный декретный отпуск. Его провожали всем коллективом, даже вечеринку устроили по такому случаю. Он был первым мужчиной, которой официально оформил декрет. Восторженная его поступком секретарша звонила и спрашивала у меня, с какой начинкой заказать торт, какую мой супруг больше любит. Он был героем в глазах женской части коллектива. Супруг гулял с коляской по парку, а я уходила спать в кабинет, оставляя его в детской. Он вставал по ночам, разводил смесь, кормил, убаюкивал дочь в пять утра, давая мне выспаться. Я не считала это подвигом, геройством, о чем мне напоминали буквально все, включая собственную мать. Мол, я должна молиться на такого мужа. Молиться на него я не собиралась, потому что никто не молится на мать, тянущую на себе весь быт – от готовки, уборки до отведи-приведи на секции, занятия. Плюс магазины, плюс врачи, расписание, логопеды и бог знает что еще. У меня есть многодетные подруги, которые много лет везут на себе этот груз, и я ими искренне восхищаюсь. Я бы так не смогла, честно. Быт убивает творчество, мысли, чувства. Когда счастьем становится возможность выйти хоть куда-то в одиночестве, без детей, на несколько часов – встретиться с подругами, уехать в другой город, пойти в кино, – это уже событие. Нельзя радоваться малому, что допускается. Надо позволять себе удовольствие тогда, когда захочется. И если это удовольствие, счастье, радость – в работе, надо работать. Если в материнстве – заниматься детьми и домом. В кулинарии – печь торты и пирожные. Не важно, чем заниматься, лишь бы это приносило огромное удовольствие. Если муж против, не понимает, то зачем нам такой муж, как говорила одна женщина, которую я очень уважала. Ей было много лет, она всю жизнь прожила в одном браке и сохранила удивительное чувство юмора, несмотря на беды, проблемы и совсем не легкую жизнь.

– Дорогая, с невестками лучше закрыть рот и открыть кошелек, – твердила мне она. Тогда я ее не понимала. Поняла сейчас, когда

перспектива стать свекровью стала слишком близкой. Есть еще одна древняя армянская пословица для свекровей: когда общаешься с невесткой – оглохни на одно ухо, ослепни на один глаз и онемей на половину языка. С избранницами сына я именно так себя и веду, хотя очень хочется закричать классическое: «Таких Кать (Лен, Свет) у тебя еще штук десять будет!» Но я молчу, улыбаюсь, дарю подарки. Сыну я сказала, что буду любить каждую его избранницу как родную дочь. Лишь бы ему было хорошо. И если он с кем-то расстанется, мама точно будет ни при чем.

– Мам, привет, ты как? – позвонила я.

– Мне не нужно надгробие.

– Что-то изменилось за сутки? Ты передумала умирать?

– Ты такая нервная из-за этого стала. Не хочу тебя расстраивать, – ласково ответила мама.

– Так, а на самом деле?

– Говорю же, не хочу, чтобы ты из-за меня переживала. – Мама явно переигрывала, добавив в голос излишний энтузиазм.

– Давай мы пропустим вступление и перейдем к сюжету, – попросила я.

– Как же тяжело с тобой общаться! Я понимаю, ты творческая личность, тонкая натура...

– Мам! Говори, что нужно! – рявкнула я, как не положено делать тонкой натуре.

– Новый телефон. Старый совсем уже плохо работает.

Ну да, телефон для мамы оказался важнее надгробия. Она решила, что лучше я куплю ей новый телефон, а с надгробием, урнами потом разберемся.

– Ну и хорошо, – обрадовалась я.

– Только чтобы камера была хорошая.

– Зачем? Ты хочешь стать вебкам-моделью? – Я пыталась пошутить.

– И ничего смешного! – обиделась мама и отключилась.

Я пришла к мужу с сообщением, что его любимой теще нужен новый телефон, потому что, возможно, она решила стать вебкам-моделью.

– Это кто? – спросил супруг.

– А у твоей тещи такой вопрос не возник. Она знала, о чем идет речь, – заметила я.

– Мам, мы можем бабушке поставить родительский контроль, если хочешь, – пришла ко мне Сима.

– Ты знаешь, как его ставить? – удивилась я.

– Конечно. Даже знаю, как его обходить. Я же в ай-ти-классе учусь. У всех детей стоит родительский контроль, – ответила дочь.

– У тебя нет, – пожала плечами я.

– Да, я знаю. Хоть сама себе ставь, чтобы не отличаться от одноклассников.

– Думаю, бабушке стоит. А можешь поставить программу, которая будет отслеживать ее местонахождение? – спросила я.

– Конечно. У всех детей вообще-то стоит, – заметила немного обиженно Сима. – Поставлю бабушке для твоего спокойствия.

– Господи, это какой-то дурдом. Бабушка просит внучку нарисовать эскиз памятника, а внучка собирается поставить родительский контроль на бабушкин телефон...

– Мам, жизнь такая, не переживай. Вы с папой просто из прошлого века, поэтому за детьми не следите, – ответила Сима. – Вы же считаете, что неприлично читать чужие письма, хотя давно все делают скрины личной переписки. Так, на всякий случай.

– Да, теперь я буду мечтать о голубиной почте, – ответила я.

Бабушке вручили новый мобильный телефон, книжки и прочие подарки. После этого она закрылась с внучкой в комнате под предлогом изучить новые приложения и прочее – куда, собственно, нажимать.

– Что бабушка попросила загрузить? – уточнила я после.

– Приложение для знакомств в Сети и что-то связанное с криптовалютой, – ответила равнодушно Сима.

– Я так и знала! – воскликнула я.

– Мам, не волнуйся, я бабушке все объяснила. На все карты поставила защиту от мошенников.

– Господи, спасибо, что мне достались разумные дети. Что они пошли не в бабушку! – воскликнула я.

– Симочка, хорошо, а за двадцать процентов? – В комнату влетела мама.

– Бабушка, пополам, я же сказала. Пятьдесят. Мои риски такие же, как твои, учитывая маму, – ответила, не отрываясь от собственных дел, дочь.

– Ну, она вся в меня! – восторженно воскликнула мама.

– Мам, я даже знать не хочу, во что ты собиралась втянуть свою внучку, – отмахнулась я, стараясь справиться с глазным тиком.

– Во что такое ужасное я могу ее втянуть, если нахожусь при смерти? – возмутилась мама. – Наоборот, хотела под конец жизни сделать что-то хорошее и полезное, чтобы вы меня вспоминали добрым словом и с благодарностью.

– Кстати, помнишь тетю Майю? Нашу соседку в селе? – спросила я у мамы.

– Не помню. Не было такой соседки никогда, – ответила резко мама, как делала всегда, когда речь шла о селе, в котором она выросла. И в которое вдруг решила вернуться в виде праха. – И почему ты о ней заговорила?

– Не знаю, просто приснилась мне тут на днях. И велела не везти твой прах в село. Говорила, что, если развею твой прах над Терекон, река из берегов выйдет, наводнение случится, катастрофа, – ответила с серьезным лицом я. Пыталась шутить. А что еще остается делать, когда твоя мать собралась летать прахом, но, кажется, в виде криптовалюты? Конечно, никто мне не снился. Тем более не приходили призраки мертвых. Даже дочь хмыкнула. Но мама шутки не поняла. Открыла рот, чтобы что-то ответить, потому что последнее слово всегда должно оставаться за ней, но промолчала. Тут уже удивилась я.

Тетя Майя – грузинка, которую провидение, как и мою русскую бабушку, занесло в североосетинское село, – не была ближайшей соседкой или близкой бабушкиной подругой. Но мне она очень нравилась. Они обе отличались от остальных жительниц села. Бабушка – независимостью, карьерой: стать главным редактором районной газеты, будучи женщиной и не местной жительницей, – это революционное достижение для тех лет. Тетя Майя отличалась особым юмором. Обычно никто не понимал, когда она шутила, потому что все произносила с непроницаемым лицом. Как сказали бы сейчас, с «покер-фейсом». Но я любила шутки тети Майи. До сих пор ее вспоминаю и улыбаюсь.

Она меня называла «твар». Все в селе называли дидиной – цветочком. Только тетя Майя, обнимая и целуя меня при встрече говорила «твар».

– Бабушка, как это переводится с грузинского? – спросила как-то я.

– Не знаю, – призналась бабушка.

– Тетя Майя, что такое «твар»? Почему вы меня так называете? – спросила я у соседки, когда она в очередной раз пыталась задушить меня в объятиях.

– Любимая, значит. Самая красивая, самая лучшая на свете.

Тетя Майя, как я потом узнала, так произносила «тварь». И она имела в виду не бранное слово, а исконное значение. То, что сотворено Богом. Творение, создание, существо. Тетя Майя считала меня уникальной.

Она часто вспоминала свой родной город, в который мечтала когда-нибудь вернуться. И рассказывала мне о нем. Я была благодарной слушательницей. Все происходило в те часы, когда тетя Майя учила меня печь хачапури по-аджарски, отличать их от тех, что по-мегрельски и по-имеретински. Для аджарских нужно скрутить тесто в форме лодочки, сверху обязательно идет яйцо. Если по-мегрельски, то сыр кладется не только внутрь, но и сверху. До сих пор, кстати, мои осетинские пироги больше напоминают хачапури.

Что вспоминала тетя Майя? То, что меня завораживало и я хотела однажды увидеть.

Она рассказывала про узкие улочки, резные балконы, переулки, которые могут увести в другую сторону, в новую, неожиданную жизнь, если решишься по ним пойти. Еще она часто рассказывала про дождь, обрушивавшийся на город спонтанно, когда ничто не предвещало. Разве что белье, сушившееся на балконе. Оно вдруг начинало «немного летать туда-сюда». «Стихия смеялась над зонтами!» – восклицала тетя Майя. Я опять не понимала – в селе никто не ходил с зонтами. Если шел дождь, никто из дома не выходил. Только тетя Майя гордо шествовала в одиночестве под зонтом. В селе с ней боялись связываться – попадешь на ее острый язык, так обрежешься, что лучше не надо. Тетя Майя же любила эти дни, когда шел проливной дождь, все сидели по домам, и село будто принадлежало ей одной. Она хотела

вспомнить ощущения того дождя, теплого, как в ее детстве, но так и не получилось.

А после дождя, ливня, как рассказывала мне тетя Майя, асфальт был усыпан цветами, будто кто-то специально разбросал их, как перед молодоженами. В селе никто не разбрасывал цветы перед молодоженами, поэтому я не могла представить, как это бывает. Тетя Майя говорила, что ничего красивее в жизни нет. А еще абсолютное счастье, когда ливень вдруг сменяется пронзительным солнцем. И становится так жарко, что белье на веревках, измоченное до последней нитки, высыхает за минуты. Радуги нет, не бывает, никогда не видела. Но если пойти в парк, на каплях на цветах остаются удивительные узоры. И лужи, подсыхающие на глазах, – удивительное зрелище. Настоящее чудо. Капли тоже испаряются на твоих глазах. И вдруг снова становится душно и жарко.

Сейчас я гуляю по парку и вижу листья, прибитые дождем к дорожкам. Их не успели смести дворники, вооруженные специальными трубами-сдувалками, работающими на керосине. Запах и звук – на весь парк. В те редкие дни, когда листья бессмысленно сметать, дорожки покрыты ковром из них. Это невероятно красиво. Кажется, я начала понимать, о чем так тосковала тетя Майя.

Как-то я бежала по улице в слезах. Тетя Майя меня увидела и завела в дом. Сварила кофе на молоке – чайная ложка кофе, две сахара, залить молоком, я и сейчас так варю своим детям. На таком кофе я выросла. Наверное, это был предок рафа, не знаю. Но вкуснее в сто раз.

– Почему ты плачешь? – спросила тетя Майя.

– Мама на меня сердится, не знаю, за что. Опять назвала Маргаритой, – призналась я.

– Ты знаешь, что сама можешь выбрать себе имя? – не поняла моих страданий тетя Майя.

– Как это?

– У нас по традиции у ребенка есть три имени, чтобы защитить его душу от злых духов, которые хотят забрать ее себе. Первое имя дает мать. Это имя нельзя раскрывать никому. Второе имя дает отец. А третье – братья, сестры. Получается тройная защита. Возможно, твоя мама тоже хотела защитить тебя от духов, называя разными именами... Раз у тебя нет отца, братьев и сестер. Не сердись на нее.

– Мама не верит в духов, – ответила я.

– Никто не признается, что верит, – пожалала плечами тетя Майя.

Бабушка называла меня Манечкой, муж – Марусей, мама – Маргаритой, Марго, иногда проскальзывало Маня. Но никакое из имен я не могу выбрать ни вторым, ни третьим. Мария – так всегда звали мою бабушку. Я хочу, чтобы ко мне обращались так же – пусть, согласно древним обычаям, этого пока не заслуживаю.

Когда кто-то из соседок жаловался на здоровье или жизнь, тетя Майя всегда возмущалась:

– Сколько ей лет? Семьдесят? Зачем жалуется? Еще девочка!

Тете Майе тогда было за восемьдесят, но никто в это не верил. Она даже во двор выходила с прической, свежим маникюром, в украшениях.

– Дорогая, запомни, если позволишь себе вынести мусор, не сделав прическу, потом не захочешь делать маникюр. Если женщина не хочет делать маникюр, она перестает быть женщиной. Или ты хочешь испортить репутацию? Пусть лучше люди судачат о твоих драгоценностях, любовниках и новом платье, чем забудут о тебе вовсе. Женщина всегда должна быть интересна репутацией. Никому не мешало ее немного испортить. Тем более новым платьем. Но лучше любовником, поверь мне. Когда за мной стал ухаживать Серго, он был на десять лет младше, хотя тоже вдовец, о, я стала самой популярной вдовой! Мужчины в очередь выстроились, чтобы составить мне счастье! Им было обидно, что я выбрала Серго!

– Вы вышли за него замуж? – спросила я.

– Господи, зачем? Мне достаточно было слухов! – удивилась тетя Майя. – Я сходила на несколько прекрасных свиданий, а именно этого мне так не хватало. Когда хочешь что-то сделать, сформулируй мысль – что конкретно ты желаешь? Если замуж, то зачем тебе Серго? Если романтику, то без Серго никак не обойтись.

– То есть те мужчины, которые за вами ухаживали из ревности к Серго, не собирались на вас жениться?

– Нет, конечно! Мужчине нужно себе доказать, что он обошел соперника. Многие мужчины – не воины, так, танцоры. Еще поют хорошо, – рассмеялась тетя Майя.

– В смысле – поют? – не поняла я.

– Голосом. Так красиво говорят, так приятно! Только это всего лишь песня, понимаешь? – Тетя Майя улыбалась, но грустно.

– Вам не было обидно?

– Почему? Я тоже не хотела замуж. Но послушать комплименты – какой женщине не будет приятно? Ты еще очень молодая. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, поймешь – маникюр с педикюром ты делаешь для себя, а не для свидания. Хочешь ощущать себя женщиной, никакой Серго тебе для этого не понадобится.

Да, этот урок я запомнила. Замуж не собираюсь, но маникюр и педикюр делаю регулярно, чтобы патологоанатом не подумал обо мне плохо.

Однажды к тете Майе приехала погостить родственница – троюродная племянница или что-то вроде того. Девушка поначалу держалась, улыбалась, но вдруг залилась горячими слезами.

– Дорогая, ты так рада меня видеть, что слезы льешь? – Тетя Майя поставила перед девушкой чашку с кофе.

– Нет, я очень рада, спасибо, что приняли, – ответила родственница. – Не могу там больше.

– Дорогая, я тоже здесь больше не могу, но что делать? Думаю, забор перекрасить, как считаешь? Или мебель новую купить. – Тетя Майя спокойно пила кофе. – Хочу стулья новые, чтобы спинки были не прямые, а круглые. Но кто здесь понимает про стулья, скажи мне? Никто. Я нашла одного мастера, показала ему рисунок стула, какой хочу, так тот сам чуть со стула не упал. Я говорю, сделайте, мне все завидовать будут, к вам придут за такими спинками. Зачем мне в моем возрасте сидеть ровно, я хочу сидеть развалившись. Так хорошо моей спине. Так что, у тебя жених есть? Давно?

– Да, – кивнула родственница, видимо, не ожидая перехода от стульев к личной жизни.

– И что? Он глупый, да? – уточнила тетя Майя.

– Очень умный. Институт с красным дипломом окончил, – ответила девушка.

– О, при чем тут его красный диплом? Очень глупый мужчина твой жених, – решительно заявила тетя Майя.

– Почему? – не поняла девушка.

– А разве умный, что еще не женился на тебе вчера? Зачем тебе такой мужчина, который своего счастья под носом не видит? – пожалала плечами тетя Майя. – Мы тебе сейчас умного найдем, который хорошо видит и косоглазием не страдает. На других смотреть не станет, как твой.

– Откуда вы знаете? – ахнула родственница.

– О, а то ты мне новость сообщила! – возмутилась тетя Майя. – Все глупые мужчины страдают косоглазием – на других засматриваются.

Она быстро сосватала родственницу за достойного жениха. Свадьбу играли долго, на два села. А я с тех пор так и запомнила. Если мужчина не хочет жениться, значит, очень глупый и косоглазый в придачу.

Тетю Майю я вспоминала чаще, чем других соседок. Оказавшись в Тбилиси, на знаменитом Сухом мосту, блошином рынке, долго стояла над килимом – старым ковром, испещренным дырами и потертостями. Решила купить.

– Зачем тебе такой старый ковер? Купи новый, – удивился продавец. – Сто долларов, если очень хочешь.

– Почему сто? Написано тридцать? – в свою очередь удивилась я.

– Ну, если ты хочешь купить дырки, значит, они сейчас столько стоят, – пожал плечами продавец.

– О, если я хочу заплатить за дырки тридцать долларов, это я сошла с ума, а не все покупатели! – возмутилась я, копируя акцент тети Майи, что давалось мне легко.

– Дизайнер? – уточнил продавец. – Бери свои дырки.

– За двадцать возьму, – продолжала торговаться я.

– Откуда ты такая взялась? – возмутился продавец.

– Бабушка грузинка, гурийка, – соврала я, вспоминая тетю Майю. С гурийскими женщинами никто в здравом уме не торговался, да и не связывался. Это стихия, а не женщины. Катастрофа, если начнешь им возражать. Землетрясение, если поспоришь. Вулкан, если откажешь.

– Бери за пятнадцать и уже уйди! – замахал на меня руками продавец.

Еще помню, как тетя Майя, глядя, как я, маленькая, достаю из-за пазухи гусеницу, а из кармана платья жука, говорила:

– Это не ребенок, а юннат какой-то.

После этого я была обречена на мытье головы и прочие гигиенические процедуры, которые терпеть не могла, и считала тетю Майю предательницей, раз меня сдала. Подумаешь, ветки в волосах и ноги черные от грязи? Не повод устраивать мне внеплановую помывку!

В моем детстве мытье считалось наказанием. Потому что для этого нужно было натаскать несколько ведер воды из уличной колонки, подогреть на печке, для чего притащить бревна из сарая. Потом позволить намазать голову вонючим дустовым мылом, которое считалось средством от вшей и для роста волос. Потом долго лежать в тазу с раствором ромашки так, что шея затекает. А после этого растирать тело жесткой мочалкой до скрипа и красноты – иначе никак.

– Так ты помнишь, что я решила умереть? – закричала мама в трубку.

Я позвонила спросить, все ли хорошо.

– Конечно, помню, ты мне об этом каждый раз напоминаешь.

– Я решила – хочу красивую урну в виде вазы, – объявила мама.

– Хорошо. Ты хочешь транспортироваться поездом или самолетом? Понимаешь, у перевозчиков могут быть разные требования к перевозке праха, – заметила я.

– Ну почему ты всегда все усложняешь? – воскликнула мама.

– Это не я. Перевозить прах – это все равно, что домашних животных. У каждой компании разные требования. Тебя провозить ручной кладью или сдать в багаж? Если что – в ручной клади я тебя провезти не смогу, это если на самолете. Так что придется сдавать в багаж. Там одна проблема – нужно указать имя получателя. У тебя есть кто-то, кто готов был бы тебя принять в виде праха? С поездом еще сложнее. Нужно официально уведомить работников РЖД, поместить твой прах сначала в каменную или металлическую урну, потом в деревянный контейнер, который требуется обшить тканью. Вдруг ты решишь выветриться по дороге? Поэтому такая тройная защита. Надеюсь, ты не попросишь внучку сшить чехол на контейнер. – Я уже не просто нервничала, а была в истерике.

– Не хочу тебя даже слушать. Ты такая злая сегодня! – объявила мама и отключилась.

Через неделю мама решила пока не умирать. Да, она по-прежнему настаивала на кремации, но уже не требовала развеивать ее прах над Теремом. Была согласна стоять на моей прикроватной тумбочке или в коридоре в виде вазы. Она собиралась к нам в гости, мы готовили подарки – книги, новый спортивный костюм, рисунки внучки, чтобы повесить на стену. Мама сказала, что нашла новый салон, где ей сделают маникюр. Иногда, чтобы не умирать, достаточно найти салон или ждать подарка в виде спортивного костюма или рисунков любимой внучки. Или узнать, какие проблемы возникнут у родственников в случае транспортировки праха.

Работа души

Тамара – наша соседка по подъезду. Она, конечно, удивительная женщина. Во-первых, бодипозитивная, но периодически садится на диету. Это тяжелое время не только для ее семьи – мужа и единственного обожаемого сына Альберта, которого Тамара ласково называет Берти, – но и для всего подъезда. Тамара худеет «к случаю». И все помнят, чем закончился последний «случай».

Наша всеми любимая соседка худела к юбилею – серебряной свадьбе, – чтобы надеть платье, в котором выходила замуж. Муж заклинал, что не надо. Берти умолял, что не надо. И так красиво, а платье – купи любое, какое захочешь, за любые деньги. Но нет, если Тамара видела перед собой цель, препятствия должны были быстренько сдвинуться в сторону, чтобы она их даже не заметила. Тамара решила гулять быстрым шагом по парку, чтобы заодно приобрести девичий румянец. Но не могла же она просто так ходить – гуляла с орехами для белочек. И за неделю так раскормила всех белок, что те стали воротить носы от семечек. Кажется, они даже узнавали Тамару, кормившую их исключительно фундуком и грецкими орехами. Белки сбегались к ней дружной толпой, а к остальным дамочкам, пытавшимся их накормить, даже не подходили.

– Тетя, тетя, сделай цирк! – просили Тамару дети, и тетя «делала цирк»: стучала одним нечищеным орешком о другой, и на этот звук, кажется, со всего леса прискакивали со всех лап, ломая ветки, белки. Так что уже через несколько минут Тамара стояла, облепленная грызунами.

– Они вообще-то кусаются, – предупредила ревниво одна бабушка, которая тоже хотела покормить белок.

– Они дурные, конечно, даже бестолковые, но не самоубийцы, – рассмеялась Тамара. Белки действительно брали орехи с ее руки аккуратно, даже нежно, разве что спасибо не говорили. Как-то раз одна белка начала икать, и Тамара собрала целую поляну благодарных зрителей, показывая, как икают белки, и изображая их. Дети хохотали и требовали продолжения спектакля. Тамара предложила детям самим изобразить, как белки икают, кашляют, чихают. Через час в парк

приехала администрация, чтобы выяснить, что это за незапланированная экскурсия и мастер-класс. Администраторам продемонстрировали икающих белку и детей, а еще счастливых мам и бабушек. Администрация доела те орехи, которые не достались белкам и уехала, отчитавшись в соцсетях о прекрасном уроке по природоведению. Тамаре выдали грамоту. Белкам поставили новые кормушки в рамках мероприятий по развитию любви к животным. Птицам тоже прилетело – новые скворечники и кормушки.

В общем, белки толстели, а Тамара села на жесткую диету, и весь подъезд ходил по струнке и по стенке. Тамара не шутила, не смеялась, а ходила грустная и понурая.

Вход в подъезд украшала клумба-вазон. Бетонная. Кто и когда ее туда поставил, никто не помнил, но эта клумба всем мешала – летом в цветах заводились пчелы, зимой все боялись поскользнуться – упадешь на вазон головой, считай, труп. Передвинуть никто не мог, как ни пытались. Эта клумба стояла с момента постройки дома и, возможно, вросла бетоном в бетон. Хуже вазона был только декоративный, никогда не работавший фонтан около первого подъезда соседнего дома. С херувимом во главе. Херувимчик был толстым и очень неприятным внешне. Можно сказать, злым. Неизвестно, с кого лепил скульптор это создание, но точно не с ребенка. Скорее, с тещи, учитывая взгляд исподлобья и сжатые в тонкую полоску губы. Зато щеки были – что надо щеки. Второй и третий подбородки тоже удались. Некоторые бабушки убеждали внуков съесть котлетку, супчик и обязательно пюре, показывая на гипсового монстроподобного младенца в качестве примера. Дети, глядя, во что они могут превратиться, вообще наотрез отказывались от еды. Некоторые малыши так и вовсе плакали от ужаса, потому что херувим выглядел не как милый ангелочек, а как злая тетечка, да еще и с крыльями. Почти все жильцы подъезда умоляли снести если не фонтан, то хотя бы херувима, но никто не знал, как фонтан вообще появился на придомовой территории. Это была частная инициатива или стихийно-государственная по благоустройству района? Так бывает, когда ломают только что построенную детскую площадку или перекладывают бордюр, положенный полгода назад. Если частная, надо спрашивать разрешение владельца, если в рамках благоустройства, то сносить никак нельзя – подсудное дело.

Тамара вышла на улицу, едва кивнув консьержке, хотя обычно останавливалась и общалась. Потом вышла и, как рассказывали потом соседи, долго стояла около подъезда. Подумали, может, такси ждет? Но точно была голодная, по глазам видно. А дальше, как свидетельствовали в красках очевидцы, Тамара поднялась на ступеньки и одним рывком – вот чистая правда, одним рывком, – сорвала вазон и точным движением сбросила его в палисадник. Да так, что ни один цветок не пострадал. Вазон встал аккуратно и от ужаса вроде как уменьшился в размерах.

– Слава тебе господи, – сказала присутствовавшая при этом Мария Михайловна с четвертого этажа. Именно она больше всех опасалась удариться виском об вазон. Даже больше, чем перелома шейки бедра боялась. Восемьдесят два года – и что теперь, не жить?

После этого, как рассказывала Мария Михайловна, Тамарочка – так она ее называла – отправилась к соседнему дому. Мария Михайловна, забыв про шейку бедра и возраст, прытко посеменила следом. Когда было надо, она умела семенить очень быстро. Доставку на велосипедах могла обогнать. И вот там Тамарочка пошла в подсобку к дворникам и вернулась с топором и молотком. После этого снесла на фиг херувима с фонтана. В рассказах соседям Мария Михайловна каждый раз с восхищением подчеркивала это «на фиг». Проходившие мимо мамы с колясками замерли на месте. Дети, как утверждала Мария Михайловна, смеялись, радовались и хлопали в ладоши. Дворники присели от ужаса. Старшая по подъезду, выскочившая на страшные звуки, забыла, зачем выбегала, и на всякий случай побежала в магазин за хлебом.

– Вы ничего не видели, – рявкнула Тамара.

– Не видели, ничего не видели, совсем ничего, – залепетали дворники. – Вот так глаза закрыли, уши закрыли, инструменты вообще не наши, если что! Кажется, они несколько раз добавили обращение «хозяйка». Мол, хозяйка, вообще ослепли.

– Уберите здесь, – махнула рукой Тамара. – Развели грязь.

– Хорошо, хозяйка, не волнуйся так, хозяйка, сейчас все уберем, – кивали дружно дворники.

На третий день жесткой диеты Тамара пришла к Светлане – тихой, неприметной соседке. Тут уже я была виновата. Столкнувшись с Тамарой в лифте, призналась, что не могу работать. Как только

сажусь вечером писать, Светлана, живущая этажом выше, начинает звонить всем родственникам. Так громко разговаривает, что я ее слышу не только в собственной ванной, но и на кухне. Не могу сосредоточиться на работе, потому что сконцентрирована на семейных проблемах Светланы. Такая милая и тихая с виду женщина, неприметная, но, как оказывается дома, превращается в ходячий громкоговоритель. Даже в матюгальник. Начинает вопить так, что с ума можно сойти. На децибелах разговаривает. Как ее семья терпит? Тамара пришла к Светлане и объяснила, что не только семья страдает, но и соседка снизу, писатель, между прочим. Так страдает, что работать не может. Поэтому лучше говорить тише. Вот совсем тише, чтобы вообще не было слышно. Соседка, кажется, обиделась и старалась не сталкиваться с Тамарой. Мне Светлана приветливо улыбалась, не опознав во мне ту самую страдающую писательницу. Муж Светланы тайно передал через консьержку для Тамары орехи в шоколаде, причем в разных видах – и фундук, и миндаль, и в белом шоколаде, и в молочном. Специально узнавал, что именно понравится Тамаре: консьержка призналась – берите орехи в шоколаде, не ошибетесь. Муж Светланы был счастлив – жена не орет на весь дом, такая тишина настала, что просто счастье. Даже голова перестала болеть, а так – каждый вечер мигрень разыгрывалась от ее голоса. Нет, в молодости такого не было – с годами развился противный голос и появилась привычка кричать на весь дом.

Это я к тому, что все были рады. И я, и муж Светланы, и весь подъезд, то есть два, считая подъезд херувима. Тамара плюнула на диету и снова стала веселой и приветливой. Не могла же она себе отказать в орехах!

Торжество пришлось отменить. Тамара объявила мужу, что хочет отправиться в романтическое путешествие, а не сидеть в ресторане, как двадцать пять лет назад. И больше худеть не желает. Надоело. Тот был только рад этому решению.

Когда Тамара выходила из себя, всегда объясняла всплеск эмоций генами бабушки-армянки и прадедушки-грузина. Или наоборот. Не важно. Но в момент переживаний или волнений она действительно переходила на язык предков. Говорила с грузинским акцентом или вставляла в речь армянские слова. Когда Тамара садилась на диету,

часто вообще забывала, как говорить по-русски, хотя родилась и выросла в Москве. Вышла замуж за русского, Колю, которого в Тамариной семье называли Ника или Никуша. Если Тамара забывала, как говорить по-русски, всем следовало скрываться в ближайшем парке, как партизанам в лесу. А лучше в бомбоубежище. Коля, например, возобновлял ежедневные пробежки. Сын Альберт, студент, не пропускал первые пары в институте.

Несмотря на необъятные формы, Тамара каждый день на удивление легко впрыгивала в свой здоровенный внедорожник и уносила по бесконечным делам. Каким именно? Даже законный муж боялся уточнять. Надо – значит, надо. Она могла сказать, что едет на маникюр, а вернуться с мешком картошки или корзиной, полной грибов. Просто по дороге помогла завестись «дедуле», как рассказывала Тамара, и тот в знак благодарности отдал ей мешок картошки, который вез с дачи. Она могла поехать на заправку и выдать таблетку от давления, сердца и всего остального женщине, которой стало плохо. Устроить на заправке лазарет и успокоиться только после того, как уже откачанную ее усилиями женщину осмотрели врачи скорой. Женщина улыбалась и благодарила. Тамара отмахивалась – да не за что. Через несколько дней на ее пороге появился мужчина с пятью трехлитровыми банками домашнего меда. С собственной пасеки. Представился братом Екатерины. Тамара не помнила никакой Екатерину.

– Женщина, которой вы помогли на заправке. Спасибо, – объяснил благодарный брат, выдавая опешившей Тамаре банки.

Энергии в Тамаре было столько, что всему подъезду, жалующемуся на давление, слабость, упадок сил, становилось стыдно. Но даже не это главное. Тамара обладала удивительной харизмой, подкрепленной легкостью характера, эмпатией и невероятным чувством юмора. Она со всеми сразу же переходила на «ты», но это нисколько не коробило. Наоборот, заставляло улыбнуться. Тамара помнила, как зовут всех детей и домашних питомцев, которых видела хотя бы один раз. А также была осведомлена о личной жизни жителей и консьержек, кажется, всего дома. Впрочем, об этом она никому не рассказывала, хоть пытай. Только намекала, начиная хохотать:

– Ой, Машка, у нас с тобой никакой личной жизни, если что. Будем завидовать, – подмигивала она мне.

Для детей в ее бездонной сумке-бауле, с которой она не расставалась, всегда находились конфеты, шоколадки. Для подростков – пирожки, бутерброды. Этому уже никто не удивлялся – Тамара, кажется, могла обеспечить полноценным горячим питанием весь подъезд, причем трижды в день.

– Да привыкла я так, – улыбалась она, когда кто-то спрашивал, зачем носит еду. – А вдруг пригодится? Если нет, так я сама съем!

Но когда однажды она достала из сумки маленькую бутылку коньяка, как из мини-бара в гостинице, и выдала ее продрогшей на прогулке молодой матери с коляской, даже я опешила:

– Ну вообще!

– А мне можно? – Еще больше меня опешила молодая измученная мать.

– Так ты ж уже не кормишь, почему нельзя? – удивилась Тамара.

Откуда она знала, кто когда перешел с грудного вскармливания на искусственное – а она это прекрасно знала, – оставалось только гадать.

– Одиннадцать утра еще, – сомневалась молодая мать.

– Так и кого это когда останавливало? Ты сегодня с которого часа на ногах? С пяти утра? Вот и считай, что у тебя уже вечер! Пей, а то совсем синяя. Худые всегда быстро мерзнут. Вот мне всегда жарко, – рассмеялась Тамара, – жир греет. А у тебя одни кости.

– А что муж подумает? – все еще не решалась на распитие коньяка с утра пораньше молодая мать.

– Ой, какая тебе разница? Пусть что хочет, то себе и думает! Его голова, не твоя, – удивилась вопросу Тамара. – Ну, если хочешь, на меня все вали. Скажи, Тамара тебя в лифте встретила, вот так к стене прижала, рот вот так открыла и коньяк влила. Первую медицинскую помощь оказала. Хочешь, я тебе записку, как в школу, напишу? – Тамара хохотала. – Или объяснительную. Вот Маша у нас, если что, писатель, она убедительно напишет. Так хорошо напишет, что муж слезы на строчки будет ронять. Она мне писала стихотворение для моего мужа – так я расплакалась! Не думала, что я его так сильно люблю! А я подмахну записку.

Да, я действительно однажды написала стихотворение на юбилей Тамариного мужа. После этого в моем доме в огромных количествах появились сушеные грибы, мед, домашнее масло. Тамара пришла ко

мне, увешанная дарами. Уверенно прошествовала на кухню, порезала масло на небольшие квадраты и уложила в морозилку.

– Кофе? – спросила я, решив не мешать процессу. Бесплезно.

– Давай, – согласилась Тамара.

После этого я стала регулярно получать посылки с хорошим кофе – Тамаре присылали многочисленные родственники из Армении, Грузии, и она всегда откладывала несколько пачек для меня.

– Ты умеешь варить кофе как я люблю! – каждый раз восторгалась она.

Я тоже именно такой любила – крепкий и сладкий...

Молодая мать с благодарностью выпила коньяк.

– Вот, смотри, даже блеск в глазах появился! Вот с таким блеском и иди к мужу! – расхохоталась Тамара. – Сейчас придешь домой, посмотри в зеркало и запомни этот взгляд. А если забыла, всегда есть коньяк! Слушай, семейная жизнь – это такой стресс, такой стресс! Надо как-то снимать, да?

– Это точно, – подтвердила я.

– Я попробую, – пообещала молодая мать.

– Лишь бы не спилась, – хохотнула Тамара, одной рукой выгрузив коляску с матерью на их этаже. Нам было выше.

Да, Тамара могла одной фразой переубедить кого угодно. Та же молодая мать спустя некоторое время призналась, что муж просит ее сделать пластику груди. Мол, не такая, как раньше. Конечно, не такая, когда кормишь ребенка до года.

– Может, он прав? Мне тоже не нравится. Только я наркоза очень боюсь, – чуть ли не со слезами призналась соседка.

– Ой, и в чем проблема? Если муж хочет новую грудь, так надо делать! – воскликнула Тамара.

– Точно? – переспросила молодая мать.

– Конечно! – подтвердила Тамара. – Пусть твой муж идет и пришивает себе любую грудь! Потом смотрит на себя в зеркало и радуется!

Соседка сначала молчала, а потом рассмеялась. Кажется, она повторила это мужу, поскольку проблема после этого исчезла. Хотя, мне кажется, молодая мать упомянула, что этот совет дала ей Тамара. И муж живо представил, как легендарная соседка лично пришивает ему не только грудь, но и третье ухо, например.

Все собаки в нашем подъезде обожают Тамару. Она начинает с ними сюсюкаться, тискать, гладить и обнимать, прижимая к своей необъятной груди. Собаки от этого впадают в транс, забывая, что шли писать в парк. Дети тоже впадают в некое подобие эйфории при виде Тамары. Сразу запихивают в рот конфеты, которые она выдает. Соглашаются взять пирожок. И позволяют себя поцеловать. Если Тамара кого-нибудь не облобызает, день прошел зря. Держится только Анечка с шестнадцатого этажа. Анечка – девочка рассудительная и строгая. При этом вежливая и воспитанная. Анечке три года, но для своего возраста она очень прилично говорит.

Когда лифт останавливается на их шестнадцатом этаже и Анечка видит в лифте тетю Тамару с восемнадцатого, то тяжело вздыхает.

– Анечка, давай подвинемся и впустим тетю Тамару, – радостно предлагает ее мама.

– Тетя Тамара, мы с вами в лифте не поедим, – объявляет строго Анечка, – нас очень много. – Она показывает на себя, маму и куклу в кукольной коляске, которую везет на прогулку. – Лифт может застрять.

– Какая разумная девочка! – радостно восклицает в ответ Тамара. – Я и сама с вами не поеду! Позавчера со Степой застряли, а нас всего двое было!

Степа был известен всем жильцам способностью застревать в лифте, ломать двери, опрокидывать в подъезде горшки с цветами и наносить прочий имущественный ущерб. Степе было тринадцать, и он никак не мог соотнести собственный рост и вес, вдруг отросшие руки и ноги с окружающим его пространством.

– Ну что вы хотите от мальчика? Никак габариты не почувствует, – защищала его Тамара. – Вот привыкнет и научится припарковываться и перестраиваться!

Это звучало очень смешно, учитывая, что Тамара парковала свой здоровенный, как автобус, внедорожник или идеально, или поперек дороги. Ее машину знали все соседи, поэтому предпочитали не парковаться по соседству и объезжать аккуратно. Если Тамара припарковалась поперек, значит, так надо. Все хорошо. Настроение отличное. Если идеально, точно что-то случилось. Нервничала. Лучше пусть поперек дороги машину ставит, потому что, если плохое настроение, всему дому кирдык наступит. То есть как кирдык? Тамара разовьет и без того бурную деятельность – как и в случае с фонтаном.

В последний раз, когда у нее было плохое настроение, она организовала спил березы в палисаднике. Береза, кажется, была посажена в момент заливки фундамента будущего дома. Как символ. И так удачно прижилась, что росла и колосилась. Но оказалось, что именно на березу аллергия у консьержки и нескольких детей в подъезде. И когда у Тамары не задался день, она направила свою активность против березы. Каким уж образом она дозвонилась в управляющие конторы, никто не знал, но к подъезду подъехала машина, дворнику вручили бензопилу и уехали. Дворник смотрел на орудие труда с ужасом, он такого никогда не видел. И как с ним обращаться, понятия не имел. Тогда Тамара лично вооружилась бензопилой и спилила березу. Это видели многие соседи и поделились впечатлениями с остальными. Все, кто наблюдал за процессом, утверждали, что Тамара пилила дерево профессионально. То есть, если что – от бензопилы никому не увернуться.

Фразы Тамары расходятся в нашем подъездном чате на мемы и цитаты.

Когда на многострадальной детской площадке рядом с домом закончился ремонт, туда первым зашел Кирюша. Площадку перестраивают каждый год в рамках реноваций, обновлений и прочих планов. Четырехлетний Кирюша носился по всей площадке, качался на качелях, скатывался с горок. Уже весь изгвазданный, мокрый. Кирюшина бабушка умоляла: «Пойдем уже домой». Но тот продолжал осваивать новую площадку.

– Кирюха, – обратилась к нему Тамара, – ты чего добиваешься? Нового ремонта на детской площадке? Так давай я тебе помогу. Сяду на качели – и все, до свидания, качели.

– Тетя Тамара, не надо садиться! – закричал Кирюша. – Просто мне мама сказала, чтобы домой не возвращался, пока всю дурь не выгуляю!

– Аргумент, – согласилась Тамара, – продолжай выгуливать.

Та же прекрасная, рассудительная Анечка, отказывавшаяся заходить в один лифт с тетей Тамарой, как-то задумчиво уточнила:

– Тетя Тамара, а вы ведь не старая?

– Ну, еще не очень, – хохотнула в ответ та.

– Значит, я новая, а вы уже не очень новая, – вынесла вердикт Анечка.

– Комплимент! – рассмеялась Тамара.

– А как у вас с памятью? – допытывалась Анечка.

– По-разному бывает. Иногда вообще ничего не помню! – призналась Тамара.

– Значит, совсем затертая, – кивнула девочка.

Тамара от хохота чуть пополам не сложилась. Анечкин папа работал программистом, поэтому малышка знала профессиональную лексику, относящуюся к памяти.

После этого, когда Тамара забывала что-то купить или сделать, сообщала:

– Я уже не очень новая, а память вообще затертая.

Наша удивительная соседка умела мастерски срывать детские планы на жизнь. Шла из магазина. Перед ней, переступая сугробы, топали девчушка-первоклассница или второклассница, и дедушка, которого отрядили встречать внуку. Девчушка рассказывала, как читала выученное стихотворение, как отвечала у доски, как нарисовала картинку. И каждый раз спрашивала у дедушки: «Я молодец, да?» Дедушка подтверждал – молодец.

– Если я такая молодец, можно я за это не буду есть суп? – уточняла девчушка.

Дедушка не нашелся, что ответить, а Тамара просто случайно оказалась за их спинами. Объяснила малышке, что если та не будет есть суп и котлеты, например, то мозг совершенно перестанет работать. Вообще ни один стишок не сможет запомнить. Вот такая магия, то есть взаимосвязь. Съешь сегодня суп – точно запомнишь стих. Тамара умела убеждать детей потреблять животный белок и горячее питание. Даже дедушка после прочитанной лекции собирался съесть суп, который уже лет десять как не ел.

Тамара столкнулась в подъезде с десятилетней Дашей. Та рыдала, будто случилось что-то страшное. Страшное, с точки зрения Тамары, конечно же, случилось – Даша забыла ключи и не могла попасть домой. Соседка не могла оставить ребенка на пороге закрытой квартиры, поэтому утащила к себе – накормить обедом и подождать

родителей. Но для Даши, ронявшей в суп слезы, трагедия заключалась не в этом.

– Деревенцы, – прорыдала Даша в ответ на вопросы Тамары. – Это все из-за деревенцев!

Тамара вместе с супругом приготовились выспрашивать, кто такие деревенцы и что из-за них произошло. И немедленно покарать всех деревенцев за слезы ребенка. Коля сказал, что сейчас пойдет и точно всех покарает. Тамара заверила, что сделает это быстрее.

Выяснилось, что на уроке истории учитель задал вопрос: «Кто живет в деревне?»

– Деревенцы, – ответила Даша.

– Почему? – удивился историк.

– Ну, ковбойцы, индейцы... Значит, деревенцы.

Историк поставил Даше двойку.

– Правильно – ковбои, – тихо заметил Коля.

– Я тебя сейчас покараю, как ковбойцы индейцев, – прошептала мужу в ответ Тамара. – Ой, детка, я бы тебе две пятерки поставила! – воскликнула она, накладывая Даше второе – такой порцией можно было бы накормить пятерых. – Завтра поговорю с твоим историком, расскажу ему и про деревенцев, и про ковбойцев.

Тамара появилась в школе – кто бы смог ее не пропустить! – и провела урок истории для учителя истории. Рассказала про индейцев и ковбоев. Показывала в лицах. Как те стреляют, говоря «пых-пых» и складывая пальцы так, чтобы получился пистолет. Дети сидели не шелохнувшись от восторга, учитель тоже, но из последних сил старался не выражать чувств. Потом Тамара провела мастер-класс по складыванию рук в виде пистолетов, птичек, собак и зайчиков. Дальше началось совсем страшное – она раскрутила шариковую ручку, которую достала из своей сумки-баула, оторвала кусочек бумаги, пожевала его и показала пульку, а потом – как пуляться с помощью ручки. Историк предупредил, что ушел в туалет, и его в классе не было. Дети, старательно жевавшие бумагу, поклялись хранить тайну изготовления пулятельного аппарата прошлого века, но взамен потребовали продолжения веселья, проигнорировав звонок на перемену. И началась полная вакханалия.

Поскольку дело происходило в последних числах декабря, класс был украшен к Новому году. Тамара увидела свисавший мокрой

соплей с карты мира дождик и, порывшись в сумке, достала вату. Дети замерли, учитель тоже. Откуда у Тамары взялась в сумке еще и вата – лучше не спрашивать. Но я точно знаю, что наша соседка всегда носит в сумке «Снежок» – небольшой неприметный пакетик. Но если на него наступить и раздавить, он становится средством экстренной заморозки. Я такой возила на соревнования, когда дочь занималась художественной гимнастикой. Бинт, конечно же, у Тамары тоже всегда с собой. В общем, наша прекрасная соседка сорвала со стены унылый дождик, скатала небольшой комочек ваты и намочила его водой, благо в классе была раковина. Прилепила вату к дождику и со всей силы бросила в потолок. Дети ахнули дружным хором. Историк сказал «ой, мамочки», гадая, что ему за это будет. То есть прилетит, как дождик в потолок. Через минуту все опять ахнули, потому что дождик не отлипал, а прекрасно висел на потолке. Уже не так уныло, как на карте на стене. После этого Тамара выдавала всем кусочки ваты и показывала, как лепить на дождик. Дети пулялись в потолок. У некоторых не получалось с первого раза пухнуть достаточно сильно и уверенно. Историк, кстати, тоже не отставал и даже сбегал в соседний класс за дополнительным материалом в виде новогоднего дождика.

– Так, и где дети? – В класс неожиданно ворвалась учительница русского.

Все присели от ужаса, поскольку не знали, чего ждать от русички. Впрочем, Тамара знала, чего ждать от прекрасной Елены Юрьевны, которая учила еще ее сына. И в свои семьдесят с гаком лет на пенсию даже не собиралась. Да и отправить ее насильно никто бы не решился – даже физмат-класс, в котором русский язык преподавала Елена Юрьевна, выдавал высочайшие баллы по ОГЭ и ЕГЭ. Елену Юрьевну, кажется, даже новая директор школы побаивалась.

– Томочка, привет, – поздоровалась учительница. – Не буду спрашивать, какими судьбами тебя сюда занесло. Но какого рожна ты мне урок сорвала?

– Вот, показываю детям лайфхаки нашего детства, – рассмеялась Тамара. – Простите, не думала, что они так увлекутся. И не знала, что следующий урок – русский. Три минуты – и они ваши! Дети, быстро встали, убрали за собой и пошли за Еленой Юрьевной. Три минуты! – гаркнула Тамара. Дети кинулись стирать следы внешкольной активности.

– Но все началось с деревенцев! И ковбойцев! – отчаянно краснея, сообщил историк.

– Это кто такие? – строго посмотрела на него Елена Юрьевна.

– Жители деревни, – прошептал историк.

Дети сползли от хохота под парты.

– А, понимаю, это все объясняет, – кивнула Елена Юрьевна. Она подошла к Тамаре, отщипнула ватку, мастерски ее скрутила, намочила, насадила на дождик и уверенным движением пульнула в потолок. Ватка прилипла к потолку тут же. Дети дружно ахнули от восторга и замерли.

– Руки-то помнят! – объявила Елена Юрьевна.

Потом она прошла по рядам, осмотрела бумажные пульки и вынесла вердикт: «Жевать надо лучше. Слишком толстые. Чем тоньше, тем лучше бьют». Она скрутила пульку, приладила и пульнула аккуратно в лоб историка.

– Ай, больно же! – воскликнул тот.

– Учитесь, пока я жива, – объявила Елена Юрьевна и вышла из класса. – Если что, я вас не видела и вы меня не видели! Завтра контрольный диктант, повторите тему. На сегодня свободны! Томочка, приходи почаще. Я хоть развеялась. Молодежь... Такие они все скучные!

– Да, Елена Юрьевна, спасибо, до свидания, – сказала Тамара. – Дети, что надо сделать, когда учитель выходит из класса? – рывкнула она.

Дети не привыкли вставать в знак благодарности. Не были приучены. Но Тамара уже скатывала в плотный шарик пульку. Дети дружно подскочили.

– Томочка, я прямо в свою молодость попала, – рассмеялась Елена Юрьевна.

Историк исправил Даше оценку после того, как Тамара объявила, что лично занимается с девочкой историей как репетитор. Кажется, он тоже был не прочь взять несколько персональных уроков.

Все шло хорошо. Тамара не сидела на диете, была милой с соседями, шутила. Ничего не предвещало, так сказать. Пока ее ненаглядный единственный сын не «завел», как говорила Тамара, себе девушку.

– Почему завел? – удивилась я формулировке. – Заводят собак, кошек, домашних питомцев.

– Слушай, писательница, сейчас помолчи, да? Мне и так плохо! – Тамара говорила с явным грузинским акцентом, что выдавало крайнюю степень волнения.

– Простите, но ваш Берти такой умный мальчик, такой воспитанный, неужели он мог найти себе недостойную девушку? Ни за что не поверю! – воскликнула я, зная, что это запрещенный прием. Если сказать Тамаре, что ее сын – самый прекрасный из всех сыновей на свете, она тут же оттаит. А если не скажешь – она устроит падение лифта, и пострадавшим будет только один человек. И точно не Тамара, а тот, кто посмел так не сказать.

– Да, дорогая, мой Берти очень хороший. Но он такой трепетный, такой нежный, как цветок. Его любая может сорвать и втоптать в грязь. – Тамара продолжала говорить с грузинским акцентом, но сказала «варт» по-армянски. То есть роза. Но я догадалась, что она имеет в виду цветок. Что уже вызывало серьезные опасения не только за соседку, но и за мое собственное подсознание. Откуда я-то знаю, как роза по-армянски? Память иногда подбрасывает сюрпризы. Пока Тамара рассказывала, что ее сын теперь, кажется, любит еще одну женщину кроме матери, бабушки, тети и прочих родственниц, я вспоминала, почему поняла, что речь шла о розе? И к собственному ужасу, вспомнила – женское имя Шушана переводится с грузинского как «ландыш», «цветок». А по-армянски «шушан» – «лилия». О чем сообщила Тамаре.

– Ой, дорогая, тебе надо отдохнуть, – посоветовала она. – Слишком много тоже вредно помнить.

– Вы должны с ней познакомиться. Увидите – и сразу все поймете. Для Берти ведь это самое важное – познакомиться свою избранницу с мамой. Наверняка он уже просил вас об этом, – сказала я, чтобы выпростаться из собственных воспоминаний.

– Дорогая, какая ты умная! Как ты догадалась, что Берти хочет ее в дом привести? Он уже полгода с ней живет, квартиру вместе снимают. Мне это не нравилось, но он мужчина – сам так решил. И сказал, что у них все серьезно. Спрашивал, как лучше нам всем познакомиться, чтобы я не умерла на месте или кого-нибудь не убила от нервов. Правду говорят, что писатели немного другие.

Сумасшедшие. Они с музами разговаривают! Вот я не хотела с ней знакомиться, а сейчас думаю, это знак, что я с тобой в лифте столкнулась. Да, познакомлюсь!

– Хотя в вашем стиле было бы закричать, что таких Лен, Свет у вашего Берти еще будет миллион, – улыбнулась я.

– Да! Конечно, я уже все прокричала. Но внутри себя, чтобы не расстраивать сына! – воскликнула Тамара. – А если он ее любит? Тогда что мне делать?

– Мне кажется, главное правило – знакомиться на нейтральной территории, – сказала я. – Не в вашем доме и не на вашей кухне. Вы же не хотите, чтобы посторонняя девушка зашла на вашу кухню и начала шкафчики открывать и закрывать?

– Ох... – Тамара, которой не приходила в голову подобная перспектива, присела от ужаса, из-за чего лифт замедлил движение, рискуя застрять между этажами. А мне нужно было срочно попасть домой на очередную онлайн-конференцию. Поэтому я поспешно залепетала:

– Тамара, ну поезжайте в отпуск, снимите не гостиницу, а апартаменты с двумя спальнями, тогда сразу все поймете про будущую невестку. Как готовит, как убирает... Поживите вместе неделю. Да вы на третий день узнаете, подходит она вашему Берти или нет!

– Ох... – опять присела Тамара. Лифт отреагировал на приседание и снова поехал в нужном режиме. – А как мне себя с ней вести? – спросила испуганно Тамара, которая вообще никогда ничего не боялась и никогда ни у кого не спрашивала советов.

– Зависит от того, какой вы хотите стать свекровью, – пожалала плечами я.

– Ох, дорогая, я вообще никакой свекровью не хочу стать! Мой Берти еще такой маленький, ничего не понимает в этой жизни, – призналась Тамара.

– Ну, тогда представьте, что у вас теперь не один ребенок, а двое. Она же ровесница вашего сына, так что, считайте, такой же ребенок. И какая разница, одного вам кормить или двух?

– Да, дорогая, верно. Спасибо! – Тамара кинулась обниматься в тот момент, когда лифт остановился, двери открылись, но не закрылись из-за того, что между ними стояла Тамара, зажав и двери, и меня

заодно в жарких объятиях. – Откуда ты такая умная? – удивилась она, наконец разорвав жаркую хватку.

– Я писатель, – пожала плечами я.

– А, ну да. Тогда скажи мне как писатель, Берти будет с ней счастлив? – спросила Тамара.

– Слушайте, ну я не экстрасенс и не астролог! – рассмеялась я. – Но думаю, если ваш Берти будет рад, что мама рада, то все будет хорошо. Даже не сомневайтесь, вы всегда останетесь для него на первом месте. Он вас ни на какую самую распрекрасную барышню не променяет. Он замечательный сын, о таком сыне можно только мечтать. Он так любит свою маму!

Неожиданно для себя я тоже начала говорить с кавказским акцентом, правда, другого региона, но Тамара опять обняла меня, как потерянную и вновь обретенную сестру.

– Да, мой Берти очень любит свою маму! – воскликнула она.

Тут я хотела сказать всплывшее в голове «мазл тов», но решила не пугать Тамару собственными лингвистическими травмами детства, которые подсказывали мне те или иные варианты в самые неподходящие моменты жизни.

Берти, надо сказать, к тому моменту было двадцать два года, он успел обрасти уверенной бородой и жил отдельно, снимая жилье с приятелем по факультету. Впрочем, на выходные он в обязательном порядке приезжал домой, и Тамара выдавала ему контейнеры с едой на неделю. Берти страдал, что мама по-прежнему его кормит, зато приятель был счастлив и не переставал благодарить тетю Тамару за свое сытое студенчество. Иначе пришлось бы работать в доставке, катаясь на велосипеде. Или зарабатывать на еду другим способом. Теперь же выяснялось, что приятель был Настей, которая не работала в доставке, а тоже была студенткой. До встречи с Берти жила в общежитии.

Тамара, как я узнала от консьержки, сняла апартаменты на море на две недели, видимо, решив, что одной недели будет мало для того, чтобы все понять про будущую невестку. Других подробностей не сообщалось. Весь подъезд каждый день спрашивал, когда возвращается Тамара. Консьержка отвечала – еще вроде как неделя. Раньше не планировала. Все немного расслабились – значит, все хорошо, раз Тамара еще не вызвала личный вертолет, не пустила поезд

по нужным ей путям, а не по тем, что значились в графике и расписании. Девушку сына, значит, приняла, раз не прислала ее обратно раньше времени почтой, упаковав в бандероль. Но я все равно беспокоилась. Слишком уж все хорошо складывалось, особенно в случае с Тамарой.

– А Николай не выходил на связь? – уточнила я.

В подъездном чате как раз разразился скандал на тему, кто кого когда затопил в первый раз и кто виноват в новом потопе. Квартира Тамары и Николая была вроде как ни при чем – посередине участвующих в споре, но от них требовали участия и подтверждений.

– Нет, отключил телефон. Сама пыталась с ним связаться несколько раз, – ответила обеспокоенно консьержка.

– Точно что-то случилось, – заметила я.

– Нет, ну Тамара могла убить будущую невестку, но не мужа! – воскликнула вышедшая из лифта соседка. Оказалось, она подслушала наш разговор.

– Могла невольно задеть, – заметила консьержка.

Тамара появилась около подъезда неожиданно. Не раньше, а позже времени, когда уже все соседи решили, что у нее все хорошо и она поехала организовывать знакомство с родителями будущей невестки, свадьбу, похороны тамады, который представил плохой сценарий, и так далее. Наша любимая соседка стояла около подъезда и курила. А она никогда не курила. Первыми ее заметили собаки, кинувшиеся обниматься в надежде, что получат вкусность. Тамара ласково их гладила, но ничего из своей бездонной сумки не доставала. После собак стали возвращаться с тренировок дети, которые тоже кидались к тете Тамаре в надежде получить конфету, шоколадку или просто ласковое слово. Тамара их гладила, как собак, но все еще была отстраненной. Выкурив две сигареты подряд, она пошла домой. Кивнула консьержке – мол, я приехала. Муж так же молча нес следом чемоданы.

Консьержка, конечно же, тут же позвонила Вике с шестнадцатого этажа, с которой дружила и откровенничала больше, чем с остальными жильцами, и рассказала, что Тамара вернулась, но очень странная. Сама не своя. Вика тут же рассказала об этом соседям, ну и дальше разнеслось по дому – Тамара вроде как Тамара, но не в себе. Курит, говорит ласково и вежливо. Ни с кем не поругалась, ни одного ребенка

не затискала в объятиях. Ничего не рассказывает. Точно что-то случилось.

– Мария, вы не заплатили за следующий месяц! – остановила меня консьержка.

– Заплатила, еще в прошлом, – ответила я.

– Но вам же удобно платить вперед, чтобы не висеть на доске в списках неоплаченных квартир! – Консьержка даже из своей подсобки выскочила.

– Хорошо, сколько? Давайте сразу за полгода заплачу.

Консьержка пошла проверять журнал оплаты и затащила меня внутрь.

– Поговорите с Тамарой, там что-то случилось. Только на вас надежда! – зашептала она.

– Почему на меня? – удивилась я.

– Потому что вы писатель, немного не в себе, вы с Тамарой похожи. Странные.

– Я не странная вообще, – обиделась я. – Когда это вы видели меня странной?

– Вас никогда. А вот Тамара сейчас совсем странная. Поговорите с ней. От лица всего подъезда прошу, – буквально взмолилась консьержка.

– Может, стоит оставить человека в покое? Избавить от назойливых расспросов? Когда захочет, сама расскажет, – предложила я.

– Нет, Тамара хочет поговорить, но не может. Не знает с кем. Мы решили, что с вами может, – объявила торжественно консьержка.

– Мы – это кто, извините? – уточнила я.

– Дом, подъезд, жильцы, – ответила консьержка.

– Ну да, вернитесь в семью, в коллектив, в работу, – хмыкнула я. – Давайте подключим общественность.

Консьержка застыла.

– Это из фильма «Служебный роман», – пояснила я. – Может, еще разговор на обсуждение вынесем?

– Да, мы хотели, – призналась консьержка.

– Понимаете, если человек не хочет говорить, значит, это его личное дело. И уж точно не управдома. То есть коллектива, – сказала я. – И, если я даже поговорю с Тамарой хотя бы о погоде, вы об этом

точно не узнаете. Как и остальные жильцы. И, знаете, «мы» – очень опасное местоимение. Допустимое, когда молодая мать говорит о грудном ребенке – «мы покакали, мы поели, мы погуляли». До года ребенка. А вот когда вы ассоциируете себя с подъездом и употребляете «мы» – будьте осторожны.

– Какая вы все-таки странная женщина, – обиделась консьержка. – Вот сплетничают, что вы писательница, а я не верила. Никакая вы не писательница!

– Конечно, нет! Так всем и расскажите, – радостно согласилась я.

С Тамарой мы разговорились около мусорки. Тоже удивительное совпадение. В нашем дворе установили контейнеры – отдельно для пластика и для стекла. Но все по привычке выбрасывали в один, где место найдется. У нас с соседкой был общий пунктик – я ненавижу выносить мусор, притом что не терплю полного ведра. Для меня заполненное наполовину ведро – уже полное. Мусоропровод на лестничной клетке давно нуждается в замене – скрипит, все время засоряется, дворника не дожدهшься. Если соседи выбрасывают мусор, допустим, в семь утра, то в остальных квартирах на этаже жильцы тоже просыпаются от скрипа. Если выносишь в десять вечера, тоже плохо. Например, соседке вставать в половине седьмого, и она рано ложится. Или я, работающая до ночи, не хочу просыпаться в семь утра от скрипа мусоропровода. Поэтому мы предпочитаем выносить мусор на улицу.

Я застала там Тамару, которая пыталась рассортировать мусор. Рылась в пакете и засовывала по одной бутылке, бумажке в разные контейнеры.

– Новый вид медитации? – улыбнулась я.

– Что? Да, наверное. – Тамара выглядела не растерянной, а потерянной.

– Что случилось? – спросила я.

– Соседки, что ли, беспокоятся? – хмыкнула Тамара.

– Берите выше – коллектив! Дом! Общественность! – грустно рассмеялась я.

– Ничего не случилось. Вроде бы. Не знаю, – призналась Тамара, не понимая, куда забросить бумажную коробку. – Почему нет контейнера для бумаги? Куда коробку – в пластик или в стекло?

Почему всегда так? Ну, поставьте еще один – для смешанного мусора, например, раз уж затеялись! Все, не могу больше! – Тамара забросила пакет в контейнер. – Пойдем покурим.

Мы дошли до ближайшей детской площадки. Она располагалась на входе в парк, но на ней никогда не гуляли дети, потому что территорию рядом облюбовали голуби, которые паслись там огромной стаей. Точнее, сначала это место облюбовали местные бабули, чтобы далеко не ходить – они кормили бедных птичек, разжиревших до размера цыплят-бройлеров, хлебом, рассыпая его прямо на дорожке. Когда кто-то пытался войти именно через эти ворота, голуби слетались в ожидании корма. Так что все местные жители предпочитали пройти чуть дальше, чтобы не попасть в фильм Хичкока и войти в парк через следующие ворота. Дети голубей, в принципе, любили и хотели их покормить, но на них планировали с ограды сразу штук тридцать совсем не милых птичек, а наглых, какающих на голову ненасытных туш. Я их сама боюсь, если честно, стараясь пробежать эту часть дороги как можно быстрее. Так что дети, испугавшись однажды, тащили мам или бабушек к другой детской площадке.

– Как Ника и Берти? Здоровы? – спросила я.

Тамара улыбнулась. Я единственная из подъезда помнила домашние имена ее мужа и сына, остальные говорили – «Николай и Альберт».

– Да, здоровы, все хорошо.

– А вы здоровы? Как себя чувствуете? – спросила я, оставаясь с Тамарой на «вы».

– Дорогая, я не знаю, как себя чувствую! – воскликнула Тамара.

– Устала? Очень? – Тут я перешла на «ты».

Тамара махнула рукой – мол, даже не спрашивай.

– Ты знаешь, я вырастила очень хорошего сына, – сказала Тамара, – очень доброго и внимательного. Щедрого и бескорыстного. Берти такой замечательный!

– Конечно, он такой! Всегда был! – заметила я и не солгала. Берти действительно всегда готов был помочь с сумками, придержать дверь, был вежлив, обожал детей и собак. Чудесный парень, что уж говорить. Высоченный, с копной черных кудрявых волос, красавец. О чем я и напомнила Тамаре.

– Да, дорогая, спасибо тебе. – Тамара чуть не расплакалась.

– И что? Он как-то нехорошо себя повел, когда вы были на отдыхе? – спросила я.

– Он очень хорошо себя повел. Так хорошо, что я не ожидала. Вот теперь не знаю, страдать или радоваться, – ответила она.

Тамара рассказала, что на две недели сняла большую квартиру в доме на первой линии от моря. Две спальни, большая гостиная, совмещенная с кухней. И Берти собирался приехать первым, а потом должна была присоединиться его избранница.

– Слушай, такая хорошая девочка. С красным дипломом школу окончила, музыкальную тоже с красным дипломом, учится на бюджете, сама поступила, умничка. Как поступила в институт, жила в общежитии, сама со всем справлялась, – рассказывала Тамара.

– Это прекрасно. Но красный диплом не всегда помогает в семейной жизни, – заметила я.

– Ох, совсем не помогает, дорогая, лучше бы троечницей была, да!

Берти, как рассказала Тамара, приехал и сразу стал немножко нервным. Сказал, что в этой квартире хуже, чем в общежитии, и он не знает, что делать, когда приедет Настя.

– Слушай, я три раза вещи туда-сюда переносила, чтобы Берти перестал панику туда-сюда разводить! – воскликнула Тамара.

В квартире, которую сняла Тамара, чтобы всем было удобно, оказалась одна большая спальня с огромной кроватью, а также душом и туалетом прямо в комнате. Вторая спальня, по сути, была детской, с полутораспальной кроватью. В гостиной стоял огромный диван – белый, кожаный, раскладывающийся во взлетную полосу на аэродроме.

– Мой Берти выселил меня из большой спальни! Свою родную маму! Ради этой Насти! – призналась наконец Тамара, после чего расплакалась.

– Ох... – Я не знала, что еще можно сказать в подобной ситуации.

– Ладно я! Но как он не подумал об отце? – продолжала всхлипывать Тамара. – Мой Ника две недели не спал, катаясь по аэродрому! Как я могла ему постель заправить? Скажи! Ты когда-нибудь заправляла кожаный диван?

– Нет, – призналась я.

– И я нет! Так вот знай – это невозможно! Никак! На кожаном диване можно сидеть, кино смотреть, но не спать на простыне!

В результате долгих семейных споров и переключивания вещей большую спальню отдали «детям» – Берти и Насте. Тамара переместилась в детскую. Она одна с трудом помещалась на кровати, так что Нике пришлось спать на белом кожаном диване без постельного белья – застелить диван было невозможно.

– Она хорошая девочка, очень умная, – вытирая выступившие слезы, сказала Тамара.

– То есть вообще по хозяйству ничего не делала? – спросила я напрямую.

– Почему не делала? Очень делала! Моего Берти научила готовить! Он теперь так мясо жарит, картошку, что я им горжусь! Все умеет! И салат порежет, и на рынок ходит! – ответила, наконец рассмеявшись, Тамара. – Слушай, я картошку поставила пожарить, как Берти любит – кружочками на сковородке. Что сложного? Разложить, перевернуть, все! Говорю ей, присмотри за картошкой, мне нужно пропылесосить. А она спрашивает, как присматривать? Ну что я должна была ей ответить? Что картошка не младенец? Перевернула, и все. А она, оказывается, боится, когда горячее масло. Вдруг ей на руку попадет, обожжется. – Тамара говорила с искренним удивлением в голосе. Кажется, она даже не подозревала, что такие девушки существуют в природе.

– Ну хоть что-то она делала?

– Да, белье на сушилке развешивала. Очень аккуратно, встряхивала так, что ни одной складки не оставалось, – ответила Тамара.

– Ну вот! Это же замечательно! – воскликнула я.

– Она так делает, потому что гладить не умеет, – пояснила Тамара.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Ох, дорогая, я не знаю! Но она мне сказала, что боится утюга. Вдруг обожжется? Поэтому никогда ничего не гладит. У них и утюга-то не было, – тихо и горестно добавила Тамара. – Может, это болезнь какая? Жалко девочку. Раз так боится обжечься.

– Болезнь – это наоборот, когда себя сигаретами прижигаешь, например. Селфхарминг. А когда боишься – это хорошо устроилась, – хмыкнула, не сдержавшись, я.

Я прекрасно понимала свою соседку. Мы с ней в этом были похожи: отглаживали рубашки и брюки так, чтобы они даже не смели в течение дня помяться. Мы гладили не только нижнее белье, но и носки. Как можно выйти из дома, если носки не выглажены? Позор. Тамара же, как и я, еще проглаживала на ночь пижамы, чтобы ребенок надел теплое, только из-под утюга. Не дай бог застудится!

– Я удивляюсь своему Берти, – заметила Тамара, видимо, как и я, вспомнив, как наглаживала сыну носки и пижамы, – он к такому совсем не привык!

– Может, и вправду любовь?

– Ох... да, он к ней очень трепетно относится. Так трепетно, что даже я – разумная женщина – начинала ревновать, хотя запретила себе. Твой совет очень помог – я думала, что у меня два ребенка. Только один почему-то стал готовить, убирать за собой, гладить собственные футболки, мыть посуду. А другой ребенок утаскивает чашки, тарелки, стаканы в комнату, и они там стоят сутки! Грязные! То есть мой Берти повзрослел, как и положено, а рядом с ним оказался подросток! Слушай, ну как так можно? Она же девочка!

О, это причитание я слышала с раннего детства: «Ты же девочка!» Значит, надо убирать, готовить, вытирать пыль и так далее. Но сейчас я опять согласилась с соседкой. Мой сын в подростковом возрасте тоже пытался устроить в комнате фабрику по разведению плесени в чашках и тарелках, но я ему быстро напомнила, что маме это не нравится. Так сильно не нравится, что лучше относить посуду на кухню и обязательно ее мыть. Иначе утром я устрою в его комнате на полу мозаику из разбитой грязной посуды. И надо помыть не только свою тарелку, но и все остальное, что лежит в раковине. Почему? Потому что я мою посуду, не выясняя, кто из нее ел! Поэтому и все остальные моют все, что под рукой!

Кажется, Тамара собиралась сказать приблизительно то же самое Насте, но Берти маму опередил – вынес из комнаты всю посуду и перемыл.

После этого Тамара решила, что остался один шанс. Есть ведь женщины, которые не любят готовить, мыть посуду, но зато с удовольствием наводят порядок в квартире – моют полы, вытирают пыль, раскладывают вещи на полках шкафа по цветам, например.

Тамара решила устроить уборку и выдала Насте тряпку и средство для чистки раковины и душа. Тамара успела пропылесосить и помыть всю квартиру, вытереть пыль во всех местах, куда не доходили руки профессиональных клинеров, отдраить до фабричного блеска плитку и духовку. Наконец постучалась в комнату сына и его девушки, где стояла подозрительная тишина. То есть уборкой там не пахло и ничего не грохотало.

– Ой, здрасте, – открыла дверь перепуганная Настя. Она держала в руках тряпку и средство, которое ей два часа назад выдала потенциальная свекровь.

– Настюша, помыла все? – как можно ласковее спросила Тамара. – Умничка.

– Нет, еще не успела, – ответила барышня. – Я не знала, куда пшикать. На тряпку или сразу на раковину?

– А куда угодно, лишь бы отмыть, не пробовала? – уточнила с нежностью в голосе Тамара.

– Томочка, я сварю тебе кофе! – тут же подскочил Николай, который как никто чувствовал, кому и когда может грозить смерть от руки его дражайшей супруги.

– Понимаешь, она совсем не домашняя девочка. Ничего не умеет, ничего не может, – покачала головой Тамара.

– Может, научится? Мы тоже в молодости не все умели. – Я не знала, как успокоить соседку.

– Ой, ты же не падала в обморок на базаре! Кто вообще падает в обморок на базаре? – воскликнула Тамара. Речь, судя по всему, зашла о совсем наболевшем.

Да, базар, рынок для нас, девочек, выросших в любом кавказском селе, был главным местом, центром жизни, можно сказать. Я выросла в селе, торговала на базаре урожаем с собственного огорода. Тамара на все лето отправлялась в деревню к бабушке с дедушкой и тоже знала, что такое огород, куры, овцы, базар. Бегаящие в курятнике куры для нас – не домашние животные, а источник пропитания. Барашек – праздничная еда. Овца – шерсть на одежду. Петух – вкуснейший бульон. Корова – молоко, сметана, сыр. Рынок – источник всех главных сплетен плюс ипотека, бартер, ломбард и благотворительный центр – там можно было взять займы, а отдать потом, когда сможешь. Получить что-то бесплатно или взамен услуги. Обменять, просто

отдать. А еще – всегда бесплатная еда для ребенка. Меня кормили всем рынком. Потому что как не угостить ребенка персиком, как не заставить его съесть помидор или не выдать кусок пирога? А потом смотреть и радоваться, что ребенок ест и он сыт. Рынок – счастье, когда можешь напробоаться всем так, что не захочешь ни обедать, ни ужинать. Я все свои две беременности провела на крошечном рынке рядом с домом – меня тошнило буквально от всего. Вообще не могла есть. Сначала ранний, потом поздний токсикозы. Только на рынке у меня появлялся аппетит и удавалось поесть. Когда становилось плохо, меня усаживали на деревянные ящики позади прилавка. Там отпаивали крепким чаем, компотом из клюквы или кизила, который специально для меня варила тетя Нина, отвечавшая за еду на рынке. Считалось, что клюква и кизил очень полезны для беременных. Тетя Нина готовила на крошечной кухоньке и развозила по рядам еду. Меня она отпаивала крутым бульоном, уговаривала съесть пирожок. Накладывала еду с собой, чтобы я могла покормить мужа. Там, на ящиках, мне становилось хорошо и спокойно.

Когда лежала в роддоме на сохранении, ничего не могла есть. Тут же начиналась рвота. Врач не знал, что со мной делать, никакие лекарства и капельницы не действовали. Я попросила отпустить меня на рынок. Врач пожал плечами и согласился. Если бы не тот рыночек, не тетя Нина со своим фирменным бульоном, пирожками и курицей, которую, опять же, готовила специально для меня – отварную, никаких специй, зажарок, соусов, но ту, которую я ела в детстве, – я бы обоих детей не доносила. Тетя Лена приносила домашний сыр и творог, а Зураб – телячью вырезку. Анжела отвечала за фрукты и овощи, Лина – за рыбу. Потом они снаряжали Зейнара, который доносил до моей квартиры пакеты, забитые продуктами. Мне было легко готовить – все уже очищено от пленок, промыто, выпотрошено. Не перестаю всех за это благодарить. Но если что, я знаю, как ошпарить, ошипать и выпотрошить курицу. Уже перед самыми моими родами, когда поздний токсикоз стал совсем невыносим, Зураб прислал для меня бутылку коньяка. Рядом была записка: «Пусть муж пьет, а ты нюхай». Возможно, это была ароматерапия, возможно, самовнушение. Но последние месяцы беременности я не расставалась с рюмкой. И только запах хорошего, присланного родственниками Зураба коньяка помогал мне не лежать в унитазе вниз головой. Муж боялся его пить – вдруг

мне понадобится понюхать? В роддом я тоже приехала с бутылкой. Медсестра сказала: «Ну, совсем уже». Но именно в коньяк я верю больше всего и всем его советую от токсикоза. Не пить, а нюхать.

Тамара была такой же. Любила рынки, общение, давние связи. Верила в коньяк от токсикоза, правда, не только нюхала, но и иногда делала глоток. А красное вино так вообще пила во время беременности в качестве успокоительного. Она все понимала про мясо и рыбу, едва взглянув им в глаза. Требовала убрать пленки, отрезать, нарезать, но знала, о чем просит. Все это умела сделать сама.

В любом месте, где оказывалась наша соседка, как, впрочем, и я, мы шли на рынок. И там уже начинали знакомиться, договариваться о поставках, закупках. Сложно надеяться на супермаркет, а вот на дядю Борю – мясника – очень даже можно. Он обещал привезти язык, вырезку, отбивные. Значит, точно привезет. Ему же потом смотреть нам в глаза! Да и зачем терять постоянных покупателей? Тем более тех, с которыми можно поговорить про вырезку и отбивные.

– Дядя Боря, ты помнишь, кем эти отбивные были, когда еще бегали? – смеясь, уточняла Тамара.

– Обижаешь, дорогая! Я эти отбивные еще розовым поросенком помню! Они такие свежие, что, понюхай, еще бегают и дышат! – восклицал дядя Боря.

Нервные покупательницы, услышав подобный диалог, сбегали. А такие, как я, которые хотели даже языку «посмотреть в глаза», чтобы определить его свежесть, тут же прислушивались и вставали в очередь. Мы с Тамарой часто сталкивались на местном рынке. Я наслаждалась диалогами.

– Дядя Боря, с каких пор вы цыплятами стали торговать? – удивилась однажды Тамара. – Хорошие? Свежие?

– Ох, зачем тебе эти кости? Друг попросил положить на продажу. Вот, возьми лучше говядину! У тебя муж, сын, зачем им мясо с костей обглаживать? Что муж тебе скажет, когда ты с этими воробьями домой вернешься? Я знаю, что скажет – иди назад и купи нормальное мясо! Вот, не хочешь говядину, возьми шею телячью. Смотри, какая красивая. – Дядя Боря и сам любовался куском.

Дядя Боря не считал курицу мясом. А цыплят тем более.

– Давай двух. Сделаю цыплят табака, – настаивала Тамара.

– Ох, женщина, зачем тебе так мучиться? Смотри, фаланги я отрежу, что останется? Даже рук у этого цыпленка не останется. Что там есть? Вот здесь, смотри, уберу кожу, тут зачищу, и что твой муж увидит на сковородке? Сковороду! Будет кричать – цыпленок, ах, ты где? Ты же его вот раз прижмешь, чтобы ровно лежал, он и сольется со сковородой. Говорю тебе, бери вырезку или шею! – Дядя Боря оказался тем еще продавцом цыплят. Просто гением маркетинга.

– Одного все равно возьму, – стояла на своем Тамара. Она не терпела, когда последнее слово остается не за ней и когда приходится менять уже принятое решение. – Бульон сварю из целого цыпленка.

– Ох, бери, если хочешь, но я тебя предупредил. Потом не приходи и не говори, что дядя Боря молчал! – Продавец плюхнул цыпленка в пакет.

– О чем молчал? – заинтересовалась Тамара. – Цыпленок несвежий?

– Почему несвежий? Очень свежий и очень худой! Такой худой, что твой бульон водой останется! Возьми говядину и свари нормальный бульон, ты же умная женщина! Зачем воду хлебать после этого цыпленка? – Дядя Боря пожал плечами и от возмущения заодно порубил баранину. На это можно было смотреть бесконечно – он орудовал топором, потом ножом, будто вышивал. Аккуратно, даже деликатно, предельно точно и с такой любовью, будто из порубленных кусков картину собирался выкладывать.

– Дядя Боря, ты прям белошвейка, – восхитилась, не сдержавшись, Тамара.

– Это кто такой? Заяц? Кролика могу привезти, если надо. Перепелку тоже могу, но не проси. Не понимаю я этих птичек. Все равно что твои цыплята. Мяса нет, одно расстройство, на костях прилепленное. Да так, что не отгрызешь. Возьми стейк, смотри, какой красивый. Пожаришь вот так, с двух сторон, мужу и сыну положишь, они поедят, довольные будут. Чего тебе еще надо?

– Белошвейкой называли искусных вышивальщиц. Ты, дядя Боря, так мясо разделяешь, как некоторые женщины салфетки и платья вышивали. Очень красиво рубишь, – сделала комплимент Тамара.

– Так, женщина, хватит мне зубы заговаривать! Знаешь ведь, что мне приятно! Вот бери говядину на кости, такой суп получится,

придешь, опять приятно мне говорить будешь! Баранину возьмешь? На твоих глазах рубил!

– Как после этого не взять? – рассмеялась Тамара. – Дядя Боря, какая женщина тебе откажет? Клади свою баранину и говядину на кости. Вырезку тоже.

– Вот, бывают же женщины, которым бог немного мозгов раздал. По ошибке, конечно! Моему двоюродному племяннику не осталось, видимо, тебе все досталось! Вот зачем мне сестра своего сына прислала, а? Ничего не умеет, ничего не понимает в мясе. Хороший мальчик был в детстве. Я его видел, когда ему год исполнился. Нож складной ему подарил, как сейчас помню. И что?

– И что? – переспросила Тамара, слегка подхихикивая.

– О, ты еще смеешься! А у меня горе! Тимур заявил, что теперь он вегетарианец! Мясо он не ест! Понимаешь? – закричал дядя Боря.

– Понимаю. Сейчас у молодежи это модно, – кивнула Тамара.

– Да мне все равно, что он ест, а что не ест. Пусть хоть травку жует, как баран какой-то! Почему он работать не может? Говорит, ему нельзя! По убеждениям! Я говорю – никто не заставляет есть, можно просто донести от машины до прилавка? Какие тут убеждения? Нет, уперся, а я за него отвечаю. Говорю, иди работай на овощи, там твои убеждения не пострадают. А он отвечает, что не может – смотрит, как я мясо рублю, и страдает. Так сильно страдает, что тоже меня хочет сделать вегетарианцем! Вот с утра как начнет лекцию читать, так я сам уже бегаю мясо разгружать, чтобы от него избавиться! Что мне сестре сказать? Что ее сын бездельник? Придумал себе эту, как сейчас говорят...

– Отмазку! – подсказала Тамара.

– Точно. Замазку, отмазку, мне все равно. Куплю ему билет и домой отправлю. Пусть матери про свое вегетарианство рассказывает. Слушай, когда маленький был, так я не успевал сестре мясо привозить – на котлетки, на суп. Почему он такой вырос? Ты знаешь?

– Не знаю, дядя Боря. Может, мальчик и вправду хочет домой вернуться, вот и придумывает причины, – ответила Тамара.

– Конечно, придумывает! Ха. Какой мужчина не будет есть мясо? – воскликнул дядя Боря.

– Вы мудрый мужчина, правильно все решили. Отправляйте племянника домой. Пусть сам решает, где ему жить и чем

заниматься, – посоветовала Тамара.

– Ох, женщина, можно отрезать немножко твоих мозгов и моему племяннику в голову вложить, а? – рассмеялся дядя Боря. – Вот положу тебе еще филе. Сделай, как ты умеешь, вкусно. Скажи своим мужчинам – комплемент от дяди Бори.

– Спасибо, обязательно передам, – поблагодарила Тамара.

Я не умела так говорить и торговаться. Стояла с открытым ртом. Тамара, конечно же, была профи.

Да, дядя Боря сообщил другу, что его цыплята плохо продаются. Не выдерживают, так сказать, конкуренции с говядиной. Так кто бы выдержал, если у прилавка стоял дядя Боря?

Тетя Тамара решила провести своей потенциальной невестке экскурсию по рынку. В том месте, где они жили, рынок был шикарным – по-южному обильным, шумным, крикливым, многоголосым. А главное, вкусным. Тамара в первый же день нашла к нему дорогу, со всеми перезнакомилась, все перепробовала и объявила, чтобы были готовы – будет приходить каждый день. Голуби, летавшие в полукрытом здании рынка, разлетелись и замолкли. Собаки традиционно кинулись к тете Тамаре, будто знали ее всю жизнь, а продавцы предлагали лучшие товары.

– Я отвела ее на рынок. Надеялась, что она может стать нашей девочкой, – призналась мне Тамара, говоря о потенциальной невестке.

– И что?

– Когда Роберт резал для меня ребра, ей стало плохо. Начало тошнить. Я даже подумала, что скоро стану бабушкой, но не успела обрадоваться. Настя сказала, что неправильно брать еду без перчаток, то есть голыми руками. Это негигиенично, и она теперь не сможет есть эту еду. Я ответила, что эта еда еще должна приготовиться. То есть пожариться, свариться, запечься, а после этого никаких следов рук Роберта не останется. Но Настя сказала, что у нее перед глазами будет стоять процесс разделки. Такая нежная девочка оказалась!

Тамара решила, что, возможно, Настя любит рыбу, и отвела ее к соседнему прилавку. Когда девушка увидела, как потрошат рыбу, ей опять стало плохо, и она сказала, что теперь не сможет есть рыбу. Тамара пожала плечами, предварительно, конечно же, забрав и мясо, и рыбу, и повела избранницу сына дальше. Когда Настя увидела, как

Тамара пробует хурму, орехи, откусывает инжир, ей снова поплохело. Как можно есть не пойми что и немытое? Тамара ей объяснила, что тут все чище, чем в больнице, в операционной. Потому что ни одному продавцу не нужно, чтобы покупатель отравился. Но Настя продолжала падать в обморок.

– Как она будет выбирать еду для моего Берти, если такая нервная? – спросила саму себя Тамара. – Берти умеет на рынке, он со мной с детства ходил. За него я спокойна. Но разве не женщина должна решать, что брать, а чего не брать? Мужчина на любом рынке, сама знаешь, – носильщик. Отнести, принести. За выбор женщина отвечает.

Да, это историческое правило, которое работает во всех городах, селах, странах. Когда на рынок приходит супружеская пара, продавец всегда обращается к женщине. И с ней ведет диалог, помогает с выбором. Она же платит за продукты. Но все пакеты с купленными продуктами продавец передает мужчине, который должен стоять рядом, кивать, если к нему обращаются, и быть готовым подхватить пакет с незапланированным арбузом или дыней размером с дирижабль. Потому что супруга вдруг решила это купить. Никто на рынке не спорит с женщиной. Так что волнения Тамары я могла понять. Женщина, неспособная выбрать мясо на суп... О, что она тогда будет делать в овощах?

– Ладно, что она делает хорошо? Ведь не может быть, что все плохо? – Я решила хоть немного переключить Тамару.

– Посуду в посудомойку складывает. Меня это пугает. Она будто в тетрис играет. Минут по сорок все устанавливает – ровненько, тарелка к тарелке, вилочка к вилочке. Я же просто засуну и уйду, других дел полно. Вот с ней так же – уходила, чтобы не видеть процесс. Совсем не быстрая девочка.

«Совсем не быстрая девочка» – так говорила еще одна моя знакомая, Карина, про собственную дочь, которая очень долго шла за памперсом, долго шла на кухню за смесью. Карина переживала, что ее любимая и пока единственная внучка умрет от перегрева в памперсе или от голода, пока ее неразумная и «совсем не быстрая» мать дойдет из комнаты на кухню и обратно. Карина готовила, опасаясь, что ее любимый зять отощает, пока дождется ужина от жены. Карина приезжала к дочери и переглаживала детское белье, костюмы зятя,

потому что опасалась, что дочь будет гладить так долго, что вещи опять испачкаются и сами пойдут в стиральную машинку.

Пока дочь Карины медленно ходила из комнаты в комнату, зять успевал проголодаться несколько раз и заказать наконец еду из ближайшего ресторана. Внучка умудрялась устроить потоп в ванной и каток в коридоре, вылив на пол банку с мыльными пузырями. Карина обычно приезжала следом за сантехниками и скорой помощью – любимый зять падал в коридоре на мыльном растворе и ломал ногу. Внучка успевала откусить острый перец, который прилагался к ресторанному блюду, а потом бегала, кричала и дышала ртом, как огнедышащий дракон. Карина каждый день готовила для зятя и внучки, отмывала квартиру, чтобы уже никто нигде не поскользнулся, и уезжала счастливая. Все были накормлены, дочь могла медленно передвигаться из комнаты на кухню. Да, есть женщины быстрые, как Тамара, – она не умеет долго что-то делать, ей становится скучно и неинтересно. А есть совсем медленные – и в этом их счастье. Они долго думают, медленно ходят, не спешат принимать решения. Но пока они думают, все как-то решается само собой – как правило, благодаря таким женщинам, как Карина или Тамара, которые не могут медленно, им надо сейчас, немедленно. И они берут на себя ответственность за все. Я бы хотела быть дочерью Карины, но Тамара однажды сказала, что я – ее сестра по натуре. Пришлось согласиться и продолжать бегать по жизни в быстром темпе.

– Но Берти с ней хорошо? – спросила я у Тамары.

– Да, хорошо, – будто на автомате подтвердила она. – Мне кажется, он счастлив. Такой умничка. Только ей это все не надо, и я не знаю, как ему это сказать. Ей нужна общага, студенческая свободная жизнь, а Берти – он так привязан к дому, семье. Ему хочется уюта, заботы. Они разные, понимаешь?

– Понимаю, мой муж тоже считал, что мы разные в быту, потому что я не мыла и не чистила его ботинки, как делала его мама. Я в детстве начистилась. Ты же знаешь, в осетинских селах девочки всегда перемывают обувь. И домашних, и гостей. Намылась на всю оставшуюся жизнь, – призналась я.

– Да, а я нагладилась. Терпеть не могу. Бабушка требовала, чтобы я проглаживала наволочки с двух сторон, она вшей боялась. И чтобы углы стрелами стояли на подушке, – рассмеялась Тамара.

– А я полы должна была промыть так, чтобы между половицами земля не оставалась. А как промыть, если дом без фундамента, на этой самой земле и стоит, – пустилась в воспоминания я.

– Моя свекровь появлялась на пороге утром и ходила за мной тенью. Смотрела, как я мою, убираю, готовлю. Молча. Потом делала страшно недовольное лицо и уходила. Через полчаса все соседки знали, как я неправильно приготовила мясо, как неправильно сварила суп и как я все остальное сделала тоже неправильно. Слушай, я так плакала! Мне было обидно! Я ведь старалась! Я не хотела быть плохой свекровью. Мечтала, чтобы Берти радовался, что мне нравится его избранница.

– Да, понимаю. Сейчас это редкое качество – заполучить такую свекровь. Если Настя не подойдет, можно меня в невестки взять? Я очень, очень хозяйственная. – Я пыталась пошутить, понимая, что Тамаре плохо.

– За две недели я так устала, что сейчас ничего не могу. К плите не хочу подходить. Я их кормила, на рынок сама ходила, шу им пекла и наполеон. – Соседка опять расплакалась.

Да, это уже было серьезно – Тамара пекла такие пирожные шу, которые никто не пек. Секретный рецепт. Я пробовала – это с ума можно сойти. Шу она пекла только на юбилей мужа, годовщину собственной свадьбы и каждый год на день рождения сына. То есть это было не просто пирожное, а знаковое событие. Наполеон Тамара пекла в ночь, не меньше двенадцати коржей, никакого покупного теста. Дать пропитаться, выстояться. Она испекла для меня наполеон и появилась на пороге через сорок дней после рождения моей дочери. Такая традиция – раньше нельзя ребенка показывать, хотя я была не против. Еще один наполеон соседка принесла, когда мой сын поступил на бюджет в МГУ. И еще один – когда дочь поступила в знаменитую художественную школу. А тут, на отдыхе, без всяких событий...

– Ох, – выдохнула я. – И что? Девочка на диете и не стала есть пирожные и торт?

– Если бы, дорогая. Если бы... Она сказала, что шу – это эклеры, только круглые. А наполеон слишком мокрый, она привыкла сухой есть.

Тут я раскрыла рот. Сравнить шу с эклерами – это как нанести ужасное оскорбление и шу, и хозяйке, которая его готовила. Где шу и

где эклер? За такое сравнение можно и «зарезат»! А про наполеон лучше не начинать. Мокрый? Да, бедная девочка явно не знала, о чем говорила. Наполеон Тамары был идеальным настолько, что даже в Тбилиси о нем легенды ходили. Мол, у Тамары все равно был лучше, хотя люди, об этом судачившие, Тамару никогда не видели и ее торт не пробовали. Но какая разница? Из Москвы слухи доносились!

Тамара закурила очередную сигарету. Она старалась сделать так, чтобы ее Берти было хорошо. Только ради него пекла и шу, и наполеон, и готовила то, что любил сын. Будущая невестка не была впечатлена. Долму не стала даже пробовать, узнав из чего она приготовлена – как можно есть виноградные листья?

– Дорогая, если ты не пробовала, откуда знаешь, что нельзя? – удивилась Тамара, невольно припоминая, чего ей стоило найти на рынке женщину, которая не в сезон привезла ей виноградные листья нужного количества и размера.

– На виноградных листьях бывают гусеницы, и они всегда в пыли и грязи, – ответила без всякой задней мысли Настя. Хотя в случае с Тамарой уже могла бы догадаться, что надо думать сначала задней мыслью, потом всем остальным мозгом и только потом открывать рот. Долма, которую очень любил Берти, для Тамары была, можно сказать, семейным символом. Если Берти ест долму и уже полказанка съел, значит, счастье для матери. Сына накормила любимой едой.

– И где ты такие ужасные листья видела? – ласково уточнила Тамара.

– Нигде не видела, но так думаю, – ответила та.

– Дорогая, ты сначала вот так возьми, в рот положи, пожуй немного и проглоти, потом говори, да? – Тамара от волнения снова начала говорить с грузинским акцентом. Берти тоже стал волноваться. У Насти с аудированием, видимо, было не очень хорошо – она не почувствовала подвоха.

– Ну, девочка совсем юная, на Кавказе не росла, как мы с тобой, имеет право не знать, не понимать. – Я из последних сил пыталась оставаться нейтральной стороной. Хотя уже сама готова была придушить эту Настю за то, что она отказалась от Тамариной долмы.

– Нет! Все намного хуже! – воскликнула горестно Тамара.

Куда уж хуже, после шу, наполеона и тем более долмы, я не знала. Но звучало так, будто Настя начала хинкали резать вилкой, что уже

считается преступлением против хинкали и всей грузинской кухни. И любой повар, который покарает за неправильное поедание хинкали, будет оправдан.

– Хинкали? – уточнила я.

– Еще хуже! – закричала Тамара.

Куда хуже я уже боялась предполагать.

– Она бросила моего Берти! – закричала Тамара и залилась слезами. Плакала так горько, как плачут матери, когда плохо их ребенку. Когда дети болеют, падают, тоже плачут, потирая разбитую коленку. Когда плачут от несправедливости учительницы или обиды на лучшего друга.

– Как? – ахнула я, поскольку уже сама сроднилась с этой Настей и в мыслях придумывала вместе с Тамарой меню на свадьбу.

– Я ее успела полюбить как собственную дочь, – безутешно плакала Тамара. – Как она могла бросить моего Берти? Сделать ему так больно!

– Да, я тоже не понимаю, как можно было бросить такого прекрасного парня. И главное, как можно было бросить тебя? Я бы только ради такой свекрови замуж вышла! – пыталась рассмеяться я.

– Берти такой чувствительный мальчик. Я так за него переживаю. Для него это стало ударом. Он совсем не ожидал! Хотя бы подготовила его как-то, – призналась Тамара.

– К такому сложно подготовить, – заметила я. – Может, и хорошо, что сразу сказала, голову ему не морочила, не обманывала. А Берти да, чувствительный, но красивый и умный. Скоро найдет себе другую девушку.

– Да, он такой, – улыбнулась, вытирая слезы Тамара. – Пусть найдет. А что мне с ней делать?

– С кем? – не поняла я.

– С новой избранницей моего Берти!

– Любить всем сердцем, кормить, поить, что еще остается? – рассмеялась я.

– Ну как Настя могла бросить моего Берти? Не понимаю! Но, знаешь, я ей благодарна! – воскликнула Тамара.

– За что?

– О, мой Берти теперь знает, что такое семейная жизнь. Это же бесценный опыт! Готовит как шеф-повар, все умеет по хозяйству, я за

него спокойно. А как он жарит мясо! Надеюсь, он найдет себе хозяйственную девушку и сможет оценить, как она справляется по хозяйству.

– Ага, это как моя бабушка отправляла меня на стройку нового дома у соседей, чтобы я научилась выкладывать винтовую лестницу на третий этаж. Говорила, что тогда я смогу проследить, когда в моем доме такую же будут выкладывать, – рассмеялась я. – И отправляла в помощь другим соседям, когда те барана разделывали, чтобы я в случае чего тоже могла правильно все сделать. А мама договорилась о практике в больнице, чтобы я научилась делать уколы, ставить капельницы. И в магазине – я же должна была уметь вязать разные узлы на галстуках и правильно складывать рубашки! Так и твой Берти – благодаря Насте он научился готовить и вести дом. Вот заведет себе новую девушку и проследит, как она мясо жарит и рубашки его складывает!

– Точно! – расхохоталась наконец Тамара. – На самом деле я и правда благодарна Насте, что делала моего сына счастливым, научила его быть заботливым, ласковым, предупредительным.

– Берти – замечательный сын. Это только ваша заслуга, раз он умеет позаботиться о той женщине, которая рядом, – заметила я.

Еще одно важное качество для свекрови, как мне кажется, – уметь быть благодарной будущей бывшей невестке за то, что сын освоил новые навыки, которые явно не окажутся в жизни лишними. Например, готовить и этим радовать маму. Или любые другие – лишние знания, как показывает время, всегда пригождаются. Иначе почему я делаю уколы и завязываю галстуки чуть ли не всему подъезду?

Когда мой сын познакомился с девушкой-художницей, я сразу обрадовалась, и не зря. Он рассказал, что теперь может отличить Куинджи от Караваджо. И я уже готова полюбить эту девушку всем сердцем. Отношения – работа души, а их смена – работа мозга. В жизни пригодится и то и другое.